

Нортон ДЖАСТЕР

МИЛО

и волшебная
будка

Annotation

Американец Нортон Джастер был вполне взрослым человеком и даже известным архитектором, когда вдруг придумал волшебную сказку. «Мило и волшебная будка», которая сразу же принесла ему писательскую славу.

Эта полная невероятных приключений и озорной словесной игры история про удивительное путешествие в волшебные страны, где буквы растут в огородах, а числа добывают в подземных копиях, где все звуки собраны в хранилище, а рассветом можно дирижировать.

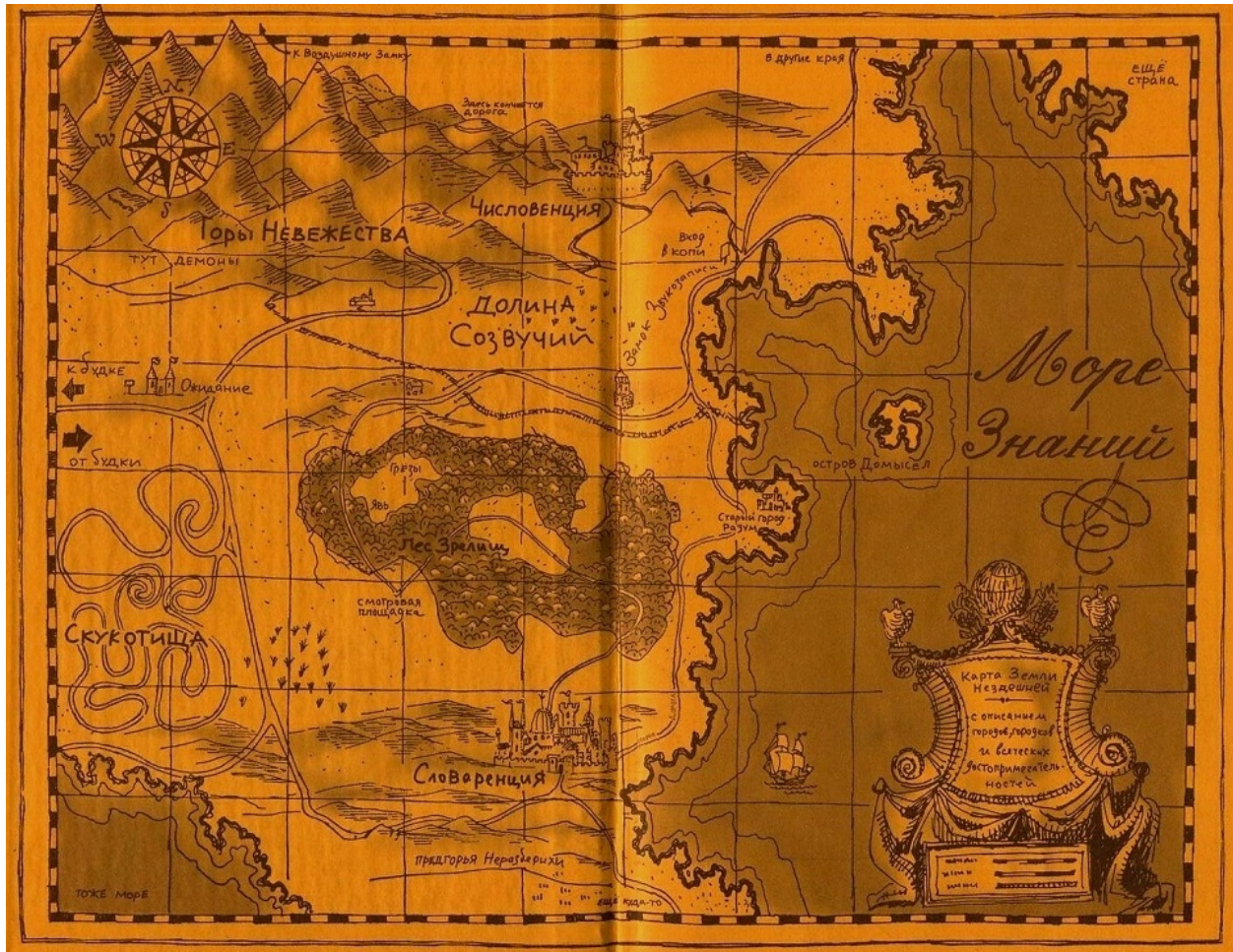
На этой увлекательной и веселой книге выросло не одно поколение американцев. До сих пор по ней ставятся театральные и радиоспектакли, а в 1970 году легендарный Чак Джонс, «отец» Багс Банни, Даффи Дака и прочих супергероев, снял по ее мотивам полнометражный анимационный фильм.

Книгу проиллюстрировал друг писателя, знаменитый художник-карикатурист и мультипликатор Жюль Файфер.

- [Нортон Джастер](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
-

Нортон Джастер Мило и волшебная будка

Глава 1

Мило

Жил-был на свете Мило, мальчишка, который нигде не находил себе места. Причем не время от времени, а постоянно.

На уроках он мечтал о гулянье. Гуляя, скучал по урокам. Шел домой и думал: хорошо бы уже быть дома! Но и дома ему не сиделось. Всегда и всюду хотелось ему оказаться где-нибудь еще — там, где его нет. Но едва попав туда, сам же и удивлялся: для чего ему это понадобилось? А все дело в том, что его мало что занимало. И меньше всего именно то, чем как раз теперь нужно было бы заниматься.

Однажды по дороге из школы он сказал сам себе:

— Учеба — это пустая трата времени. Зачем учиться? Чтобы знать ответы на всякие дурацкие вопросы: что будет, если сложить две репки и разделить пополам, или — где находится Эфиопия, или — как пишется слово «солнце»?

Так он сказал самому себе, и поскольку никаких возражений не последовало, поневоле согласился: учеба и вправду самая пустая трата времени.

И покуда он эдак мчался вскачь и вперегонки со своими коротенькими мыслишками (ведь и они, как и он сам, никогда ни на чем не задерживались, зато всюду хотели попасть немедленно), в его глазах весь этот огромный мир — подумать только! — становился совсем малюсеньким и пустым.

— Хуже всего, — уныло продолжал Мило, — что делать тут нечего, и пойти некуда, и смотреть совершенно не на что.

Этот печальный вывод он завершил таким тяжелым вздохом, что воробей, чирикавший на тротуаре, испугался и со всех крыльев припустился домой, к своим птенчикам.

Сам же Мило со всех ног припустился по улице и, нигде не останавливаясь и ничего не замечая — ни домов, ни витрин, — в два счета добежал до дому. Вот он нырнул в подъезд — вот запрыгнул в лифт (первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой) — выскочил — отпер дверь квартиры — влетел — и устало плюхнулся в кресло.

— А впереди еще целых полдня! — проямлил он, со скукой оглядев свою комнату:

книжки, читать которые — тощица смертная,
инструменты, которыми он так и не научился работать,
электрический автомобильчик, на котором он не катался вот уже

сколько месяцев — а может быть, лет?

и множество прочих игр и игрушек, мячей и шаров, а также мечей и пистолетов —

все это было разбросано по полу.

И вдруг взгляд его наткнулся на *нечто* — оно стояло у стены рядом с проигрывателем, — *нечто*, чего раньше здесь не было.

Откуда оно взялось, такое большое и такое странное? Не то чтобы квадратное, но и не вовсе круглое.

Мило повидал немало всякого, но такой большущей коробки еще не встречал. Спереди к ней был прикреплен ярко-синий конверт с надписью в графе *кому*.

«МИЛО, У КОТОРОГО УЙМА ВРЕМЕНИ».

Если вам случалось получать подобные посылки-сюрпризы, вам ничего не стоит представить себе, как он удивился и разволновался; если же вы до сих пор ничего такого не получали, то мотайте на ус, потому что еще получите.

«Ко дню рождения? — гадал Мило. — Но день рожденья у меня вроде бы не сегодня. И до Рождества еще далеко. За хорошее поведение? Но ведь вел я себя не очень-то, а уж если совсем честно, то просто плохо. (Это он и сам признавал.) А внутри наверняка какая-нибудь скучная дрянь. Отослать бы ее обратно, да кто же знает, откуда она пришла».

Так он размышлял некоторое время, а затем вскрыл конверт — есть же, в конце концов, правила приличия.

«САМАЯ НАСТОЯЩАЯ БУДКА ДЛЯ СБОРА ДОРОЖНОЙ ПОШЛИНЫ»,

— было начертано сверху, а ниже следовало:

«ЛЕГКО СОБИРАЕТСЯ В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ.
ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ ТЕХ, КТО НИКОГДА НЕ ЕЗДИЛ
ТУДА».

«Куда это туда?» — подумал Мило и стал читать дальше:

«В КОМПЛЕКТ ПОСТАВКИ ВХОДИТ:

Будка для сбора дорожной пошлины 1 (одна)

Распаковать согласно приложенной инструкции

Предупредительные знаки 3 (три)

Используются для предупреждения

Монеты 2 (две)

Использовать для уплаты пошлины

Дорожная карта 1 (одна)

Прекрасная карта местности, с изображением естественных и искусственных объектов, составленная по новейшим уточненным данным

**Свод Законов и Правил Дорожного Движения (СЗиПДД)
1 (один)**

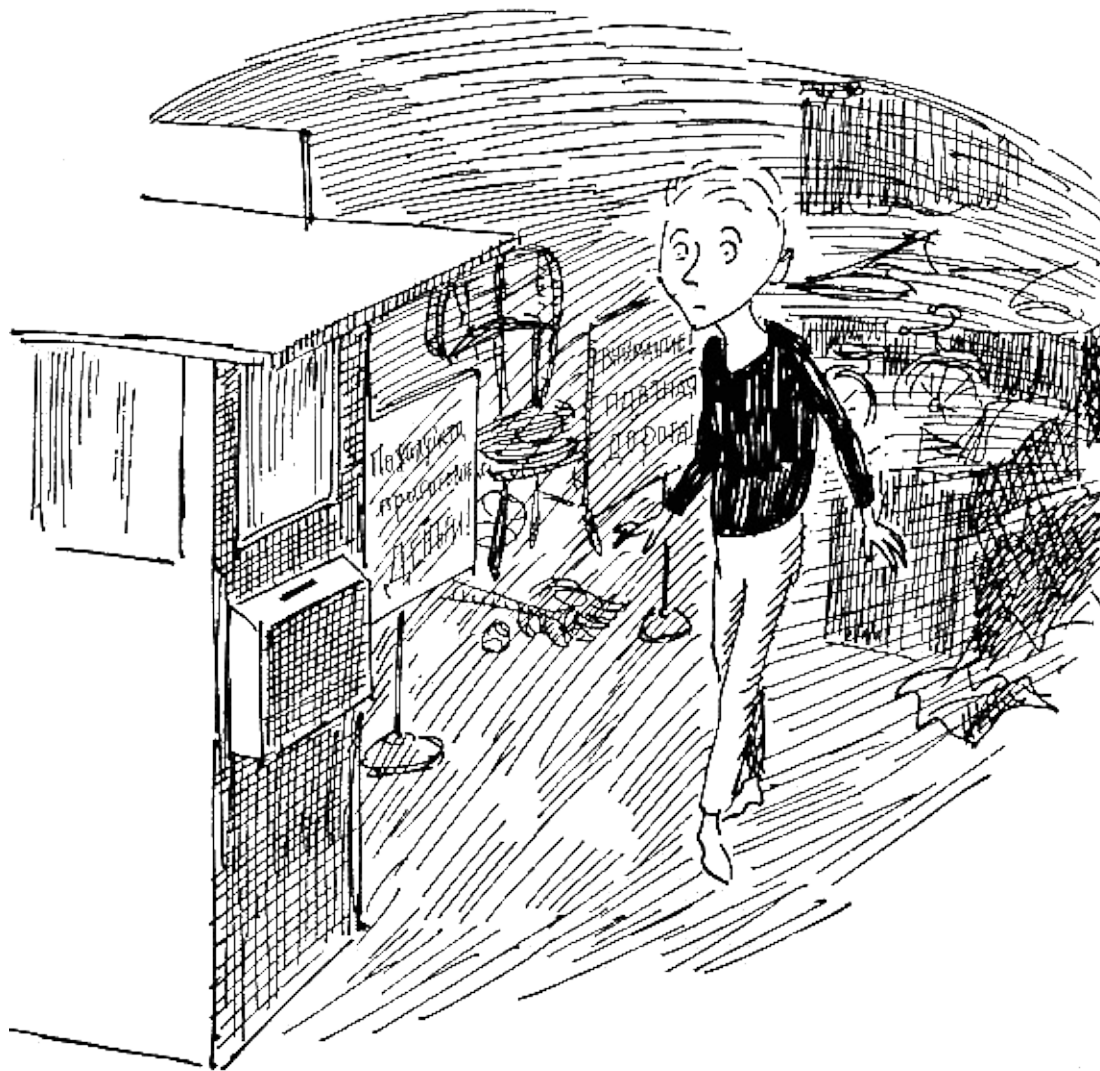
Принять к неукоснительному исполнению»

А внизу мелкими буквами было приписано:

«Гарантии не предусмотрены. Недовольным потребителям возмещается потраченное впустую время».

Следуя указаниям инструкции — тут вскрой, там вытяни и отогни, — Мило удалось распаковать и установить будку. Он приладил на место окошки и ящик для сбора денег, а сверху нахлобучил крышу с козырьками на две стороны. Путешествуя с родителями, он не раз видел такие будки на платных дорогах. Только эта была, конечно, поменьше и почему-то фиолетовая.

«Дурацкий подарок, — думал он. — Вот если бы к будке приложили дорожку — тогда бы да! А так — совсем бесполезная вещь».

И все-таки, как-то само собой, ему захотелось поиграть с будкой, и он расставил перед ней три предупредительных знака с надписями: «ВНИМАНИЕ! ПЛАТНАЯ ДОРОГА!», «ПОЖАЛУЙСТА, ПРИГОТОВЬТЕ ДЕНЬГИ!» и «УКАЖИТЕ, КУДА ВЫ ЕДЕТЕ!» — после чего развернул карту.

Карта и вправду оказалась великолепная, красочная, с обозначением главных шоссе, рек и морей, городов и городишек, гор и долин, перекрестков и объездных дорог, а также всяческих достопримечательностей — рукотворных и природных.

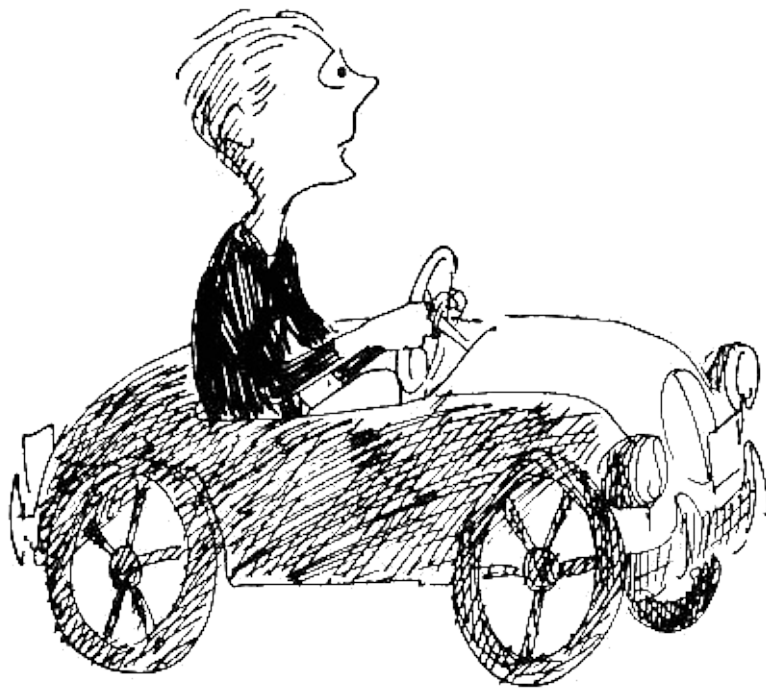
Только вот беда, Мило слыхом не слыхивал ни об одном из этих мест, да и сами названия звучали как-то непривычно.

«Похоже, эта страна не взаправдашняя, — решил он, разглядывая карту. — Ну и что? Мне-то какое дело?» И, зажмурившись, наугад ткнул пальцем.

— «Словаренция», — по слогам прочитал Мило название, в которое уткнулся палец. — Словаренция так Словаренция — какая разница?

Он подошел к автомобильчику, стер с него пыль, затем, прихватив карту и Свод Законов (СЗиПДД), уселся за руль — не все ли равно, чем заниматься, если больше заняться нечем, — и медленно подрулил к будке. Бросив монетку в прорезь ящика, он покатил дальше. В голове у него мелькнуло:

«Вот будет хорошо, если игра получится, а то опять придется целых полдня скучать».

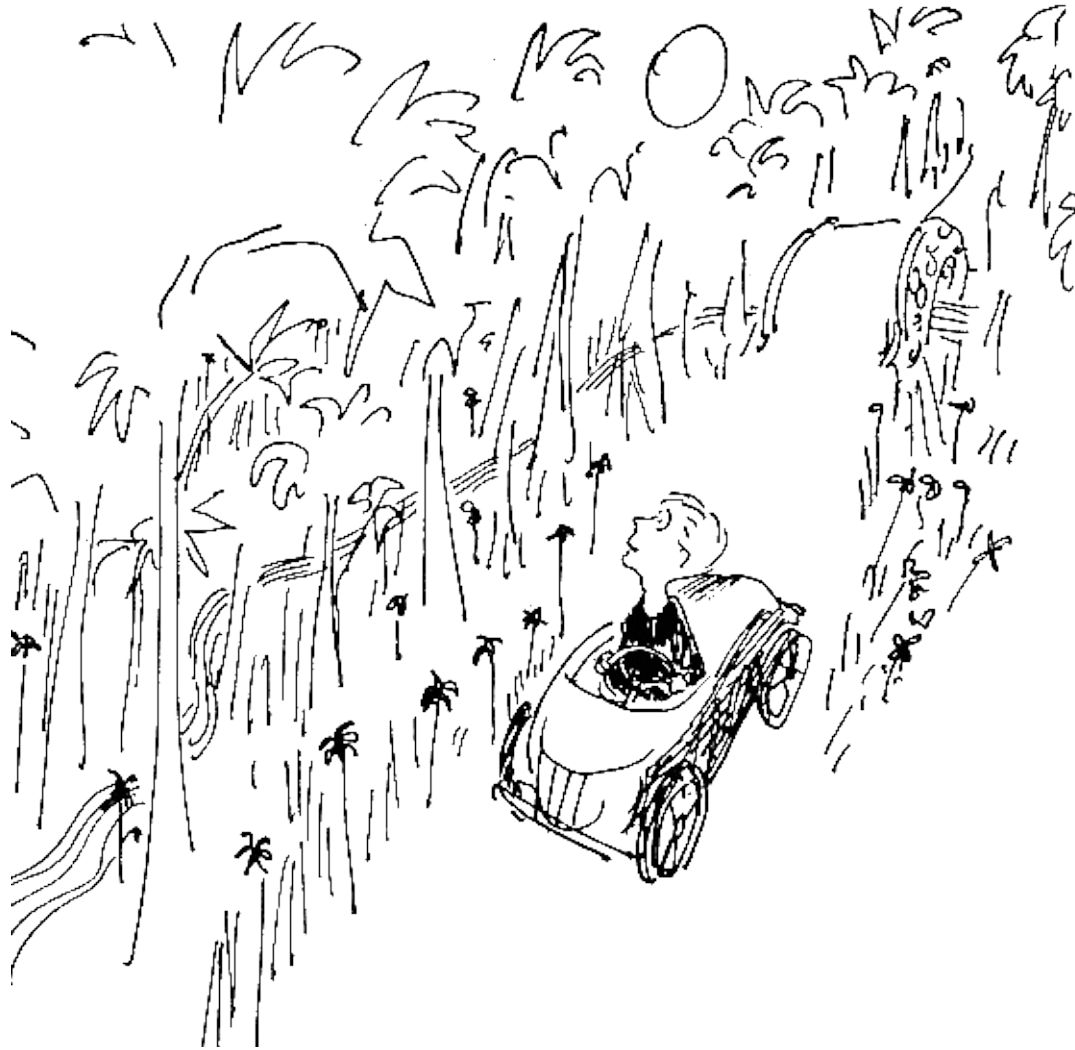
Глава 2

Скукотища после Ожиданья

Машина мчалась по незнакомому загородному шоссе. Мило оглянулся — позади уже не было ни фиолетовой будки, ни его комнаты, ни даже дома. Начиналось все понарошку, а продолжилось по-настоящему.

— Ну и ну! — удивился он (и вы, наверное, тоже). — Я-то думал, что это игра, а выходит, взаправду. Вот оно, шоссе, и я по нему никогда не ездил, и ведет оно в город, о котором я ничего не знаю, а все из-за этой фиолетовой будки, которая появилась неизвестно откуда. Зато какая погода!.. — Погода для загородной прогулки определенно была подходящая, и Мило приободрился, потому что среди неизвестного нашлось хоть что-то определенное.

Солнце сияло, небо синело, а таких ярких и сочных красок Мило в жизни не видывал. Цветы сверкали, как лакированные, высокие деревья вдоль обочины мерцали серебристой зеленью.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОЖИДАНЬЕ»,

— гласила четкая вывеска на маленьком домишке чуть в стороне от дороги. —

«РАССКАЖЕМ, ПРЕДСКАЖЕМ, ПОДСКАЖЕМ — ВСЕ
ДЛЯ ВАС! ПОДРУЛИВАЙТЕ И СИГНАЛЬТЕ!»

Едва прозвучал гудок, из дома выскочил человек в длинном-предлинном пальто. Он мчался к машине, отчаянно тараторя на бегу, при этом ухитряясь повторять некоторые слова по нескольку раз.

— Добро, добро, добро, добро пожаловать, пожаловать в наше Ожиданье, в наше Ожиданье. Ах, давненько, давненько, давненько к нам никто, к нам никто не заглядывал, не заглядывал, не заглядывал. Вот

нежданная радость-то, радость! Я, Либотак, Либоэтак, либо попросту Либо, к вашим услугам.

— Вы не скажете, эта дорога ведет в Словаренцию, так? — спросил Мило, несколько озадаченный столь бурным приветствием.

— И так, и этак, и так, и этак, — опять затараторил Либотак, — однако дорога должна привести в Словаренцию, если она вообще ведет в Словаренцию, либо куда-нибудь еще, если она ведет куда-нибудь еще, потому что всякая дорога либо так, либо этак, а куда-нибудь да приводит. Однако лучше поговорим о погоде. Итак: что нам предстоит — либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет?

Сбитый с толку Мило начал было:

— Послушайте, Либотак... Либоэтак... одним словом...

Однако Либо перебил его:

— Вот и правильно! Главное, чтобы погода была, а какая — либо такая, либо этакая — это не важно. Впрочем, никогда не мешает знать, откуда ветер дует, — добавил он и выпустил в небо с дюжину воздушных шаров. Они разлетались во все стороны, а Либоэтак, довольный своей шуткой, следил за ними и посмеивался.

Мило, однако, было не до смеха — слишком странным казался ему человек.

— Скажите, а что это за место такое — Ожиданье?

— Вот вопрос так вопрос! Всем вопросам вопрос! В Ожиданье попадает всякий, кто желает попасть куда-либо. Ну а мое дело — либо так, либо этак выпроваживать засидевшихся в Ожиданье. Уж такое у меня дело, хотя многим оно и не нравится. Чем еще я могу помочь?

И, не дожидаясь ответа, он вбежал в дом и тут же вернулся — уже в другом пальто и с зонтиком.

— Ну и ладно, — проворчал Мило, — я поеду своей дорогой. Как-нибудь да найду.

Он вовсе не был в этом уверен, но все-таки решил двигаться дальше. Так или иначе, а должен же ему встретиться кто-нибудь потолковее этого

чудного Либотака, от которого толку не добьешься, потому что все его ответы можно толковать и так, и этак, и шиворот-навыворот.

— Вот и прекрасно, прекрасно, прекрасно! — вскричал Либо. — Либо свой, либо не свой, но какой-нибудь путь да отыщется. И если сверх всякого ожидания это окажутся мои пути — я потерял их много лет тому назад, — попрошу вернуть их мне. Надо думать, они за это время основательно поржавели. Кстати, о погоде: мы, помнится, о ней говорили... — С этими словами он раскрыл зонтик и направился к Мило. — Я рад, рад, рад, что ты сам сделал выбор. Потому что сам я терпеть не могу этого «либо — либо»: либо хорошее, либо плохое, либо верх, либо низ, либо дождик, либо снег, либо ведро... Я всегда ожидаю всего, и поэтому для меня не бывает ничего неожиданного. А теперь в путь, в путь, в путь! Прощай! Прощай! Про... — Ужасный удар грома заглушил его последнее «прощай». Мило вырулил на залитую солнцем автостраду и оглянулся — Либотак стоял под зонтиком, и на него (и только на него) ливня лил дождь — ливень, как из ведра.

Дорога пошла под уклон. Впереди до самого горизонта простиралась зеленая равнина. Автомобильчик разогнался, покатился, жать на газ почти не приходилось — скорость без того была приличная. Мило ехал и радовался, что он снова в пути.

«Ожиданье — хорошее место, — думал он, — можно было бы там побыть подольше, но целый день болтать с этим чудаком — нет уж, спасибо. Таких странных людей и на свете-то не бывает!»

Так он думал, даже не подозревая, скольких не менее странных ему еще предстоит встретить.

Шоссе было ровное и пустынное. Мило расслабился и почти не следил за дорогой. Вскоре он вовсе перестал что-либо замечать и потому прозевал дорожный знак на развилке. Тот указывал налево, а Мило свернул направо, на какую-то не ту дорогу.

Едва он съехал с автострады, все сразу изменилось — небо нахмурилось, воздух застыл, все притихло, поблекло и посерело. Птицы еще пели, но песни их были унылы, а дорога стала уже и без конца петляла.

Миля за милей,

миля за милей,

миля за милей оставались позади,

а машина все замедляла и замедляла ход и уже еле ворочала колесами.

— Так я, пожалуй, никуда не доеду, — зевнул Мило, его одолевали сон и скука. — Может, я не туда свернул?

Миля за милей,
миля за милей,
миля за милей,

и вот уже все вокруг совсем выцвело и стало совершенно серое.

В конце концов машина остановилась, и Мило, как ни старался, не смог заставить ее двинуться с места.

— Куда это я попал?

— Ску-ко-ти-ща, — глухо, словно издалика, донесся ответ.

Мило огляделся. Никого. Тишина и покой несусветные.

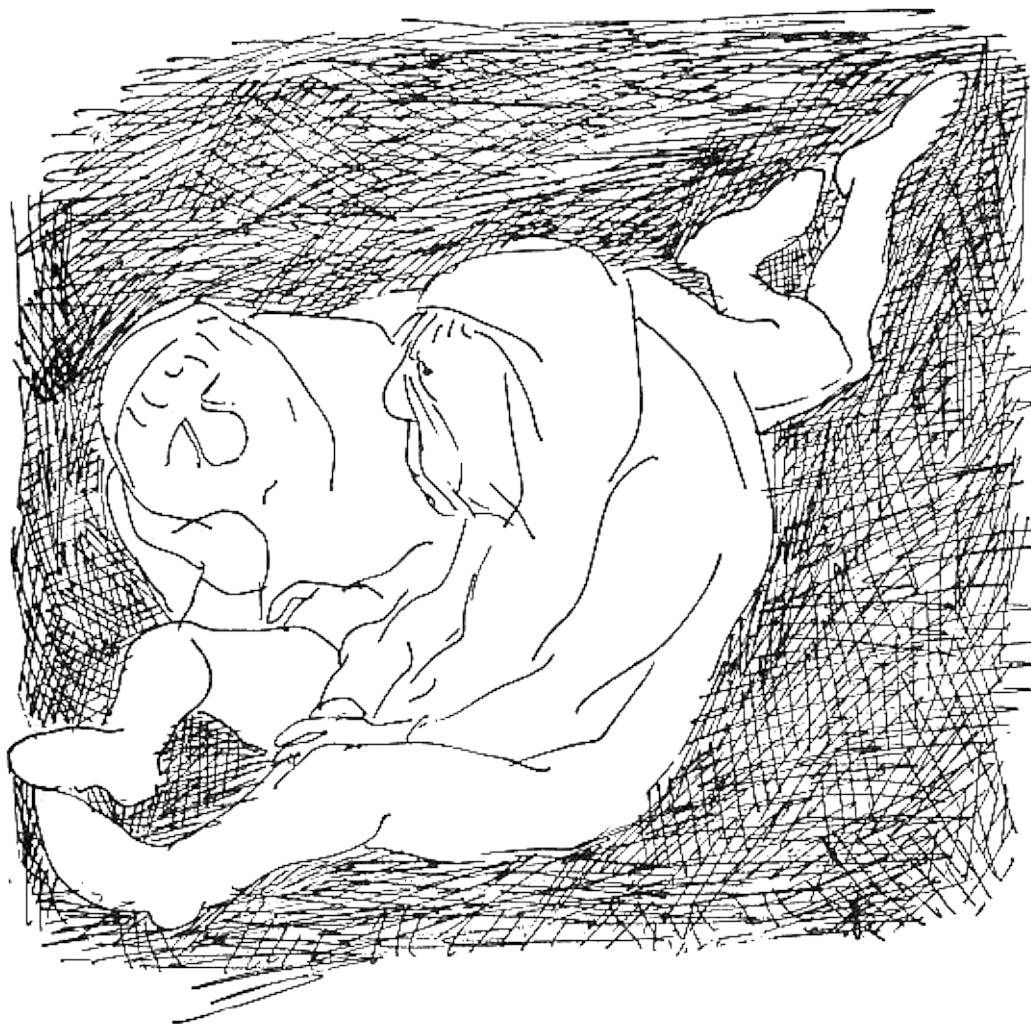
— Ага... это... Ску... ку... котища, — донесся другой голос, как будто сквозь зевоту, но никого не было видно.

— ЧТО ЕЩЕ ЗА СКУКОТИЩА ТАКАЯ? — прокричал Мило, решив на этот раз засечь, откуда прозвучит ответ.

— Скукотища, мой юный друг, — это такое место, где никогда ничего не происходит и не меняется.

Мило вздрогнул от неожиданности — голос прозвучал прямо над ухом и принадлежал малюсенькому существу. Оно сидело у Мило на плече и было почти невидимо на фоне рубашки, потому что было одного с ней цвета.

— Позвольте представиться, — продолжало существо, — мы — здешние обитатели, ротозеи. К вашим услугам.

Мило еще раз огляделся и обнаружил великое множество этих ротозеев — они сидели на машине, стояли на дороге, даже деревья и кусты сплошь были облеплены ротозеями. Только разглядеть их было непросто:

ротозеи принимали цвет того места, к которому прилеплялись. И все они были на одно лицо (если не считать окраски), а некоторые даже походили на других больше, чем на самих себя.

— Рад познакомиться, — сказал Мило, хотя особой радости не испытывал. — Я, кажется, не туда заехал. Думаю, вам ничего не стоит помочь мне выбраться отсюда.

— Не говори «думаю», — ответил ротозей, что сидел у Мило на мыске ботинка, потому что тот, что сидел на плече, задремал. — По закону не положено. — Он зевнул и тут же завалился спать.

— В Скукотище думать запрещается, — продолжил третий, засыпая на ходу.

Так они поддерживали разговор: один, сказав что-нибудь, засыпал, но его слова тут же подхватывал следующий, и беседа текла почти плавно.

— Разве у тебя нет СЗиПДД? Посмотрел бы в указ за номером сто семьдесят пять тысяч триста восемьдесят девять «Ж».

Мило достал из кармана Свод Законов и Правил, нашел нужную страницу и прочел:

«Указ № 175389-Ж:

На всей территории Скукотищи совершенно запрещено, недопустимо и неприлично: думать, обдумывать, мыслить, раз(по)мышлять, доходить своим умом, судить, приходить к заключению; полагать, делать выводы, ожидать; намереваться, хотеть; заботиться, печься. Всякое нарушение данного постановления карается по всей строгости закона».

— Вот нелепость! — возмутился Мило. — Все так или этак думают.

— Нет! Нет! — закричали ротозеи. — Только не мы!

— Да и ты, между прочим, тоже, — сказал желто-серый, сидевший на желто-сером нарциссе, — небось забыл думать и ни на что не обращал внимания, вот и оказался здесь. Такие частенько застревают в Скукотище. — Он свалился с цветка и захрапел в травке.

Глядя на него, Мило не мог не рассмеяться, хоть это и не очень-то вежливо.

— А ну, прекрати немедленно! — вскричало клетчатое существо, прилепившееся к его штанине. — Смеяться не положено. Разве у тебя нет СЗиПДД? Указ за номером пятьсот семьдесят четыре тысячи триста восемьдесят один «Ю».

Вновь открыв книгу, Мило прочел:

«На территории Скуотищи смех возбраняется. Улыбаться дозволено только в четверг после дождичка. Нарушители привлекаются к ответственности».

— Ладно, — сказал Мило. — Смеяться вам нельзя, думать тоже — чем же вы тут занимаетесь?

— Да кое-чем, только чтобы ничем, и вообще всем, лишь бы чего не вышло, — объяснил следующий. — У нас уйма дел и очень плотный распорядок дня:

в 8 — подъем и утренняя зевота,
с 8 до 9 — витание в облаках,
с 9 до 9:30 — первый утренний мертвый час,
с 9:30 до 10:30 — безделье и ничегонеделанье,
с 10:30 до 11:30 — второй утренний мертвый час,
с 11:00 до 12:00 — ожидание полдника,
с 13:00 до 14:00 — зевание по сторонам и подсчет ворон,
с 14:00 до 14:30 — первый полуденный мертвый час,
с 14:30 до 15:30 — откладыванье на завтра того, что можно сделать
сегодня,
с 15:30 до 16:00 — второй полуденный мертвый час,
с 16:00 до 17:00 — предобеденное лежание на диване и плевание в
потолок,
с 18:00 до 19:00 — битье баклуш,
с 19:00 до 20:00 — вечерний мертвый час,
а потом до отбоя в 21:00 — свободное время, которое мы убиваем.

— Сам видишь, поленишься да полодырничать, посачковать да резину потянуть, стенку подпереть да в носу поковырять — даже на это у нас времени не хватает, а если еще отвлекаться на думанье и смех, мы вообще не успеем чего-нибудь не сделать.

— Вы хотите сказать: «что-нибудь сделать», — поправил Мило.

— Да нет же! — сердито воскликнул кто-то. — Нам обязательно нужно что-нибудь именно не сделать! А ты нам только мешаешь.

— Видите ли, — примирительно продолжил кто-то еще, — ежедневно соблюдать такой жесткий распорядок ротозейства — очень трудно и утомительно. Поэтому раз в неделю у нас бывает выходной, когда мы не делаем все, что хотим. Сегодня как раз такой день. Давайте проведем его вместе!

«Почему бы и нет, — подумал Мило. — Дело привычное».

— А скажите-ка, — он зевнул, почти уже засыпая, — здесь что, все-все занимаются тем, что делают ничего?

— Все! Все! — ответили разом два ротозея. — Кроме... — и голоса их задрожали, — кроме ужасного часового. Он тут бродит, вынюхивает, не тратит ли кто время попусту. Очень неприятный тип.

— Часовой? А он кто?.. — начал было Мило, но его перебили испуганные вопли:

— ЧАСОВОЙ! ЧАСОВОЙ!

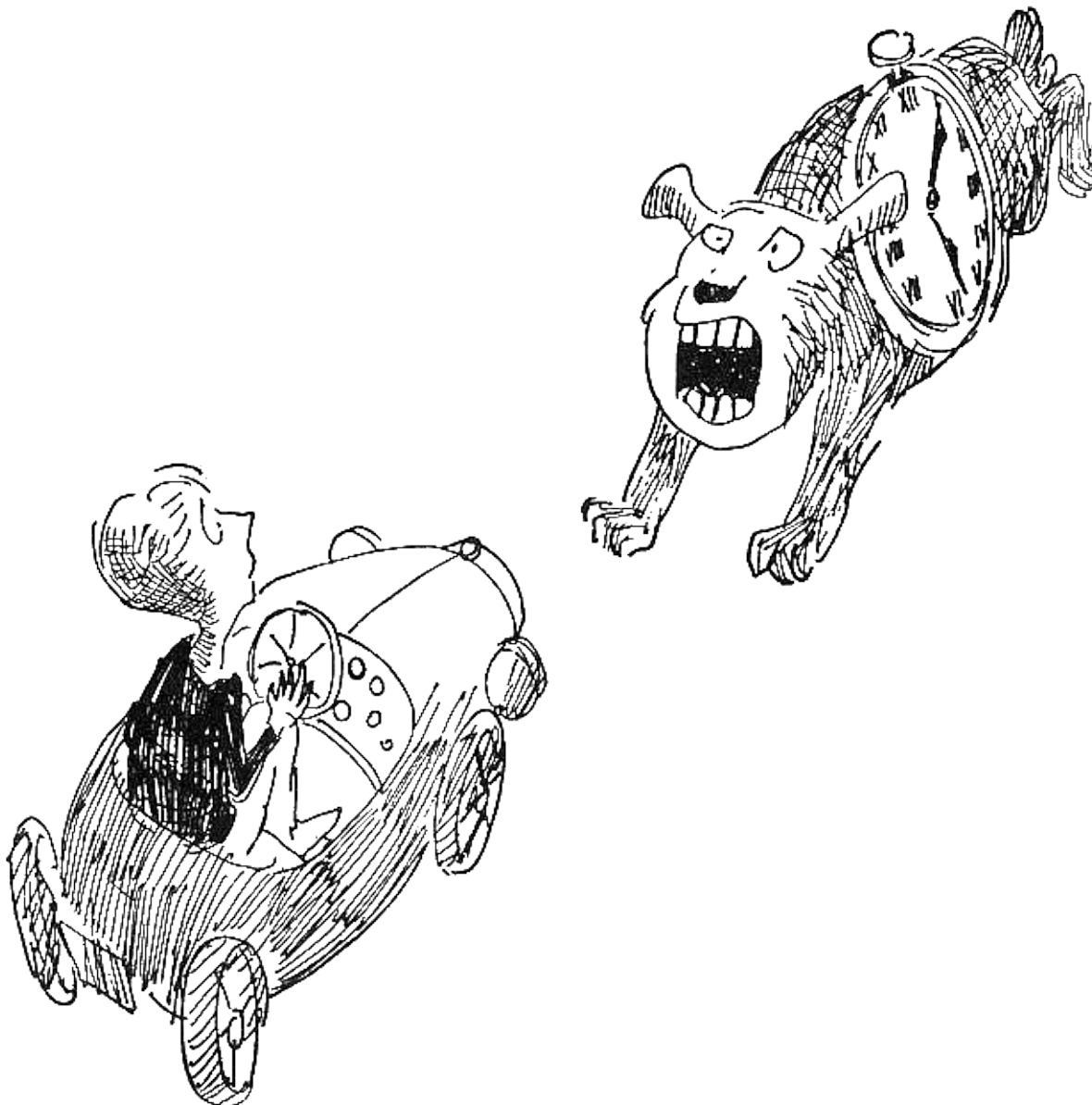
— ЛЕГОК НА ПОМИНЕ!

— ВОН ОН!

— ПРОСЫПАЙСЯ КТО МОЖЕТ!

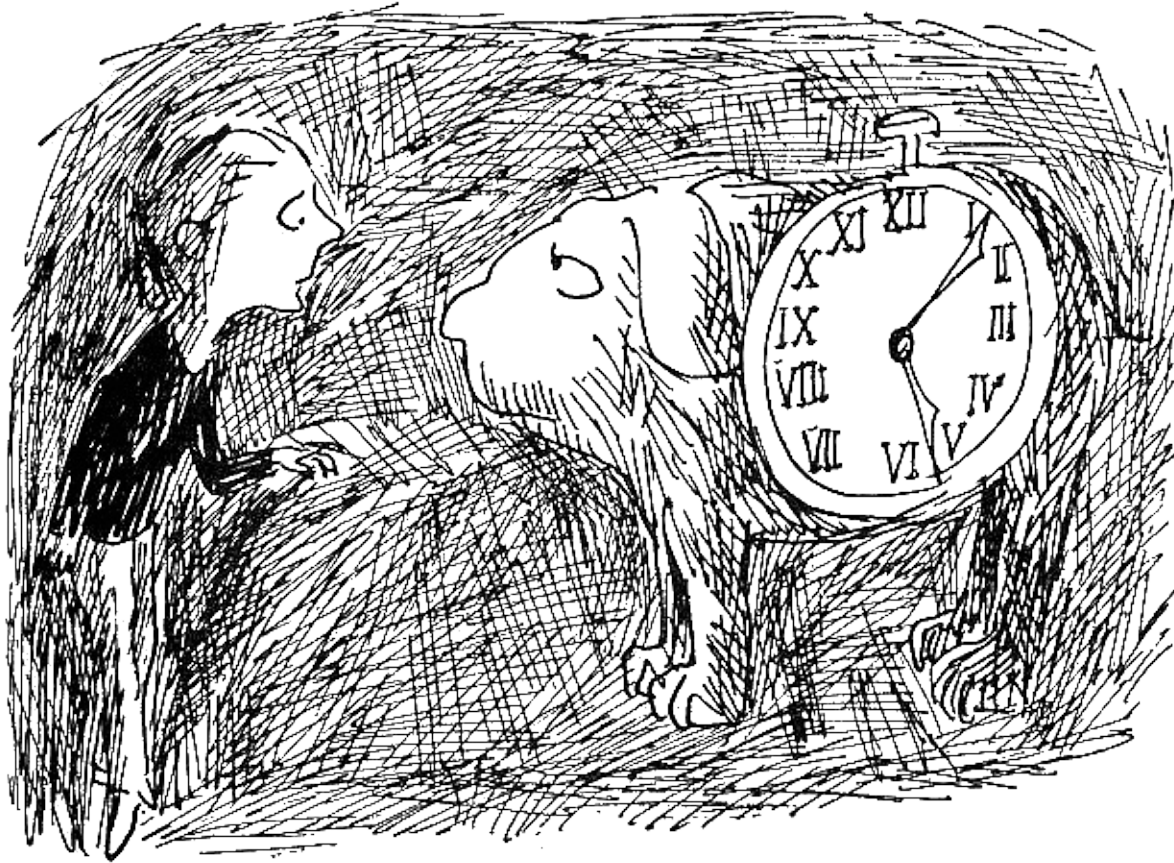
— СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ!

Ротозеи с криком разбежались во все стороны и исчезали, а по дороге, вздымая пыль и захлебываясь лаем, мчался пес.

— Р-Р-Р-Г-Р-Я-Ф! — рывкнул пес, всеми четырьмя лапами затормозив перед автомобильчиком. Бока у него ходили ходуном, он громко пыхтел.

Мило вытаращил глаза. Перед ним стоял большущий барбос: голова, хвост и лапы — самые обыкновенные, собачьи, зато вместо туловища — часы, а точнее — будильник, и будильник этот тикал.

— Чего это ты тут делаешь? — прорычал часовой пес.

— Да ничего, просто убиваю время. — Мило развел руками. — Видишь ли...

— Что? — взревел пес так, что даже будильник сорвался в звон. — Ты УБИВАЕШЬ ВРЕМЯ? Тратить, транжирить, терять — это ужасно, а уж убивать... — И он содрогнулся от отвращения. — И все же, — продолжил пес, — как ты попал в Скукотищу? Куда ты направлялся?

— Я хотел добраться до Словаренции, а тут почему-то застрял. Может, ты мне поможешь?

— Я? Тебе? Сам себе помогай, — пролаял пес, выключая звонок будильника задней левой лапой. — Надеюсь, ты еще помнишь, как тут очутился?

— Ну, кажется, я только на минутку зазевался и не подумал...

— **НА ЦЕЛУЮ МИНУТУ!** — вскричал пес, и будильник снова затрещал. — Стало быть, тебе немедленно нужно кое-что сделать. Ты понял — что именно?

— Не совсем, но сейчас пойму, — проговорил Мило, чувствуя себя ужасно глупо.

— **СЕЙ ЧАС?** Да ведь это **ЦЕЛЫЙ ЧАС**, — возмутился пес, теряя терпение. — Сам подумай, если ты заехал сюда не подумав — значит, надо думать, что ты выберешься отсюда, как только соберешься с мыслями и начнешь думать. — С этими словами он запрыгнул в автомобильчик. — Ты не против? Ужасно люблю кататься!

Мило изо всех сил начал собираться с мыслями (с непривычки это было непросто). Он стал думать о водоплавающих птицах и летающих рыбах. Он стал думать о вчерашнем завтраке и завтрашнем обеде. Он стал думать о словах, начинающихся с буквы «О», и числах, кончающихся цифрой «0». Так ему удалось чуть-чуть собраться с мыслями, и наконец

колеса автомобильчика потихоньку завертелись.

— Едем! Едем! — обрадовался Мило.

— Давай, давай, думай, думай! — проворчал часовой пес.

Мысли в голове Мило вертелись все быстрее и быстрее, колеса автомобильчика тоже. Вот уже они выкатили на автостраду — Скукотища осталась позади. Краскам вернулась прежняя свежесть, дорога летела вперед, а Мило продолжал размышлять обо всем на свете: о том, как много всяких развилочек и поворотов, и как легко свернуть не туда, и как приятно ехать прямо, но больше всего о том, сколько можно достичь одной только силой мысли. А пес сидел откинувшись на спинку сиденья, держал нос по ветру и бдительно тикал.

Глава 3

Добро пожаловать в Словаренцию

Так они и ехали.

— Ты, того, не сердчай на меня, — проговорил пес спустя какое-то время. — Я тебе, конечно, нагрубил. Но, сам понимаешь, мне по службе положено — порода у нас такая.

Мило, довольный тем, что выбрался из Скукотищи, ответил, что вовсе не сердится, а, наоборот, весьма благодарен часовому за помощь.

— Вот и чудненько! — воскликнул тот. — Я ужас как рад. Давай дружить. Меня зовут Тактик — ударение на втором слоге.

— Странно, — заметил Мило. — Почему не Тиктак? Ведь будильник твой тикает так «тик-так, тик-так».

— Не надо, — тяжело вздохнул пес, — не бери мне душу, — и на глаза у него навернулись слезы.

— Я вовсе и не думал беречь тебе душу, — поспешил оправдаться Мило. Он и вправду не собирался этого делать, потому что понятия не имел, как это делается.

— Так и быть, — вздохнул пес, взяв себя в лапы, — я поведаю тебе эту давнюю и очень грустную историю.

Вот что он рассказал:

— Когда у папы с мамой родился мой старший брат, они так обрадовались, что недолго думая нарекли его Тиктакком. Потому что были уверены, что часы у их первенца будут тикать как положено: «тик-так». Но когда они впервые завели щенячий будильник, он — вот ужас-то! — начал тикать не так, а наоборот: «так-тик, так-тик». Тут родители побежали в мэрию, чтобы изменить имя, да поздно — его уже вписали в книги, а что писано пером, сам знаешь, зубами не выгрызешь. Потом родился я, и родители решили не повторять ошибки — нарекли меня Тактиком. Они-то думали, что все их щенки будут тикать одинаково. Остальное понятно: моего брата зовут Тиктакком, хотя он так-тикает, а меня кличут Тактиком, хотя я тик-такаю. Вот ведь как! И носить нам не свои имена по гроб жизни! А папа с мамой так огорчились, что решили больше щенков не заводить и посвятили себя бездомным и голодным.

Тактик горестно взвыл, и Мило решил сменить тему.

— А почему ты решил стать часовым, а не сторожевым? — спросил

он.

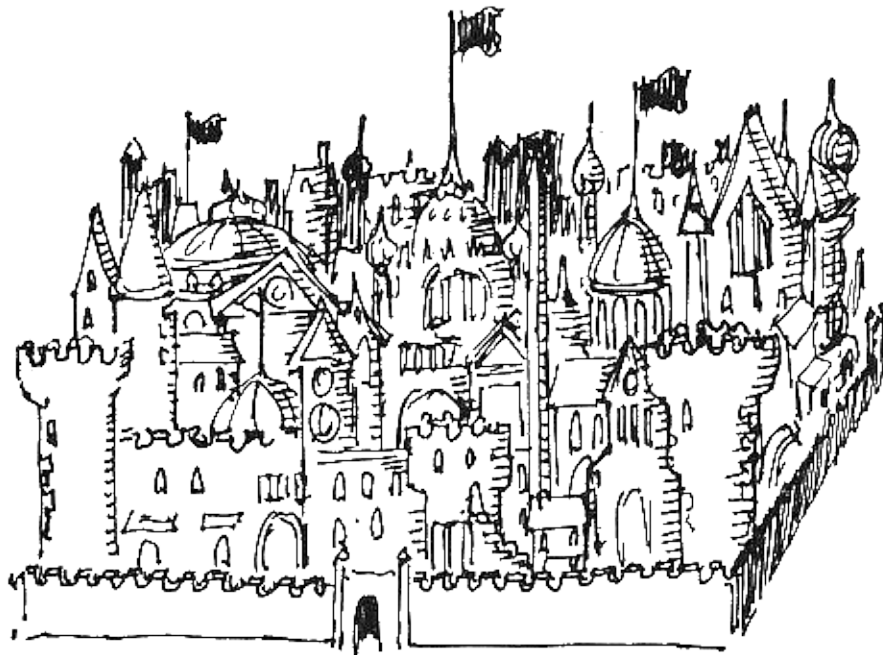
— Ну, это просто, — отвечал тот, утирая слезы лапой. — Это у нас наследственное. Почитай, с начала времен в нашем роду все были при часах и служили часовыми. А началось это вот как, — продолжил он, приободрившись. — Когда-то, давным-давно, было такое время, когда времени еще не было, и было это, между прочим, ужасно неудобно, потому как никто не знал наверняка, завтракать пора или обедать, и все всегда опаздывали на поезд. Пришлось людям выдумать время, чтобы каждый день все шло заведенным порядком и всякий день знал свое место. Когда же люди расчислили все время, какое у них появилось, то получили целых шестьдесят секунд в каждой минуте, целых шестьдесят минут в каждом часе, целых двадцать четыре часа в каждых сутках и целых триста шестьдесят пять суток в каждом году. Вот тут-то им втемяшилось в головы, будто времени у них — завались. «Чего его беречь? И так девать некуда!» — решили все как один, и настали времена хуже прежнего безвременья. Они бросали время на ветер и почти все потратили попусту или отдали задарма. Вот после этого нам и было поручено стеречь время, чтобы никто не транжирил его почем зря. — Тактик гордо выпятил грудь. — Дело, конечно, нелегкое, но благородное! Ибо... — Тут он вскочил на сиденье, поставил одну заднюю лапу на лобовое стекло, а обе передних воздел к небу и возгласил: — Ибо сказано: время дороже всего, дороже всех сокровищ на свете. Оно уходит, оно истекает, человеку за ним не угнаться, и...

В этот момент автомобильчик подпрыгнул на выбоине, Тактик рухнул на сиденье, и будильник снова затрезвонил как оглашенный.

— Ты не ушибся? — спросил Мило.

— Уф, — выдохнул Тактик, — прости, я малость увлекся. Но только ради тебя — чтобы понятней было.

И дальше всю дорогу часовой пес толковал о важности времени, призывая в свидетели то древних мудрецов, то древних поэтов, и при этом так размахивал всеми четырьмя лапами, что в любой момент мог на всем ходу вывалиться из машины.

Но вот в лучах солнца уже засверкали башни и вымпелы Словаренции, автомобильчик подкатил к высокой городской стене и затормозил перед воротами.

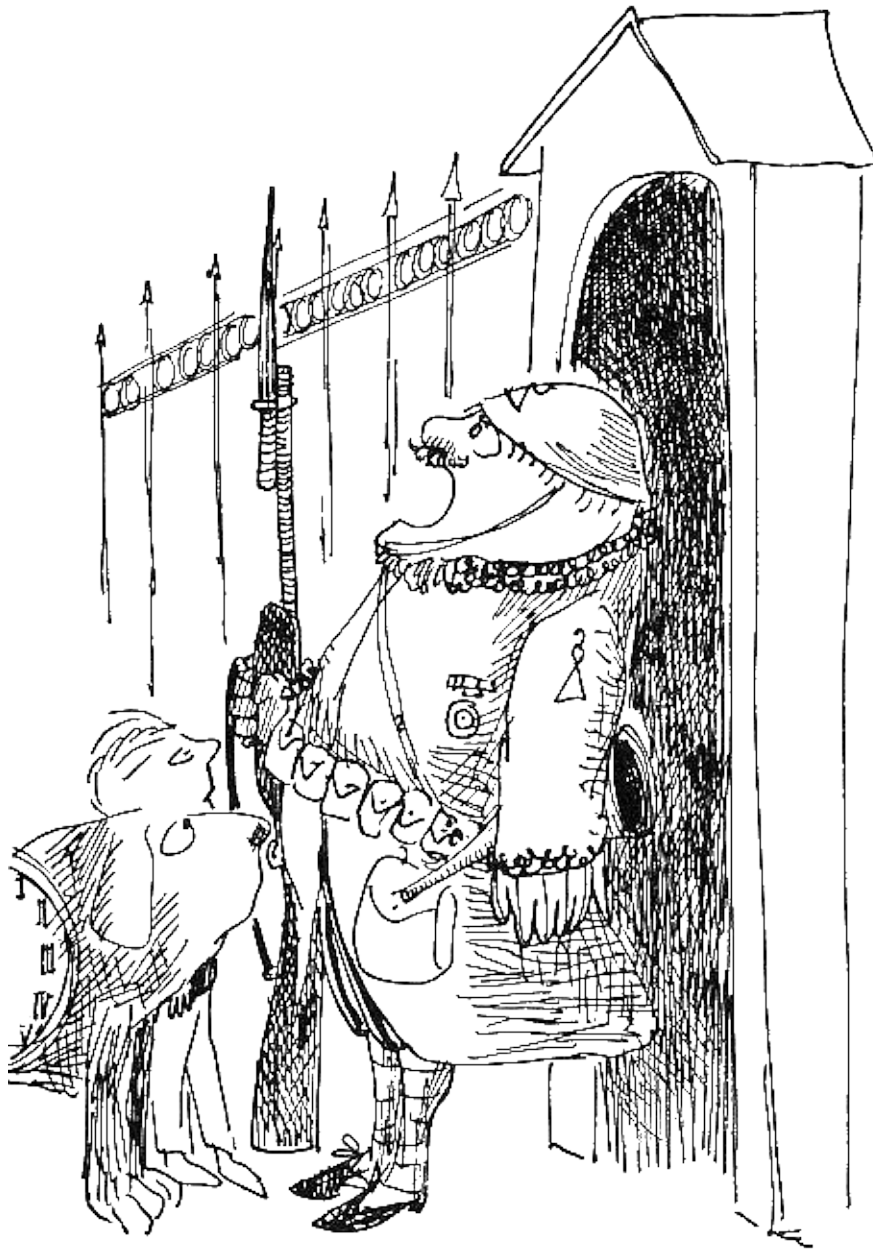
— Х-Р-Р-ТЬФУ! — Привратник прочистил горло, да погромче, чтобы привлечь к себе внимание. — Вы прибыли в Словаренцию, в благословенное королевство, счастливо расположенное в предгорьях Неразберихи и нежно овеваемое ласковыми бризами с Моря Знаний. Сегодня, согласно королевскому указу, день рыночный. Что вы будете, продавать или покупать?

— Как это? — не понял Мило.

— Или вы покупаете, или вы продаете, или продаете, или покупаете, — нетерпеливо повторил привратник.

— Ну, мы... — замялся Мило.

— Стало быть, определенной цели у вас нет, — перебил его привратник. — В таком случае вы должны предъявить либо повод, либо причину. Есть у вас таковые?

Мило помотал головой.

— Плохо ваше дело, очень плохо. — Привратник тоже помотал головой. — Без этого проезд вам закрыт. — Он задумался на мгновение,

потом воскликнул: — Погодите, погодите, может быть, у меня среди старой рухляди что-нибудь да найдется!

Он выволок из сторожки чемодан и сосредоточенно начал рыться в нем, бормоча себе под нос:

— Не то... Не то... Не то... Это не годится... Нет... А это?.. Это будет в самый раз! — вскричал он победно, вытащив маленький жетон на цепочке.

На жетоне после того, как с него была стерта пыль, обнаружилась надпись:

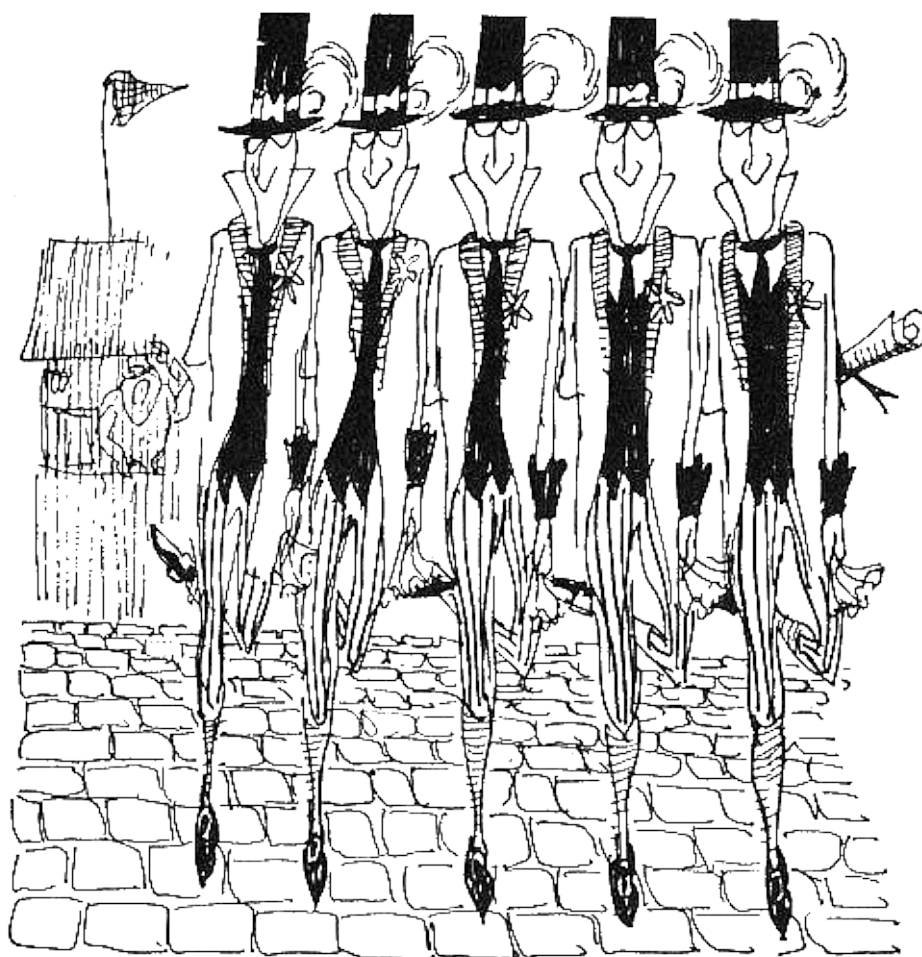
«А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?»

— Вот вам повод для чего угодно. Несколько поношенный, но вполне еще годящийся. — Сказав это, привратник повесил жетон на шею Мило, потом распахнул тяжелые железные створки ворот и, низко поклонившись, махнул рукой, мол, проезжайте.

«Интересно, что тут за рынок?» — успел подумать Мило, въезжая в город, и ответ пришел тотчас — автомобильчик выкатился на широкую площадь, сплошь уставленную рядами ларьков, доверху заваленных товарами и украшенных разноцветными флажками. Поверх всего был натянут большой транспарант:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РЫНОК СЛОВ».

А к ним — рысцой через всю площадь — уже поспешали пятеро джентльменов, разодетых в пух и в прах, в шелк и в бархат, и на шляпах у них — плюмажи, и на башмаках у них — пряжки, и все пятеро выстроились в ряд перед автомобильчиком, разом отерли пять лбов, прочистили пять горл, развернули пять свитков и заговорили по очереди:

- Здравия желаем!
- Наше почтение!
- Добрый день!
- Приветик!
- Здорово!

Мило кивнул им, и они продолжили читать по свиткам:

- От имени Азбукиана Достословного...
- Короля Словаренции...
- Самодержца буквального...
- Императора существительного, прилагательного и прочая...
- Добро пожаловать к нам в королевство...
- Царство...
- Государство...
- Страну...
- Империю...
- Княжество...

— Герцогство...

— Землю...

— Территорию...

— А разве все это не одно и то же? — изумился Мило.

— Верно...

— Правильно...

— Точно...

— Так оно и есть... — ответили они в очередь и добавили хором: — Именно так!

— В таком случае, — спросил Мило, — зачем вы повторяете одно и то же разными словами — разве не проще сказать одним словом? И смысла было бы больше.

— Чушь!

— Галиматъя!

— Бред!

— Ересь!

— Чепуха! — Последнее слово они выкрикнули хором и продолжили:

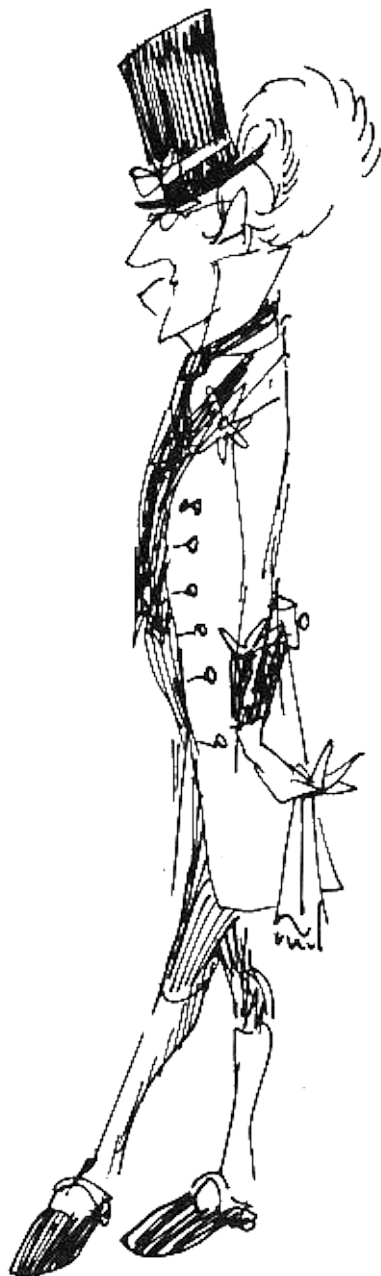
— Какое нам дело до смысла? Это нас не касается, — проворчал первый.

— Кроме того, — пояснил второй, — одно слово ничуть не хуже другого — так почему бы не использовать все разом?

— И не надо выбирать наилучшее, — добавил третий.

— Потому что одно — хорошо, а десять — в десять раз лучше, — грустно вздохнул четвертый.

— Судя по всему, вы не знаете, кто мы такие, — усмехнулся пятый.

И они представились в том же порядке:

- Граф Орфографии.
- Казначей Значений.
- Премьер Пример.
- Полковник Толковник.
- Фон-Барон Фонетик.

Мило кивнул, но Тактик тихо заворчал, и тогда Полковник растолковал:

- Мы — тайные советники короля, в некотором смысле его кабинет.

— Кабинет, — подхватил Казначей, — имеет следующие значения: первое — комната для уединенных письменных занятий, рабочая комната; второе — шкаф с выдвижными ящиками, застекленный шкафчик, горка, бюро или секретер, письменный стол со шкафами, ящиками и пр.; третье — совет министров, правительство.

— Из чего следует, — Полковник кивком головы поблагодарил Казначея, — что Словаренция есть прародина всех слов, и отсюда, из наших садов и огородов, они расходятся по всему свету.

— Разве слова растут в огородах? — робко удивился Мило.

— Где же им еще расти, кроме садов и огородов, — обиделся Казначей. — Мы же не говорим о дикорастущих!

Вокруг тут же столпились зеваки, чтобы поглазеть на пришельца, который даже не знает, откуда берутся слова.

— Честно говоря, — признался Мило, еще больше оробев, — я даже не подозревал, что слова вообще где-то растут.

— Но ведь деньги-то во саду ли, в огороде не родятся, правда? — ехидно заметил Фон-Барон.

— Правда. Это всем известно, — согласился Мило.

— Однако должно же там что-то расти. Почему бы в таком случае там не расти словам? — победно воскликнул Премьер.

Зеваки громко одобрили мудрый вывод Премьера и разошлись по своим делам.

— Посему, — продолжил Премьер, — единожды в неделю, согласно королевскому указу, на этой площади работает Рынок Слов. На него стекаются люди со всего света, чтобы пополнить запас слов, если им его не хватает, или продать излишки, которые им не нужны.

— А наше дело, — сказал Казначей, — наблюдать, чтобы на Рынке торговали словами **должными**, поскольку не **должно** торговать словами, не имеющими значения или вовсе не существующими.

— Например, — подхватил Премьер, — вам продали слово **зрбдск** — попробуйте-ка его пристроить к делу!

«Да уж, заковыристое словечко», — подумал Мило, которому и без этого надоели всякие громоздкие слова, значения которых он не знал.

— Однако мы слов не выбираем, — продолжил Полковник, когда они направились к торговым рядам, — нам годится всякое, лишь бы оно значило все, что ему угодно значить. Нам все равно — умное оно или безумное.

— Ложное или сложное, — подхватил Казначей.

— Избранное или бранное, — продолжил Премьер.

— Ну, это проще простого, — ради вежливости вставил Мило.

— Чего там, — воскликнул Фон-Барон, — рылом в грязь мы... — но не успел сказать «не ударим», как споткнулся и ударился лицом в грязь.

— Зачем же так грубо? — пожурил его Граф.

— Я всего лишь сказал... — начал Фон-Барон, потирая ушибленный нос.

— Мы слышали, что вы сказали, — перебил его Премьер. — В следующий раз попрошу выбирать выражения.

И четверо захохотали, глядя, как пятый оттирается от грязи.

— В другой раз, — посоветовал Казначей, — будьте внимательней, убедитесь, что ваши слова значат именно то, что вам нужно. Однако мы уже опаздываем — нам еще надо успеть переодеться к королевскому пиру.

— Там мы, надеюсь, встретимся, — бросил Граф, обратившись к Мило, и, прежде чем тот успел ответить, все пятеро пустились через площадь все той же рысцой.

— Походите по Рынку! — обернувшись, крикнул Фон-Барон.

— Рынок, — подхватил Полковник, — площадь в городах и селах для торговли съестными и другими припасами на воле (на воздухе), место съезда и сходки продавцов и покупателей по назначенным дням; торг, торжище, базар...

И пятеро джентльменов растворились в толпе.

— Никогда не думал, что в словах можно так запутаться, — сказал Мило, почесывая пса за ухом.

— Во многих словах мало толку, — ответил Тактик, и Мило решил, что это самое разумное из всего, что он слышал сегодня.

— Пойдем-ка погуляем по Рынку. Гляди, какое тут столпотворение.

Глава 4

Базар

И вправду, толпы людей толклись и шумели в торговых рядах, покупали и продавали, торговали и торговались. Огромные телеги на деревянных колесах вереницей тянулись от садов и огородов к рыночной площади, и такие же длинные караваны отправлялись отсюда во все концы королевства. Целые горы тюков и ящиков ждали погрузки на корабли, приплывшие по Морю Знаний. Бродячие певцы чуть в стороне от торговых рядов развлекали песнями тех, кто был слишком юн или стар, чтобы участвовать в купле-продаже. И весь шум и гам перекрывали зычные голоса торговцев, выхваляющих свой товар:

— А ну, кому свежайшие *если, бы, да, кабы!*

— Налетай, народ! Прямо с ветки *до и от.*

— Распродажа! Распродажа! Обиходные словечки по сходным ценам.

Сколько там было народу и сколько слов! Торговцы сидели всюду, где только можно, и даже там, где нельзя. И всюду — слова, слова, слова! Там их сортируют, тут перебирают и раскладывают по коробкам. Одну наполнят — берут другую. И кажется, не будет здесь конца суете и хлопотам.

Мило с Тактиком бродили по торговым рядам, разглядывая всевозможные слова, выставленные на продажу. Там были самые короткие и простые словечки для обыденных разговоров, были и длинные и очень важные словеса для особых случаев, а некоторые, совсем особенные, в подарочной упаковке, предназначались для королевских указов и речей.

— Сюда! Сюда! Сказочное качество! Баснословный выбор! — выкрикивал один из торговцев. — Сюда... ах, молодой человек, чем могу быть полезен? У нас имеются любые имена: имена существительные, имена нарицательные, а также собственные. Или вы предпочитаете местоимения?

Мило никогда не интересовался словами, однако здесь они выглядели так заманчиво, что даже ему захотелось что-нибудь купить.

— Ты только посмотри, Тактик, — воскликнул он, — как они хороши!

— Хороши-то хороши, если знаешь, куда их вставить! — скучливо проворчал часовой пес, который в этот момент мечтал вовсе не о словах, а о сахарной косточке.

— Вот станут моими, я уж куда-нибудь их пристрою, — с жаром возразил Мило, перебирая товар на прилавке.

В конце концов ему приглянулись три красных словца — «мелиорация», «благолепие» и «фурнитура». Он понятия не имел, что они значат, однако на вид они казались очень важными и изящными.

— Сколько за все? — спросил он, и едва продавец шепотом назвал цену, Мило сложил товар обратно на прилавок и отвернулся.

— Возьмите хотя бы пару фунтов *счастья*, — предложил торговец. — Очень практично и сгодится всюду, где пожелаете — в «счастливой дороге», в «счастливо оставаться», в «счастливом Новом Году», да и просто в «счастье и удаче».

— Я бы с удовольствием, только... — начал было Мило, но торговец продолжал, не слушая:

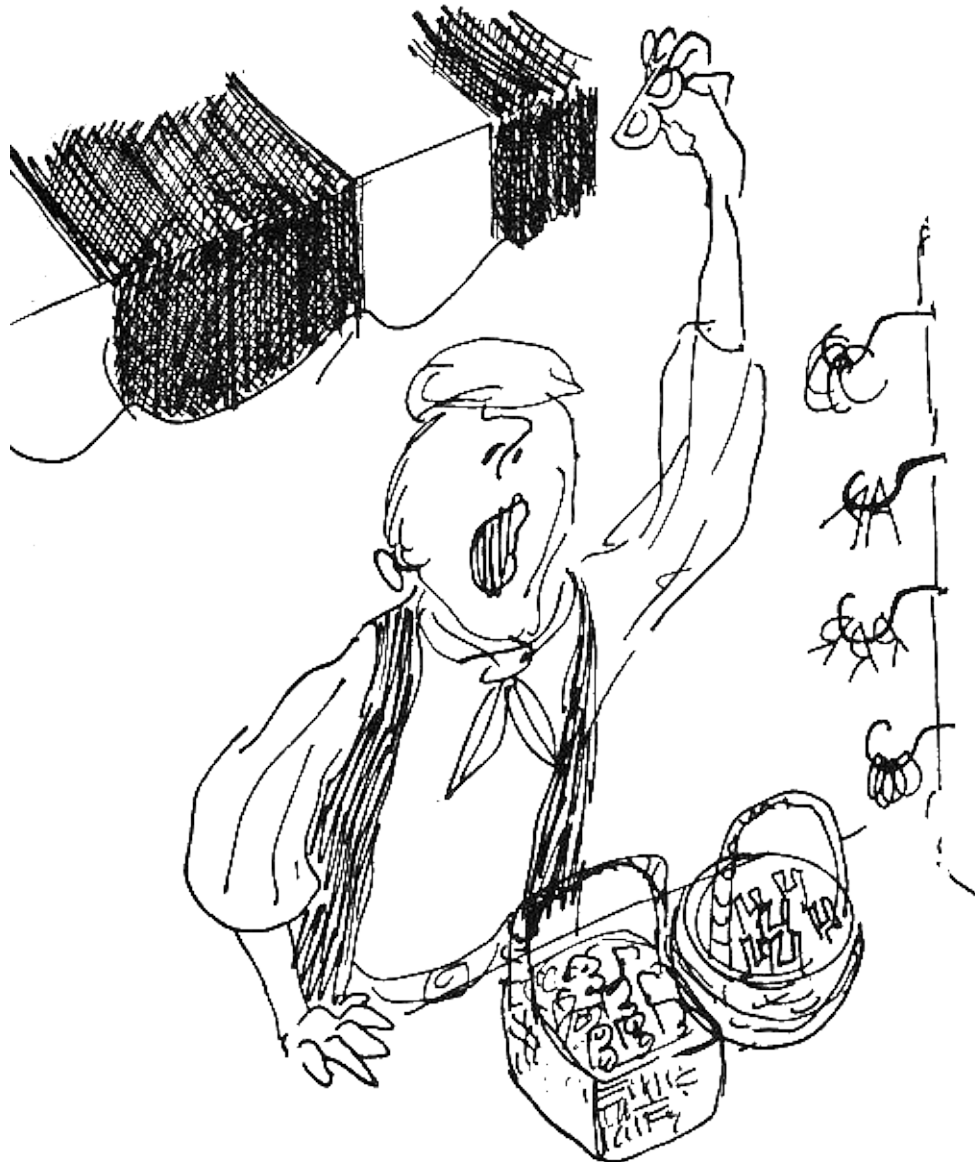
— А не то купите совсем задешево набор слов повседневного спроса: в нем и «доброе утро», и «добрый день», и «добрый вечер», и «доброй ночи» и даже «добро пожаловать»...

Мило не прочь был купить хоть что-нибудь, да денег у него осталось — всего одна монета, та самая, которую нужно будет опустить на обратном пути в ящик фиолетовой будки, а у Тактика, само собой, денег в заводе не было — а было только время.

— Благодарю вас, — сказал Мило, — мы подумаем.

Они двинулись дальше.

На самом краю самого последнего ряда стояла странная, не похожая на прочие палатка. На стенке у нее четкими буквами была выложена надпись: «СДЕЛАЙ САМ», а на прилавке выстроились в ряд короба со всеми литерами алфавита от А до Я.

— Мой товар для тех, кто любит рукоделье, — сообщил хозяин. — Выбирайте, что душе угодно. А не то купите готовый набор со всеми письменами, знаками препинания и руководством. Вот, попробуйте литеру А — пальчики оближете!

Мило откусил кусочек и обнаружил, что нет ничего вкуснее и слаще этого А.

— Ага, понравилось! Я и не сомневался, — хохотал хозяин, откусывая разом от двух Ж и одного Р, и сок стекал у него по подбородку. — Эти А у нас идут, как горячие пирожки. Остальные буквы, между прочим, ничуть не хуже, — сообщил он, понизив голос. — Попробуйте, к примеру, Ш или Щ — такие хрустящие, с корочкой. Конечно, Ъ черствоват. Ну, так его и не берут почти. Зато все остальное — отменного вкуса. Вы пробуйте,

пробуйте, не стесняйтесь!

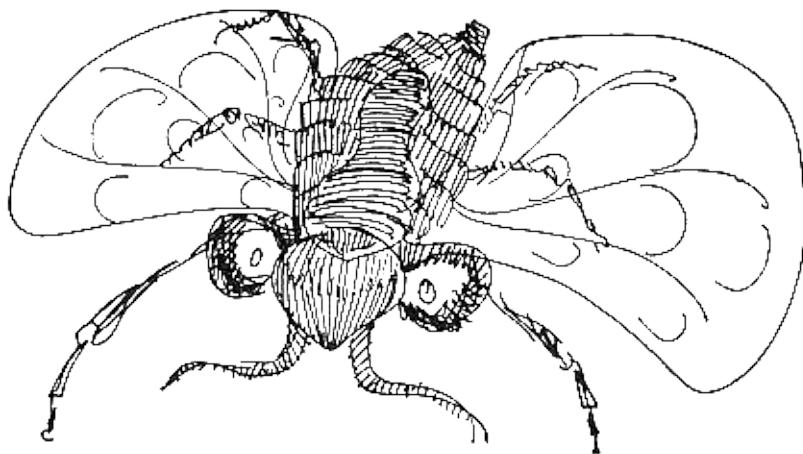
Он предложил Мило льдистое и освежающее Я, а Тактику скормил хрусткое свежее Х.

— Одна беда, народ у нас ленивый стал, отвык, понимаешь, от ручной работы, — продолжал он. — А ведь сложить на досуге словечко-другое — занятие очень приятное.

— Тут слишком много надо думать. А у меня не очень-то получается, — признался Мило, сплевывая косточки от Ф.

— Может быть, вам нужна помощь — пэ-о-эм-о-ща-мягкий знак? — прогудел голос откуда-то сверху.

Мило глянул на крышу палатки. Там сидела огромная, наверное, вдвое больше него, пчела.

— Не бойтесь! — прогудела пчела. — Я всего-навсего Пчела-Наборщица — эн-а-бэ-о-эр-ща-и-цэ-а. Собираю вместо меда буквы, а набираю из них слова — эс-эл-о-вэ-а.

Тактик тут же полез под прилавок, а Мило, который не очень-то любил пчел даже обычного размера, потихоньку стал пятиться.

— Я могу набрать что у-гэ-о-дэ-эн-о, — похвалилась она, расправляя крылья. — Если не верите, проверьте, пожалуйста — пэ-о-жэ-а-эл-у-и краткое-эс-тэ-а.

— Знаете что, — предложил Мило, продолжая пятиться, — не могли бы вы сложить такое предложение: «до свидания»?

Пчела легко взлетела и неторопливо закружилась над Мило.

— Неужжели вы боитесь меня? Это не-до-ра-зу-ме-ни-е. Я не кусаюсь. — Она заложила шикарный вираж вправо. — Даю честное — че-эс-тэ-эн-о-е — слово, намерения у меня самые мирные. — И, вернувшись на крышу палатки, она принялась обмахиваться одним крылышком. — Зздайте мне любое, самое сложжжное слово, какое только ззнаете, и я сложжжу его. Ну же, скорее! — От нетерпения Пчела даже пританцовывала.

«Выглядит она вполне дружелюбно», — подумал Мило (хотя кто ж его знает, как оно выражается, дружелюбие, скажем, дружелюбного шмеля?). Он попытался вспомнить какое-нибудь трудное слово.

— Ладно, наберите «сейчас», — наконец сказал он, потому что сам не знал, как оно пишется — то ли «сичас», то ли «щас».

— Вот словечко так словечко! — проговорила Пчела, подмигнула хозяину фургона. — Мне надо подумать. — Она нахмурилась, потеряла лапкой лоб и стала ползать взад-вперед по крыше. — Сколько у меня времени на ответ?

— Не больше десяти секунд! — в азарте крикнув Мило. — Считай, Тактик!

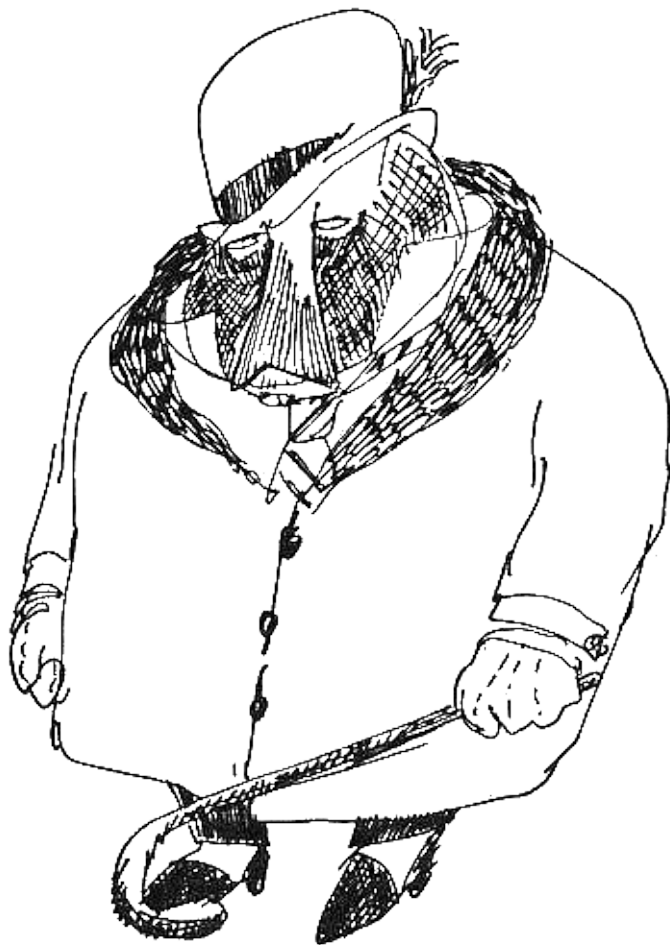
— Это надо жже, надо жже, надо жже, — бормотала пчела, лихорадочно шевеля лапками. Но не успел Тактик пролаять «десять», как она произнесла скороговоркой: эс-е-и краткое-че-а-эс.

— Правильно, — одобрил хозяин палатки, и все захлопали в ладоши.

— Значит, вы знаете, как пишутся все-все слова? — спросил восхищенный Мило.

— Почти все-все, — поправила его Пчела-Наборщица не без гордости. — Дело в том, что когда-то я была самой обыкновенной рабочей пчелой-цветочницей — целыми днями я летала по луговым цветам, а иногда, но слишком редко, мне перепадала работа на дамских шляпках. И вот однажжды я поняла, что без образззования никогда и ничего не добыюсь, а грамоту я худо-бедно знала, и тогда я решила...

— Все это — ЕРУНДА! — проскрежетал кто-то. Из-за палатки появился жук в роскошном наглухо застегнутом пальто, в полосатых брюках, коротких гетрах, при жилете и в котелке. — ЕРУНДИСТИКА, с вашего позволения! — повторил он, взмахнув тростью и щелкнув каблуками. — И где ваши хорошие манеры? Или никто не собирается представить меня этому юноше?

— Ззнакомьтесь, — презрительно прожужжала Пчела, — жжжук ЛЯПСУС, сын ОГРЕХА. Тот еще жжжучок, скажжжу я вам.

— ЧУШЬ! Ляпсус всем по душе, — вскричал Ляпсус. — На днях, когда я говорил с королем...

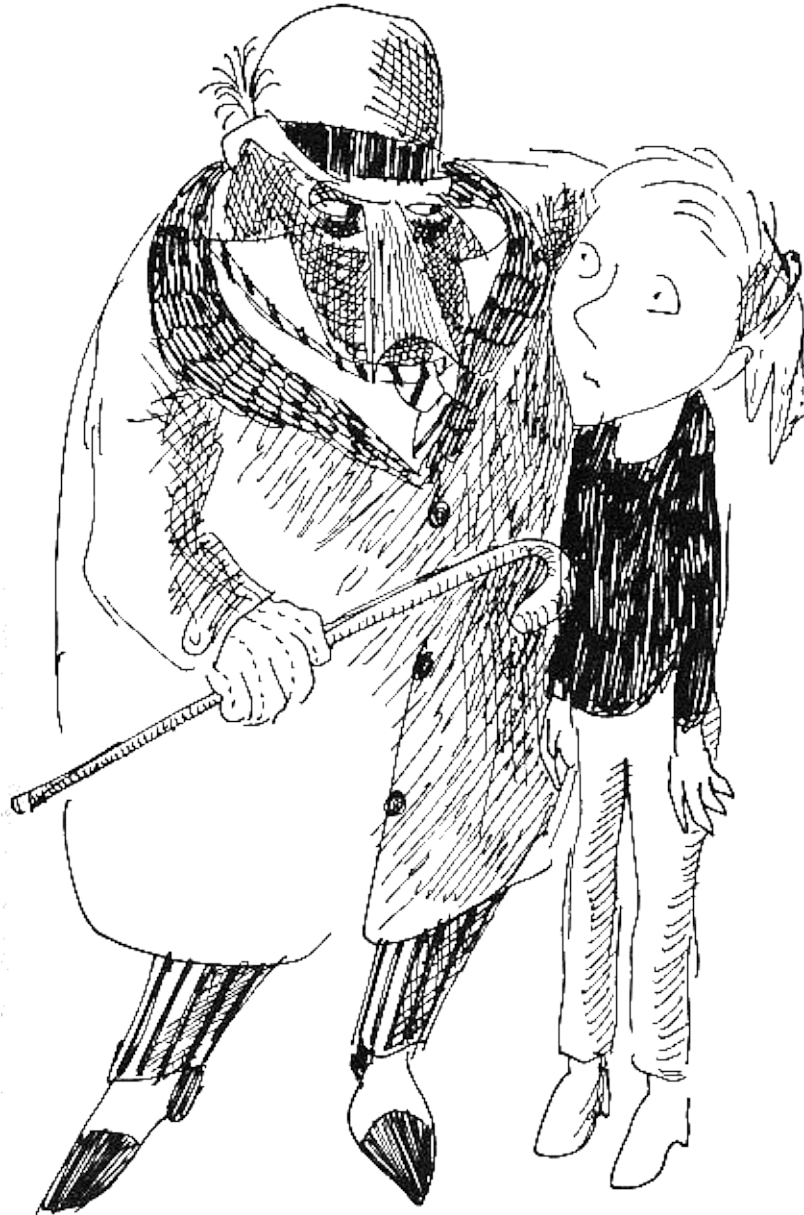
— Да он короля и в глазза не видел, — рассвирепела Пчела и, повернувшись к Мило, добавила: — Не верь ни единому слову этого жжжучилы.

— ВЗДОР! — отвечал Ляпсус. — Мы, Ляпсусы, ведем свой род от Lapsus Galimatias — буде мне позволено выразиться по-латыни — сиречь от Ляпсуса Галиматийского. Мы ходили в крестовые походы с Ричардом Львиное Сердце, мы с Колумбом пересекли Атлантику, мы так отличились на службе у королей Пруссии, что поныне прозываемся прусаками, мы же с первопроходцами освоили Новый Свет, и ныне Ляпсусы занимают самые высокие должности во многих странах. История — это Ляпсус, Ляпсус — это История.

— Кэ-а-кэ-о-е кра-сно-ре-чие! — захихикала Пчела. — Давайте считать это вашей прощальной речью. Мы с молодым человеком должжны

продолжить разговор о правилах правописания.

— Ха, — усмехнулся Ляпсус, приобняв Мило за плечи, — ты выучишь одно словечко, тебе сразу подсунут другое, выучишь правило, а тебе — два. До скончания века не управишься! Послушай меня, дитя мое, не думай об этом. Как говаривал мой прапрапрадедушка, Джордж Вашингтон, Ляпсус...

— Да вы, сударь, — разъярилась Пчела, — вы — самоззванец, не умеющий дажже подписаться именем собственным! Вас следовало бы прижжжучить как следует!

— А ваше правописание — это есть сон разума и рабское подражание оригиналу, не более того! — взревел Ляпсус, неистово размахивая тростью.

Мило ничего не понял, зато Пчела пришла в бешенство и, спикировав с крыши, ударом крыла сбила котелок с головы жука.

— Эй, потише вы! — крикнул Мило, когда жучило в ответ заехал тростью по пчелиной лапе, заодно сшибив с прилавка короб с «В».

— Ой, моя нога! — верещала Пчела.

— Мой котелок! — скрежетал жук.

И началось. Пчела-Наборщица с грозным жужжанием кружила над Ляпсусом, который бешено размахивал тростью. Так они наступали и отступали, прощупывая и уворачиваясь друг от друга, и толпа, обступившая их, опасливо расступалась все шире.

— Ну нельзя же так... — начал Мило — и вдруг завопил: —

Осторожней! — но было уже поздно.

Ничего не видя от ярости, Ляпсус врезался в один из ларьков, опрокинул его, затем другой, третий, и еще, и еще, и еще — все вокруг стало рушиться. В конце концов от торговых рядов остались одни руины, а вся площадь оказалась усеяна беспорядочными грудями слов.

Пчела, запутавшись в гирлянде флажков, упала наземь, сбив Мило с ног, да так, что тот плюхнулся на пчелу сверху.

— Помогите! Помогите! Мальчишка придавил меня! — кричала она.

Жук, шевеля руками и ногами, лежал навзничь на куче раздавленных букв, а звон будильника раздавался из-под груды слов, похоронившей под собою Тактика.

Глава 5

Согласно букве закона

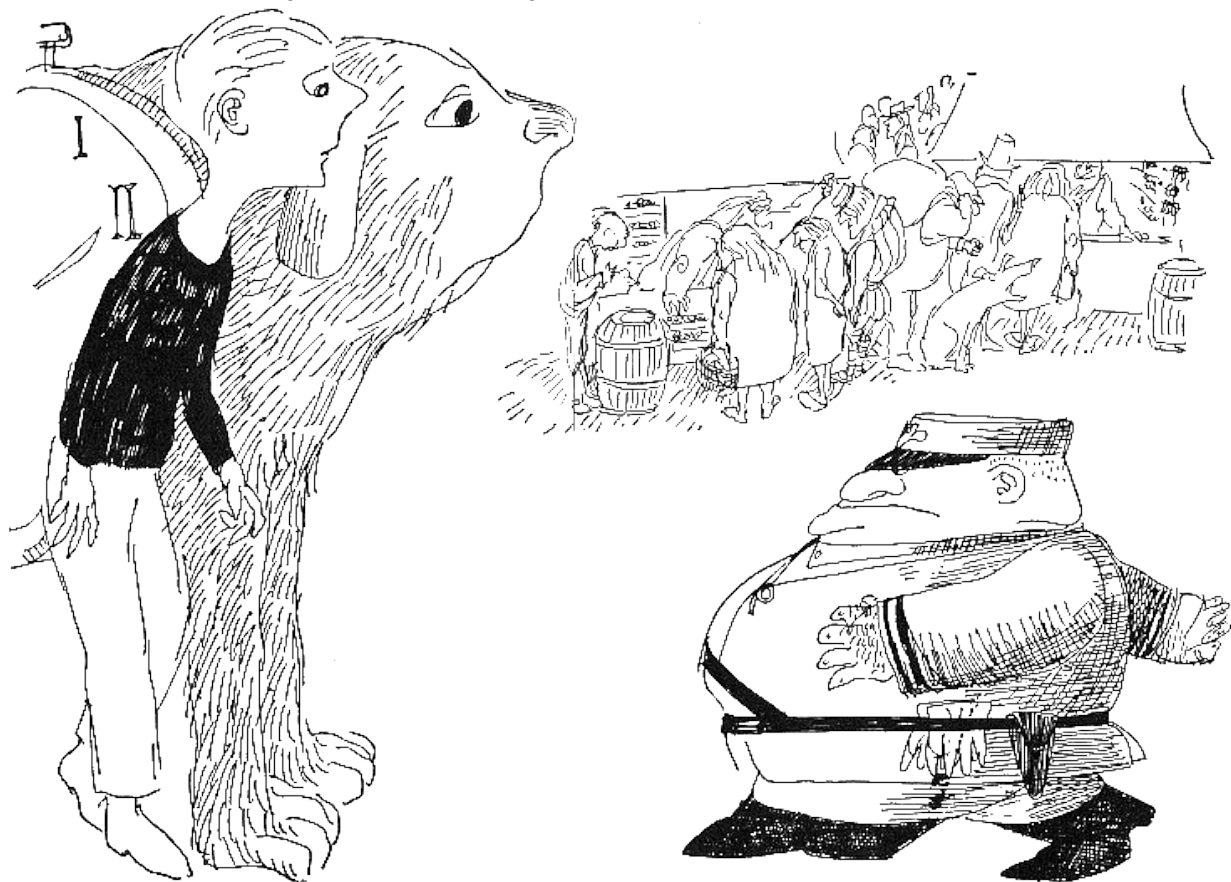
— Дела и ну! — воскликнул кто-то из продавцов. Он хотел сказать: «Ну и дела», — но слова так перепутались, что потеряли всякий смысл.

— Делать нам теперь же что и? — жалобно вопрошал другой.

Купцы старались хоть как-то собрать раскиданное, но оттого, что речи их стали совершенно невнятные, неразберихи только прибавлялось. Тем не менее вскоре прилавки снова были расставлены, однако слова пока что свалили в одну большую кучу: их еще предстояло разобрать и рассортировать.

И вот, когда Мило уже поднялся на ноги, а Пчела — улетела (она была в полном расстройстве чувств), раздался пронзительный свист — на место происшествия подоспела словарентийская полиция.

— Ну, теперь-то с нами разберутся, — сказал кто-то в толпе. — Это — сам Блюститель Буквы Закона, Буквоед.

Через площадь шагал коротышка — таких полицейских, подумал Мило, в полиции не бывает. Ростом — от горшка два вершка, а поперек — вдвое шире, в синей форме с белым ремнем, в белых перчатках, в фуражке и ужасно свирепый. Лицо у него как будто налилось свекольным соком, оттого что он бесперечь дул в свой свисток. И прерывался только затем, чтобы, тыкая во всякого встречного, крикнуть:

— Ты, ты, ты виновен! И ты виновен! А ты виноватей всех! — сказал он, добравшись до Мило.

Потом повернулся к Тактику, продолжавшему трезвонить, и приказал:

— Заткни будильник, собака! Звенеть в присутствии блюстителя закона есть неуважение к властям предержащим.

Он сделал пометку в своем черном списке, потом заложил руки за спину, насупил брови и стал вышагивать взад-вперед, любуясь разрушениями, произведенными в торговых рядах.

— Славненько! Славненько! И кто же это сделал? Отвечайте, или я, согласно букве закона, заарестую всех.

Настала тишина. Мало кто видел, что тут на самом деле произошло, вот все и молчали.

— Ты, — полицейский направил указующий перст на Ляпсуса, который, наконец поднявшись, отряхивался и вправлял помятый котелок. — Ты у меня на подозрении.

С испугу жучило выронил трость и отвечивал дрожащим голосом:

— Да нет же, я здесь ни при чем, клянусь честью джентльмена! Я всего-навсего невинный свидетель и занимался своим делом, услаждая слух и, с позволения сказать, зрение ценами и сценами рыночной жизни, в то время как этот молодой человек...

— АГА! — прервал его Буквояд, сделав еще одну пометку в своем блокноте. — Я так и думал, во всем виноват мальчишка.

— Прошу прощения, — возразил Ляпсус, — я это просто ляпнул, я не это имел в виду...

— МОЛЧАТЬ! — Полицейский вытянулся во весь свой крошечный рост, так, что испуганный жучило испугался еще больше. — А ты отвечай, — повернулся блюститель к Мило, — где ты был в ночь на двадцать седьмое июля?

— Какое это имеет значение? — удивился Мило.

— А такое! — отвечал полицейский. — Это день моего рождения! — И записал в блокноте: «Преступник забыл день моего рождения». — Мальчишки всегда забывают дни рожденья других людей. Кроме того, — продолжил он, — ты обвиняешься в преступлениях по следующим статьям:

покушение на порядок, сеяние беспорядков, обрушение рынка, сотворение хаоса и порча словарного запаса.

— Ну это слишком! — сердито твякнул Тактик.

— А также, — добавил полицейский, бросив грозный взгляд на часового пса, — а также по статье — «выгул часовых механизмов без намордника и поводка, каковой механизм брешет, как собака». Итак, согласно букве закона, вношу предложение о заключении и выношу заключительный приговор...

— Но приговор — это дело судьи, — возразил Мило, вдруг вспомнив читанное в какой-то книжке.

— Так точно. — Полицейский снял фуражку и накинул на себя черную, до пят, судейскую мантию. — Я и есть он. Итак, предложение о заключении... Кстати, тебе какое больше нравится, долгое или краткое?

— Лучше покороче.

— Прекрасно. В долгих я и сам путаюсь, — сказал судья и трижды ударил молоточком. — Мое предложение — «Да». Самое короткое из известных мне предложений. Потому что «нет» длиннее на одну букву. Есть другие предложения?

Все согласились с тем, что предложения короче «да» нет, и судья продолжил:

— Итак, присяжные сказали «да». И вот заключение: преступник приговаривается к заключению сроком на шесть миллионов лет. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. — И он снова постучал молоточком. — А теперь марш за мной — в тюрьму.

— В тюрьме работают не судьи, а тюремные надзиратели, — возразил Мило, вспомнив ту же книжку.

— Так точно, — согласился судья, снял мантию и выудил из кармана тяжелую связку ключей. — Я и есть он.

И тюремный надзиратель Буквоед повел их в тюрьму.

— Выше голову, — кричал вслед жук Ляпсус. — За хорошее поведение вам скостят миллиончик-другой годков.

Тяжелая тюремная дверь медленно затворилась, и Мило с Тактиком в сопровождении Буквоеда при свете единственной мерцающей свечи двинулись вниз по длинному коридору.

— Смотрите под ноги! — предупредил блюститель закона, когда они ступили на кругую винтовую лестницу.

Мощные каменные стены были склизкие, а воздух сырой и затхлый — так пахнут слежавшиеся мокрые одеяла. Они спускались все ниже и ниже, пока не оказались перед другой дверью, пожалуй, еще тяжелее и ужаснее, чем первая. Паутина легла на лицо Мило, он передернулся.

— Местечко вам должно понравиться, — хихикнул полицейский, отодвинув засов и толкая створку, которая повернулась со страшным скрипом и скрежетом. — Здешнее общество, само собой, не слишком велико, зато у вас будет возможность перекинуться словечком-другим с

ведьмой.

— С ведьмой? — По спине у Мило побежали мурашки.

— С ней. Она уже давненько тут сидит, — откликнулся Буквоед, входя в очередной коридор.

Вскоре они миновали еще три двери, прошли по узкому мосточку, еще по двум наклонным коридорам, спустились еще по одной лестнице и наконец остановились перед маленькой дверцей.

— Вот и пришли, — сказал Буквоед. — Располагайтесь как дома.

Дверь открылась и закрылась. Мило с Тактиком оказались в камере с двумя крошечными окошками под высоким сводчатым потолком.

— Счастливо оставаться. До встречи через шесть миллионов лет, — попрощался Блюститель Буквы Закона и ушел. Его шаги, удаляясь, раздавались все тише и тише, пока вовсе не стихли.

— Похоже, это надолго, а, Тактик? — уныло проговорил Мило.

— Похоже, — ответил часовой пес и пошевелил носом, принюхиваясь к новому жилью.

— А у нас даже шашек нет или хотя бы кусочка мела — чем же мы будем заниматься все это время?

— Не беспокойся, — прорычал Тактик, махнув лапой, — что-нибудь придумаем. Главное в жизни — быть тактичным, держать такт и придерживаться избранной тактики, я-то уж знаю! Только будь добр, поскорее подзаведи меня! А то я сейчас отключусь.

— Что тут придумаешь? — молвил Мило после того, как завел до упора пружину будильника. — Столько неприятностей, а все из-за одного словечка, поставленного не на место или не так написанного! Если мы выберемся из этой темницы, я обязательно выучу все-все слова на свете.

— Весьма похвальное намерение, дитя мое. — Голос прозвучал из дальнего, самого темного угла.

Удивленный Мило огляделся и только тут заметил в полумраке симпатичную старушку, которая, тихонько покачиваясь в кресле-качалке, что-то вязала на спицах.

— Здравствуйте, — сказал он.

— И ты здравствуй, — ответила она.

— А ведьмы вы не боитесь? — осведомился Мило. — Говорят, она где-то здесь.

— Говорят, — пожала плечами старушонка и плотнее закуталась в шаль. — Говорят также, что ведьма — это я.

Мило попятился. В страхе он прижался к Тактику, поближе к звонку будильника — известно, что ведьмы боятся громких звуков.

— Не пугайся, — рассмеялась она. — Это ошибка. Ведь я...

Мило с сомнением поглядел на нее, не зная, верить или не верить.

— Ведь я! — повторила старушка. — Не окончательная *Ведьма*, просто *Ведь*, без окончания. Мы с ведьмой, конечно, одного корня, но я совсем не опасная.

— Какого такого корня? — спросил Мило, отлипнув от пса и сделав шаг к старушке. — И за что вас посадили в темницу?

— Ох! — воскликнула та (как раз в этот момент огромная крыса

прошмыгнула у ее ног). — Ты не знаешь, какого я корня? Тогда слушай. Я начну с Азов. *Аз* и *Буки* — два первейших дома в нашем королевстве. К ним принадлежит сам король Азбукиан. Мы же, *Веди*, стоим на третьем месте, хотя ни в чем не уступаем первым, ибо происходим от древнейшего корня *вед*. Посему при дворе мы всегда чем-нибудь *заведовали*. Я, к примеру, в течение многих лет *ведала* словами и решала, какие из них годятся для всеобщего употребления, какие и где можно произносить, а какие нельзя, какие следует писать и печатать, а какие — ни в коем случае.

Можешь себе представить, сколько тысяч слов прошло через мои руки и какая это была ответственная работа. Мне был пожалован придворный титул «Ведущий Слововед», я гордилась им и была счастлива.

Первое время я следила только за качеством — за тем, чтобы в ходу были слова надлежащие и не подлежащие сомнению, чтобы речь была простой и ясной, а словарный запас зря не транжирился. Я расклеила по всему дворцу и торговым рядам лозунг:

Что коротко и ясно, то и прекрасно!

Но власть развращает человека, скоро я стала скупиться и отпускать все меньше и меньше слов, чтобы мне оставалось побольше. Я расклеила новый лозунг:

Меньше слов — больше дела!

От этого торговля стала чахнуть — народ боялся покупать лишнее. И настали в королевстве трудные дни. Тем временем скупость моя все возрастала, а количество разрешенных слов все уменьшалось — их уже не хватало даже для пустячного разговора. Однако следующий мой лозунг гласил:

Язык твой — враг твой!

Но и этот я заменила.

Молчанье — золото... —

таков был мой последний лозунг.

И все разговоры прекратились. Никто ничего не продавал и не покупал, Рынок закрылся. Люди впали в нищету и отчаяние — в этом они винили меня и прозвали Ведьмой. Наконец король, прознав обо всем,

разгневался и велел бросить меня в темницу. И вот она — я, здесь, перед вами, — сильно постаревшая и умудренная опытом.

— С тех пор прошло очень много лет, — продолжала она. — Однако титулом Ведущего Слововеда так больше никого и не жаловали. Поэтому люди стали многословны и словоохотливы — бросаются словами, как им заблагорассудится, и полагают, что это разумно. Однако запомни: лезть в карман за словом — плохо, но сыпать словами без разбору — еще хуже.

Старая Ведь тяжело вздохнула, потрепала Мило по плечу и снова взялась за спицы.

— С тех пор вы и сидите? — посочувствовал ей Мило.

— Да, — ответила она с грустной улыбкой. — Все обо мне забыли, а кто еще помнит, считает ведьмой. И напоминать им о том, кто я такая, тоже бесполезно. Им что ведьма, что ведущая, что заведующая — все едино, они ведь ведать ни о чем не ведают и страшатся всех одинаково.

— А вы ведь не такая страшная, — заметил Мило, и Тактик вильнул

хвостом в знак согласия.

— Спасибо на добром слове, — улыбнулась она. — Значит, теперь я Ведь Не Такая Страшная. Можешь звать меня и покороче: тетушка Нетаякая. Хочешь, погрызи знаков препинания. — И она открыла коробочку засахаренных точек, запятых, кавычек, вопросительных и восклицательных знаков. — Это все, что у меня есть из еды.

— Погодите, — пообещал Мило, — дайте мне только выбраться отсюда, я и вам помогу!

— Очень любезно с твоей стороны, — ответила тетушка Нетаякая, — но помочь мне может только одно — возвращение Поэзии и Мудрости.

— Чего-чего? — переспросил Мило.

— Поэзии и Мудрости, — повторила она. — Это уже другая и слишком долгая история. Вам, верно, досуг и скучно будет ее слушать.

— Нет, — твякнул Тактик, — досуга у нас тут хватит.

— Правда, правда, и вовсе не скучно, — подтвердил Мило.

Тогда старая Не Такая Страшная Ведь, покачиваясь в кресле, поведала такую историю:

Глава 6

Не такая страшная история

— Когда-то, давным-давно, земля эта была пустынной и дикой. Скалистые горы защищали ее от лютых ветров, но бесплодные доли ее были безлюдны. Прозябали в них растения худосочные и корявые, и плоды их были горите полыни. Где не пустошь, там пустыня, где не пустыня, там голые скалы — такова была эта земля. И в холмах ее обретались лишь исчадья тьмы. Злые чудища властвовали ею от гор до самого моря. Имя же ей было Пустопорожня.

И вот, однажды из-за Моря Знаний к берегам Пустопорожни пришел корабль. А плыл на том корабле юный королевич. Он странствовал по миру в поисках своей доли. И вот, во имя истины и добра предъявил он права на эту землю и вознамерился обозреть свои новые владения. Разъярились чудовища, демоны и великаны, ополчились на пришельца, желая изгнать его. И была такая битва, что земля содрогалась; а когда кончилась битва, оказался у королевича лишь малый клочок земли у самого моря.

— Построю здесь город, — сказал он и построил город.

И вскоре на многих кораблях сюда прибыли поселенцы-первопроходцы осваивать новые земли. Город вырос, расширился. Что ни день подвергался он нападениям и набегам, но уже никакие силы не могли сокрушить его. Вскоре он распространился так, что стал уже не город, а целое королевство. И нарекли его — Разум.

Однако за стенами его по-прежнему простиралась враждебная земля. И поклялся новый король покорить их, ибо они по праву принадлежали ему. Каждой весной выводил он в поход свои рати, осенью возвращался; с каждым годом умножались владенья и богатство Разума. И женился король, и родились у него два сына прекрасных, коим он передал все познания свои, дабы правили они разумно, когда придет им пора.

Возмужали сыны, призвал их к себе король и сказал:

— Стал я стар водить рати на брани. Настало время вам продолжить

мое дело. Должны вы воздвигнуть в дикой Пустопорожне новые города, дабы владенья Разума расширились.

И было так. Один пошел на юг, в предгорья Неразберихи, и основал там Словаренцию, город слов. Другой же пошел на север, к Темным Горам Невежества, и там воздвиг Числовенцию, город чисел. Оба города благоденствовали, а исчадия тьмы отступали все дальше и дальше. Города и селения стали строиться всюду, а чудовища сохранились только в самых далеких и глухих окраинах — там сидели они, готовые изничтожить всякого, кто осмелится приблизиться или проникнуть в их пределы.

Братья преуспевали, только шли они врозь, ибо по природе своей были оба слишком мнительны и самолюбивы. Каждый мечтал превзойти другого — ради этого они трудились не покладая рук, так что в недалгом времени их города своим размером и великолепием уже могли поспорить даже с

самим Разумом.

«Все-таки слово превыше разума», — утверждал один про себя.

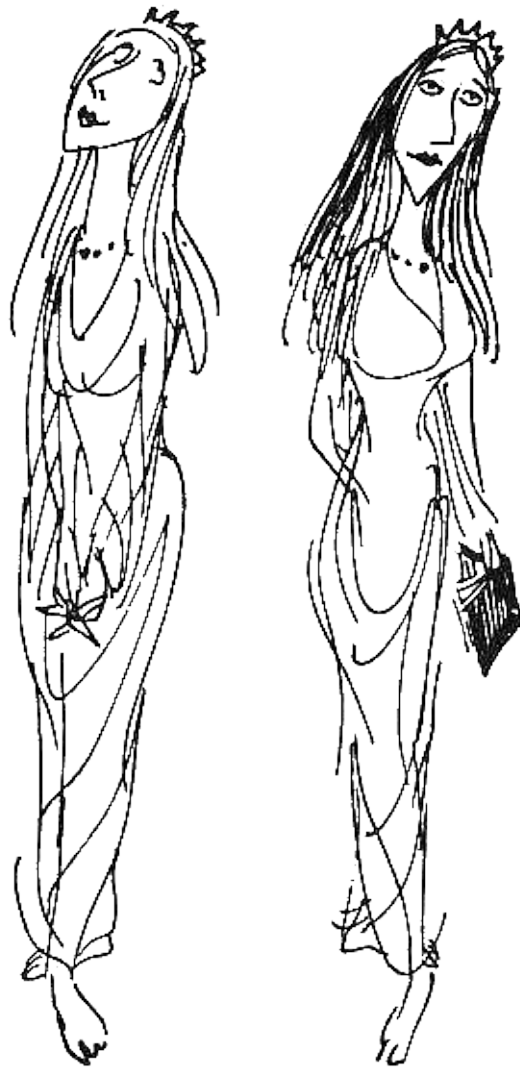
«Все-таки число превыше разума», — думал про себя другой.

И неприязнь их друг к другу усиливалась.

Однако, не ведая о вражде сыновей, старый король на закате своего правления был счастлив и дни свои проводил, гуляя под сенью королевских парков. Единственное, о чем сожалел он, что не было у него дочери, поскольку маленьких девочек он любил не меньше, чем маленьких мальчиков. И вот однажды, гуляя по саду, нашел он в беседке, увитой виноградными лозами, корзину с двумя крошечным младенцами — то были прекрасные златовласые девочки.

И возликовал король.

— Они ниспосланы скрасить мою старость! — воскликнул он и призвал королеву, министров, придворных и весь народ, чтобы все могли лицезреть их. — Одну мы наречем Поэзией, другую — Мудростью, — объявил он, и стали они Принцессой Сладчайшей Поэзии и Принцессой Высочайшей Мудрости и воспитывались во дворце.

В конце концов умер старый король, оставив королевство на двух сыновей-наследников, однако с условием, что будут они печься о благе двух юных принцесс. И один стал править на юге и нарекся королем Азбукианом, единодержцем Словаренции, а другой стал править на севере и нарекся Матемагиком, королем Числовенции; и, блюдя свою клятву, оба они заботились о принцессах, пребывавших по-прежнему в Разуме.

Братья любили принцесс за великую их красоту, и прекрасное обхождение, и за умение улаживать всякое дело справедливо и благоразумно. И со всяким вопросом, с бедой, обидой или тяжбой приходили к ним люди со всех концов земли, да и сами братья — а распря между ними не затихала — прибегали нередко к их помощи в разрешении своих государственных споров. В одном были все согласны: «У Поэзии с Мудростью на все есть ответ!»

Шли годы, отдалялись братья друг от друга все больше, королевства же их возрастали богатством и мощью, и споры между ними улаживались все труднее. Лишь принцессы по-прежнему терпеливо и с любовью расставляли все по своим местам.

Но вот однажды распря между братьями перешла все границы. Король Азбукиан твердил, что слово несравненно важнее числа и, стало быть, его королевство несравненно выше; Матемагик же утверждал, что, наоборот, число несравненно важнее слова, а следовательно, именно его королевство выше. Они спорили, и пререкались, и бранились, и кляли друг друга так, что едва не дошло у них до рукопашной. Тогда порешили они отдать этот вопрос на суд принцессам.

После многих дней всестороннего разбирательства, когда все доказательства были рассмотрены, все свидетели выслушаны, принцессы вынесли такое решение:

«Слово и число равно ценны, ибо они суть уток и основа ткани познания. Перечесть все песчинки в пустыне столь же важно, как дать имена всем звездам в поднебесье. Посему обоим королевствам следует жить в мире и согласье».

Все остались довольны таким приговором. Все, но только не братья.

— Какой прок от этих девиц, коль они не способны разрешить тяжбу хоть в чью-нибудь пользу? — в ярости ревели они, поскольку каждый почитал свои интересы важнее истины. — Мы изгоним их из королевства на веки вечные!

И вот изгнали они принцесс из дворца и заточили в дальнем Воздушном Замке. С той поры их никто не видел. Вот почему ныне в наших землях нет ни Поэзии, ни Мудрости.

— А что случилось с двумя королями? — спросил Мило.

— Изгнание принцесс — последнее дело, решенное ими в обоюдном согласии, после чего они вовсе возненавидели друг друга. И хотя их королевства процветают по-прежнему, старый город Разум пришел в запустение, и нет никого, кто расставил бы все по своим местам. Теперь вам должно быть ясно: доколе принцессы не возвратятся, дотоле и мне сидеть в темнице.

— Ничего, — сказал Мило, увидев, как опечалена старая Ведь, — мы пойдем и освободим их.

— Это совсем непросто — отвечала та. — До Воздушного Замка дорога долгая, а единственную лестницу, ведущую к нему, охраняют очень

злые демоны и духи.

Тактик зарычал — одна только мысль о духах привела его в бешенство.

— Боюсь, мальчику, даже если при нем собака, такой подвиг не по силам, — продолжала она. — Ничего не поделаешь. Я уже тут обвыклась. А вам пора идти, иначе вы потратите целый день впустую.

— Ну да, как же! — вздохнул Мило. — Нам тут сидеть еще шесть миллионов лет, и с этим тоже ничего не поделаешь.

— Какая чепуха! — проворчала Ведь. — Не стоит принимать Блюстителя Буквы Закона всерьез. Буквоеду очень нравится сажать людей в тюрьму, однако ему все равно, сидят они в ней или нет. Достаточно только нажать на вон тот рычажок в стене, и вы свободны.

Мило нажал на рычажок, и распахнулась дверь, впустив в темницу луч солнца.

— До свиданья! Заходите в гости! — крикнула Ведь, когда они переступили порог. И дверь захлопнулась.

У Мило и Тактика в глазах потемнело от яркого света. Когда же зрение к ним вернулось, первое, что они увидели, были тайные королевские советники, все пятеро рысцой трусившие к ним.

— Ах вот вы где!

— Где вы пропадали?

— Мы вас обыскались.

— Королевский пир вот-вот начнется.

— Идемте, идемте скорей!

Мило поспешил за ними, они же так торопились и волновались, что совершенно запыхались.

— А как же мой автомобильчик? — спросил Мило.

— Пустяки, — отвечал Премьер.

— Утрясется, — сказал Казначей.

— Обойдется, — заметил Фон-Барон.

— Уладится, — заверил Граф.

— Ничего, — проворчал Полковник, — у нас есть транспорт.

— Повозка.

— Таратайка.

— Колымага.

— Карета.

— Машина.

— Телега.

— Колесница.

— Тачка.

Так они тараторили, выкрикивая слова по очереди и указывая на маленькую деревянную тележку.

«О господи, опять слова, слова, слова», — подумал Мило, а забравшись в тележку вместе с Тактиком и тайными советниками, спросил:

— Как же эта штука поедет? У нее же нет...

— Тише! — прошептал Премьер. — Она движется *тишком*.

— Молчок! — прошептал Фон-Барон. — Она движется *молчком*!

— Без разговоров! — прошептал Полковник. — Поедет *без разговоров*!

И правда, как только все замолчали, тележка покатила по улицам и на удивление быстро довезла их до королевского дворца.

Глава 7

Королевский пир

- Сюда!
- За мной!
- Быстрее!
- Шире шаг!

— Поторапливайся! — выкрикивали советники, выпрыгивая из тележки и взбегая по широкой мраморной лестнице. Мило с Тактиком поспешали следом.

Выглядел дворец довольно странно: больше всего он походил на огромную книгу, поставленную стоймя, а парадный вход помещался как раз на той высоте, на какой обыкновенно печатают название издательства.

Оказавшись внутри, советники припустились дальше через огромный, гулкий и сверкающий хрустальными люстрами холл. Их отражения припустились вместе с ними по стенам и потолку, покрытым зеркалами, а лакеи равнодушно кланялись равно и тем, и другим.

— Совсем опаздываем, — едва дыша, выдохнул Граф, когда они наконец добежали до высоких дверей пиршественной палаты.

Обширный зал уже был переполнен гостями, которые громко переговаривались и что-то обсуждали. Вдоль длинного стола, сервированного золотыми тарелками и льняными салфетками, стояли кресла, позади каждого — слуга, а во главе стола возвышался трон, драпированный алым сукном. На стене над тронном красовался королевский герб, осененный двумя флагами Словаренции.

Среди гостей Мило заметил и тех, кого уже видел на Рынке. Хозяин буквенной палатки разглагольствовал перед собравшимися о глаголе; Ляпсус же с Пчелой-Наборщицей вели в углу жаркий спор ни о чем. Блюстителю Буквы Закона бродил в толпе, угрюмо бормоча:

— Он виновен, она виновна, оно виновно, все они виновны! — А наткнувшись на Мило, явно обрадовался и мимоходом бросил: — Неужели шесть миллионов лет уже прошли? Надо же, как летит время!

Все заждались, всем не терпелось приступить к еде, поэтому все ужасно обрадовались, что наконец-то все в сборе.

— Весьма похвально, старина, что ты не преминул прийти, — сказал Ляпсус, сердечно пожимая руку Мило. — Ты у нас гость почетный, стало быть, тебе и карты в руки, тебе и меню заказывать.

— Кого заказывать? — не понял Мило.

— Угощение, — буркнул жук.

А Пчела запричитала:

— Скорее! Я просто — пэ-рэ-о-сэ-тэ-о умираю с голоду!

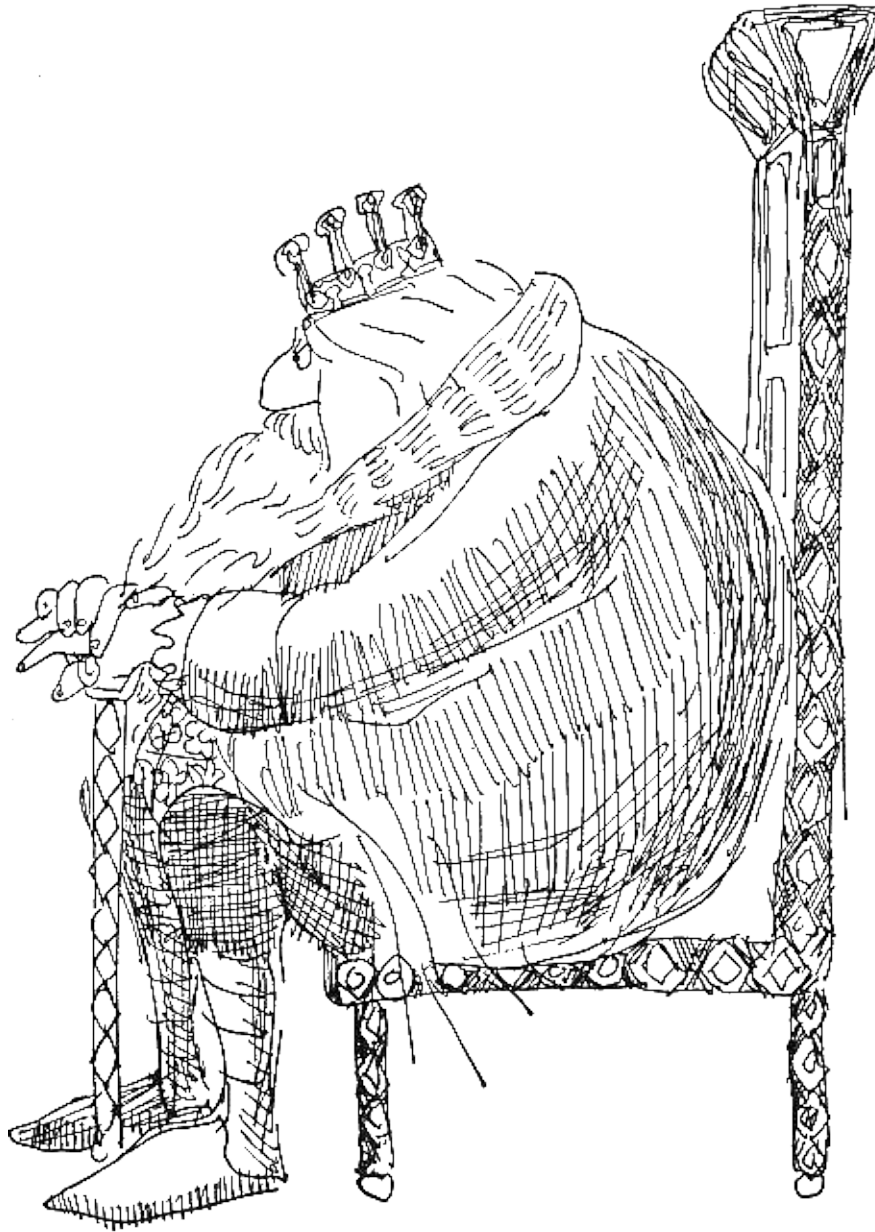
Пока Мило соображал, что бы все это значило, оглушительно, и при этом страшно фальшивя, грянули трубы, а Паж Метранпаж ростом аж с метр объявил затрепетавшим гостям:

«КОРОЛЬ АЗБУКИАН ДОСТОСЛОВНЫЙ!»

Король явился в дверях, прошествовал к столу и, уместив свое грузное тузо на сиденье трона, капризно закричал:

— А ну-ка, быстро рассаживайтесь! Все по местам!

Такого огромного, такого пузатого, такого больше- и востроглазого, такого длинно-длиннобородого человека Мило еще не встречал. Борода у него была по пояс, на мизинце левой руки сверкал серебряный перстень с печаткой, на макушке — маленькая корона, а все его одеянье сплошь было шито буквами алфавита.

— Это еще кто? — молвил король, сверля взглядом Мило и Тактика, которые не могли найти себе места.

— С вашего позволения, — сказал Мило, — я — Мило, а это — Тактик. И большое спасибо вам за приглашение на обед, и еще я хочу сказать, что дворец у вас очень красивый...

— Прекрасный, — подхватил Граф.

— Превосходный, — продолжил Полковник.

— Богатый, — добавил Казначей.

— Очаровательный, — согласился Фон-Барон.

— Беспремерный, — отчеканил Премьер.

— ХВАТИТ! — рявкнул на них король. — Итак, молодой человек, чем ты желаешь нас развлечь? Ты поёшь? Рассказываешь сказки? Читаешь стихи? Показываешь фокусы или чудеса акробатики? Ну?

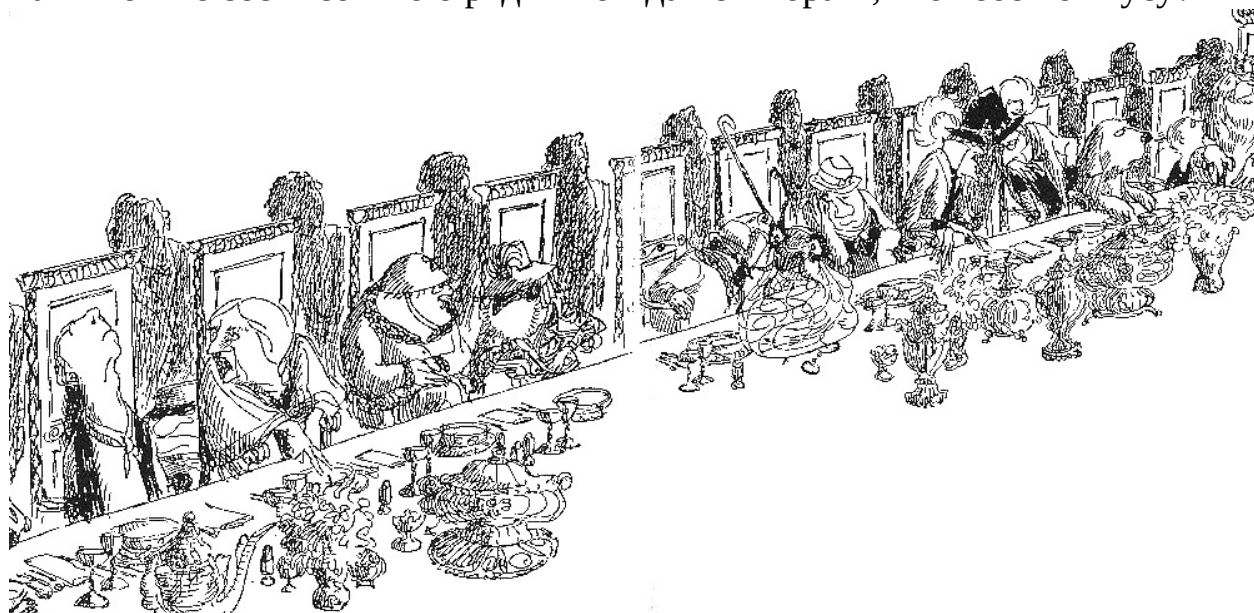
На каждый вопрос Мило отрицательно качал головой.

— Ничего такого я не умею, — признался он.

— Какой ты обыкновенный! — разочарованно проговорил король. — А вот члены моего тайного совета умеют выделять разные необычайные штуки. Премьер, к примеру, может из мухи сделать слона. У Казначая комар носа не подточит. Полковник камня на камне не оставляет. Фон-Барон рвет на ходу подметки. А Граф, — зловеще закончил король, — прекрасно порет горячку. Ну, а ты? Ты хоть что-нибудь умеешь?

— Я умею считать до тысячи. Хотите? — предложил Мило.

— ЧТО? ЧИСЛА? — Азбукиан даже скривился от омерзения. — Да тьфу на них! Не смей упоминать здесь о номерах, цифрах и числах! Их можно использовать лишь в крайних случаях и строго по назначению. Стало быть, ты ничего не умеешь? В таком случае почему бы тебе с Тактиком не сесть со мною рядышком да не выбрать, что тебе по вкусу?

— Надеюсь, ты знаешь, чего хочешь, — вставил Ляпсус.

Мило, которому мама в свое время втолковала, что в гостях не жадничают, вежливо попросил:

— Мне бы чего-нибудь такого, самого легкого.

— Не мог обойтись просто легким! Нет, подавай ему самое! — вскричал жучило, всплеснув руками. — А подать сюда самое легкое!

В тот же миг вбежали лакеи и поставили перед королем подносы со множеством горшочков, накрытых колпачками. Едва король снял колпачок

с одного из горшочков, во все стороны брызнули разноцветные зайчики — они запрыгали по всему залу, отразились от потолка и стен и вылетели в окна. Король хлопнул в ладоши, подносы тут же убрали.

— Да уж, легче солнечных зайчиков нет ничего, — сказал Ляпсус, протирая глаза. — Пища никакая, зато зрелище — ослепительное. Ты хоть думай, прежде чем говорить.

— Я только имел в виду, — стал оправдываться Мило, — что-нибудь такое, ну, чем можно заморить червячка.

Король снова хлопнул в ладоши, а жук со стоном схватился за голову.

— Что-нибудь для морения червяков! — вскричал он.

На этот раз лакеи внесли подносы, на которых горами лежали пакетики с порошками и таблетки самых разных цветов и размеров.

— Фи, — сказала Пчела, лизнув таблетку, — отвратительный вкус!

И всем прочим гостям угощение пришлось не по вкусу, а Ляпсус, глотнув какого-то порошка, поперхнулся и едва не протянул ноги.

— Теперь застольные пожелания, — объявил король, когда подносы унесли, а мрачные гости так и остались несолоно хлебавши. — Ты первый, — повелел он Мило.

— Ваше Величество, дамы и господа, — робко начал Мило, — пользуясь предоставленной мне возможностью, я хотел бы пожелать вам...

— Смолкни, — прервал его король. — Не день же деньской тебе говорить!

— Но я только начал... — возразил Мило.

— СЛЕДУЮЩИЙ! — проревел король.

— Свиные ножки под старым хреном, биточки из мозгов, шарлотка, — протараторил Ляпсус, вскочив с места.

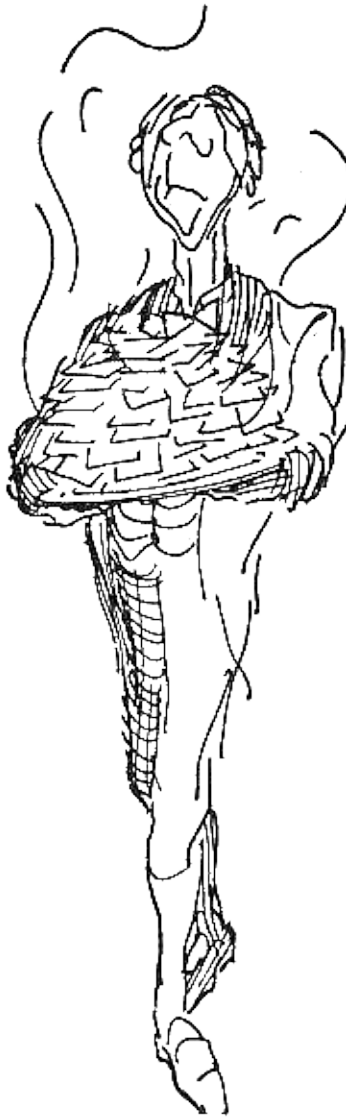
«Странный тост», — подумал Мило, который не раз уже слышал застольные речи, и всегда они были длинные-предлинные и скучные-прескучные.

— Живой сыр с плесенью, воздушная кукуруза, ромовая баба, — пропела Пчела, чуть взлетев над креслом.

— Фальшивый заяц, соленые белые, наполеон, — выкрикнул коротышка Буквояд, не поднимаясь с места, поскольку сидя он казался выше, чем стоя.

И пошло. Каждый гость вставал в свою очередь, произносил короткую речь и садился. Последнее слово принадлежало королю:

— Фрикасе, фрикадель, консоме, оливье, бланманже, крем-брюле и эклер, — торжественно провозгласил он и хлопнул в ладоши.

В тот же миг опять явились лакеи с тяжелыми, пышущими жаром блюдами, которые были заказаны гостями, и те без промедления с великим удовольствием приступили к трапезе.

— Ну что, слюнки глотаешь или язык проглотил? — спросил король, толкнув Мило локтем в бок и неодобрительно кося глазом на его тарелку. — Слов нет, как я на тебя зол.

— Так я же не знал, что у вас все по первому слову делается!

— Ну да, у нас как попросится, так и получится, — хмыкнул король. — А твоя речь была безвкусна.

Мило оглядел стол, за которым каждый смаковал все, что хотел, и опять уставился на свое блюдо. Блюдо было совсем несъедобным, а ему так хотелось есть.

— Подсорить бы его немного, — предложил Премьер. — Станет не в

пример вкуснее.

— И еще поперечить, — подхватил Граф.

— И помыслить побольше, — добавил Казначей.

— Под французскую булочку со смыслом, может, и пойдет, — заметил Полковник, потянувшись к хлебнице.

— А не проще ли дождаться десерта? — прочавкал Фон-Барон с набитым ртом и закашлялся.

— Сколько раз вам говорить, чтобы не ели в три горла, — попенял ему Премьер, похлопывая по спине.

— Эх вы, голова — два уха: в одно влетит, в другое вылетит! — прокричал Казначей Барону в ухо, пытаясь при этом заткнуть другое, чтоб не вылетело.

— Хоть кол на голове теши! — гаркнул Полковник.

— Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить! — завизжал Граф, обжегшись на молоке и дуя на воду.

— Оставьте мою голову в покое! — осерчал Фон-Барон и ринулся в бой.

И все пятеро кучей покатались под стол.

— ПРЕКРАТИТЬ НЕМЕДЛЕННО! — приказал Азбукиан. — Всех

выгоню!

— Просим прощения.

— Извиняемся.

— Виноваты.

— Простите.

— Помилуйте.

Так они проговорили по очереди и расселись по своим местам, сердито переглядываясь.

Дальнейшая трапеза продолжилась при полном молчании, пока король, отерев о жилет пальцы, измазанные в соусе, не приказал подать десерт. У Мило, который так ничего и не ел, слюнки потекли от предвкушения.

— Сегодня у нас на десерт первопечатные пряники с прописными истинами, — объявил король, когда восхитительный запах домашней выпечки наполнил пиршественную палачу. — Наши королевские пекари всю ночь работали в типографии...

— В типографии? — удивился Мило.

— А где еще, по-твоему, печатают пряники? — ответил король. — И пожалуйста, не перебивай! Королевские пекари всю ночь проверяли, хорошо ли они устарели...

— Они что, черствые? — опять не утерпел Мило.

— Не пряники — истины! — рявкнул король. — И если ты не замолчишь... — Однако договорить он не успел, в зал вкатили три больших тележки с блюдами, и все бросились к ним, чтобы еще подкрепиться.

— Повара у короля горазды, с позволения сказать, на выдумки, — заметил Ляпсус. — Однако далеко не все тебе может понравиться. Вот это, пожалуй, неплохо. — И он вручил Мило большой круглый пряник, на котором глазурью было начертано: «ЗЕМЛЯ — ПЛОСКАЯ».

— И вот этим тоже люди кормились очень долго, — заметила Пчела, ухватив пряничный рогалик, на котором значилось: «ЛУНА СДЕЛАНА ИЗ СЫРА». — Теперь такую нелепицу мало кому скормишь, — продолжала она, улыбнувшись, и откусила кусочек с того конца, где было слово «СЫР». — А я так с удовольствием съем.

Мило глазел на груды пряничных истин; они съедались быстрее, чем читались. Казначей с удовольствием грыз хрустящее «НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ», а король разломил пополам пряничную лошадку с надписью: «ПОЛКОРОЛЕВСТВА ЗА КОНЯ».

— Я бы на твоём месте не стал на них нажимать, — посоветовал Тактик. — На вид они и правда хороши, да только смотри, как бы из них

чего не вышло.

— Не беспокойся, — отвечал Мило, — я просто прихвачу один про черный день. — И он завернул в салфетку всем известную истину: «ЧТО НИ ДЕЛАЕТСЯ, ВСЕ К ЛУЧШЕМУ».

Глава 8

Как Ляпсус вляпался

— Все, больше в меня не лезет, — выдохнул Граф, похлопав себя по животу.

— И в меня тоже, — с тяжелой одышкой подтвердил Премьер.

— Ме-ме-мя-му, — промямлил Фон-Барон с набитым ртом.

— Сыт по горло, — согласился Полковник, развязывая кушак.

— И я накушался, — сообщил Казначей, хватая последний пряник.

Все наконец наелись. И тогда в тишине — лишь кресла поскрипывали под тяжестью тел, да позвякивали отодвигаемые тарелки, да кто-то причмокивал, облизывая ложку, — раздался голос Ляпсуса:

— Превосходное застолье, великолепный стол, дивные хлеб-соль, — проскрежетал он, ни к кому не обращаясь. — Пальчики оближешь! Мои поздравления шеф-повару — о, пожалуйста, не забудьте передать мои поздравления шеф-повару... — И, обратив к Мило страдальческое лицо, прошептал, задыхаясь: — Будь любезен, подай мне стакан воды. У меня, с позволения сказать, несварение.

— Наверное, вы чересчур много слишком быстро съели, — посочувствовал ему Мило.

— Да, да, чересчур слишком, — смущенно хрипел Ляпсус между глотками. — Надо бы не слишком чересчур, либо не чересчур слишком, либо с лишком без чересчур, либо чересчур без лишка, либо немного не так быстро, либо небыстро не так много, либо немного и небыстро, либо не много и не быстро, либо ничего, но быстро, либо быстро без ничего, либо... — Тут он выдохся, обмяк в кресле и забормотал что-то совсем нечленораздельное.

— Прошу внимания! — сказал король, поднявшись и оглядывая стол. — Я хочу сказать...

И тут же все, кроме Мило, Тактика и несчастного Ляпсуса, как по команде, вскочили из-за стола и всем скопом выкатились из зала, вниз по лестнице, прочь из дворца.

— ...верноподданные мои и друзья, — гулко отдавался голос Азбукиана в опустевшей палате, — по случаю этой торжественной встречи мы...

— Прошу прощения, — и Мило кашлянул самым вежливым

образом, — здесь уже никого нет...

— А я-то надеялся, что этого никто не заметит, — печально вздохнул король. — Каждый раз одно и то же.

— Все ушли на обед, — объяснил Ляпсус, чуть дыша. — И я тоже пойду, как только отдышусь.

— Какой может быть обед после такого угощения? — удивился Мило.

— ВОЗМУТИТЕЛЬНО! — возмутился король. — Мы немедленно положим этому конец. Отныне по королевскому указу все должны будут приходить на пир хорошенько пообедав.

— Это тоже не так уж хорошо, — возразил Мило.

— Ты хотел сказать, не так уж плохо, — возразил Ляпсус. — Потому что не все так плохо, как кажется. Надо только посмотреть с другой стороны.

— С какой стороны ни посмотришь, — откликнулся Мило, — у вас все так перепуталось, что от слов только хуже делается.

Несчастный король, возложив свой царственный подбородок на свой королевский кулак, вспомнил старое доброе время и сказал:

— Твоя правда. Что-то с этим нужно делать.

— Издайте закон! — вскричал Ляпсус.

— Законов у нас и так больше, чем слов, — проворчал король.

— Значит, надо назначить награду, — продолжил Ляпсус.

Король покачал головой, все больше мрачняя.

— Кликнуть подмогу.

— Сыграть сбор.

— Пуститься во все тяжкие.

— Вчинить иск.

— Поднять паруса.

— Бросить вызов.

— Сжечь мосты.

— Отдать концы! — выкрикивал Ляпсус, размахивая руками, вскакивая с кресла и снова садясь.

И только тогда успокоился, когда король вперил в него свой тяжкий королевский взгляд.

— Может быть, надо просто вернуть Поэзию и Мудрость? — тихонько предложил Мило, только и поджидавший удобного момента.

— Это было бы лучше всего. — Азбукиан распрямился и поправил на макушке корону. — Порою с этими девицами сладу не было, зато при них все ладилось. — Он откинулся на спинку трона, сложив руки за головой, и задумчиво уставился в потолок. — Боюсь только, что это невозможно.

— Разумеется, невозможно, — поддакнул Ляпсус.

— Почему? — спросил Мило.

— Да, да, в самом деле, почему? — воскликнул Ляпсус, стараясь, очевидно, угодить всем.

— Потому что слишком трудно, — ответил король.

— Разумеется, — подтвердил Ляпсус, — это непомерный труд.

— Но вам по силам, если вы захотите, — настаивал Мило.

— Вне всяких сомнений, если вы захотите, то сможете, — согласился Ляпсус.

— Но как? — Азбукиан вопросительно глянул на Ляпсуса.

— И правда, как? — Мило точно так же глянул на Ляпсуса.

— Очень просто, — начал Ляпсус, вдруг пожелавший себе провалиться куда-нибудь подальше. — Столь отважному юноше с

неустрасимым сердцем, с верной собакой и вполне исправным автомобилем...

— Продолжай, — приказал король.

— Да, пожалуйста, — попросил Мило.

— ...ничего не стоит, — продолжил разволнованный жучило, — преодолеть мильон терзаний и опасных поворотов, медвежьих углов и волчьих ям, белых пятен и черных дыр и, добравшись до Числовенции (если, конечно, до нее можно добраться), добиться от Матемагика согласия на освобождение юных принцесс (хотя тот ни за что не согласится с вашим согласием, а если и согласится, то вы будете несогласны). Дальше — проще простого, — продолжал Ляпсус. — В Темных Горах Невежества, где пропасть напастей и отчаяния, куда многие попали, да не многим выпало выбраться, и где между пиками пикируют демоны, высматривая добычу, есть винтовая лестница в две тысячи ступеней без перил — по ней при встречном ветре и темной ночью (ведь во Тьме Невежества — всегда темно) совсем нетрудно взобраться. А там рукой подать до Воздушного Замка.

Ляпсус смолк на мгновение, чтоб перевести дух, и продолжил:

— Потом, поболтав с принцессами, всего-то и надо, что выскочить обратно через узкое жерло, в котором засели изверги, готовые разорвать на части всякого выскочку и оставить от него одни воспоминания, после чего последует теплая встреча (либо прощание) победителей с горячим шоколадом и холодным лимонадом. Вот и все.

Ляпсус завершил свою речь низким поклоном и уселся в кресло, весьма собою довольный.

— Вот не думал, что всё так просто, — молвил король, с улыбкой поглаживая бороду.

— Нет ничего проще, — подтвердил Ляпсус.

— Мне кажется, это опасно, — заметил Мило.

— Еще бы не опасно, еще как опасно, — пробормотал Ляпсус, все еще пытаясь ни с кем не спорить.

— Ну, и кто же туда отправится? — рявкнул Тактик, самым внимательным образом слушавший речь Ляпсуса.

— Это не вопрос, — ответил король. — Страшно другое.

— Что именно? — спросил Мило. Ему совсем не понравился поворот, который примяла беседа.

— Боюсь, что об этом я смогу сообщить вам только после вашего возвращения! — воскликнул король и трижды хлопнул в ладоши.

В тот же миг влетели слуги и в мгновение ока собрали со стола

тарелки, столовое серебро, и скатерть, и сам стол, и стулья, и кресла, и палату для пиршеств, и дворец — остались только Мило, король, Тактик и Ляпсус на рыночной площади.

— Само собой разумеется, я сам отправился бы в этот поход, — как ни в чем не бывало продолжал король, шагая по мостовой. — Однако вы вызвались первыми, и не мне отбирать у вас честь и славу.

— Я... — начал Мило.

— Словаренция вас не забудет, дети мои. — Одной рукой король похлопал по плечу Мило, другой — Тактика. — Многие опасности ждут вас на вашем пути, но ничего не бойтесь — возьмите вот это, и оно вам поможет в трудную минуту.

Король добыл из-под мантии маленькую, размером с учебник, шкатулку и церемонно вручил ее Мило.

— В этой шкатулке хранятся все известные мне слова, — сказал он. — Большинство из них тебе никогда не понадобятся, но многими придется пользоваться постоянно. С их помощью ты сможешь задавать вопросы, на которые нет ответов, и находить ответы на вопросы, которые никогда не задавались. Все великие книги прошлого и те, что еще будут, составлены из этих слов. Для них нет преград. Единственное, что необходимо, — это научиться использовать их как должно и в должном месте.

Мило с благодарностью принял дар, и все направились к автомобильчику, поджидавшему на краю площади.

— Кроме того, — продолжил король, — вам необходим проводник, который должен быть добровольцем, хорошо знать дорогу и все камни преткновения. Такой проводник у вас есть — это Ляпсус.

— Ну нет! — вскричал ошеломленный жук, который ничего такого и не предполагал.

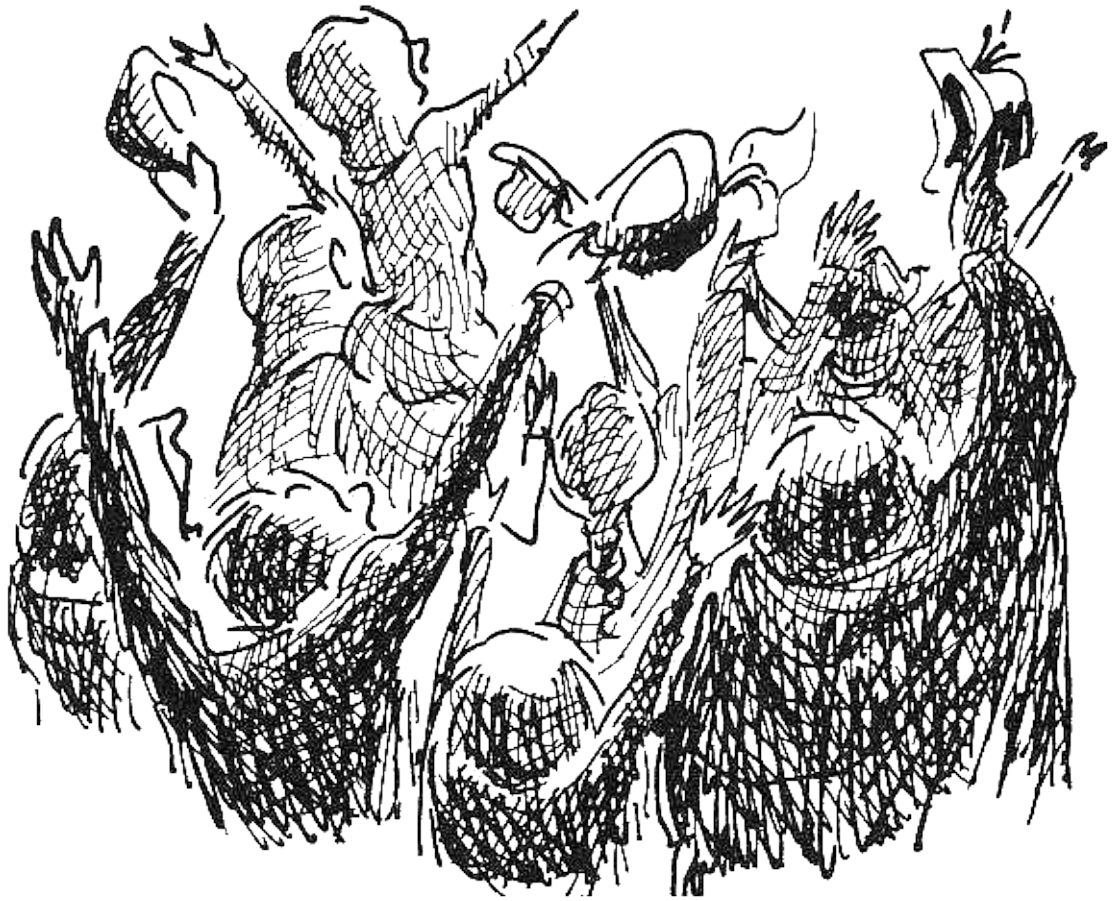
— Сами увидите, какой он твердый, какой отважный, смекалистый и верный товарищ, — продолжал Азбукиан, и на это Ляпсус, падкий на лесть, не нашел, что возразить.

— Конечно, он нам очень пригодится! — согласился Мило, садясь за руль.

— Поживем — увидим, — проворчал про себя Тактик.

— Счастливого пути! Счастливого пути, и будьте осторожны! — кричал им вслед король.

Мило и Тактик гадали, какие приключения их ждут впереди. Ляпсус размышлял о том, как это он умудрился вляпаться в столь опасное предприятие. А толпа вопила «ура!» и плескала в ладоши, потому что толпе все равно, если кто-то приходит, но она всегда рада, если кто-то уходит.

Глава 9

Все зависит от точки зрения

Словаренция давно осталась позади, а впереди их ждали неведомые ничейные земли, лежащие между королевством слов и королевством чисел. Вечерело. Огромное оранжевое солнце опускалось к далеким горам, тени кустов и деревьев неторопливо вытягивались, шаловливый свежий ветерок ласково потрепывал автомобильчик по борту.

— Эх, дороги! — воскликнул Ляпсус, вдохнув воздух полной грудью. — Жажда приключений, охота к перемене мест, рыцарские подвиги — это воистину великолепно!

Показав таким образом, что теперь он, пожалуй, даже рад неожиданному путешествию, жучило самодовольно скрестил руки на груди да так и застыл. Между тем открытая местность тоже осталась позади — они въехали в густой лес.

«ВНИМАНИЕ! ПЕРСПЕКТИВА И ПАНОРАМА!
СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА — ПРЯМО!»

— гласил щит на обочине, но, вопреки обещанию, впереди, кроме деревьев, ничего не наблюдалось. Автомобильчик мчался, лес становился все гуще, деревья все толще и выше. И вот, когда за деревьями не стало видно ни леса, ни неба, чаща вдруг оборвалась, и дорога, изогнувшись, взбежала на вершину холма, откуда во все стороны, насколько хватало глаз, открывался вид на роскошную зеленую равнину, по которой они еще недавно проезжали.

— Великолепная панорама! — объявил Ляпсус так, будто сам ее и соорудил.

— Точно! — воскликнул восхищенный Мило. — Наверное, это и называется «красота»?

— Понятия не имею, — ответил неизвестно кто. — Все зависит от точки зрения.

— Простите, — растерялся Мило, поскольку никого видно не было.

— Я говорю, все зависит от точки зрения.

Мило повернулся и оказался нос к носу с двумя до блеска начищенными башмаками, в которых стоял (если так можно выразиться о

том, кто висит в воздухе) мальчишка примерно одних с ним лет, и ноги его фута на три не доставали до земли.

— К примеру, если ты больше любишь пустыню, ты никогда не скажешь, что это вот — красота.

— Именно, именно так, — поддакнул жучило, который предпочитал не спорить с вышестоящими.

— Вот еще пример, — продолжил мальчишка. — Если бы рождественские елки были людьми, а люди — рождественскими елками, они бы всех нас посрубали, поставили бы в гостиных, увешали бы игрушками, а сами съели бы наши конфеты.

— Какое это имеет отношение к красоте? — спросил Мило.

— Абсолютно никакого. Но разве сама идея не интересна?

— А как это ты там стоишь? — спросил Мило, которого во всем этом больше интересовала техническая сторона вопроса.

— Я как раз собирался спросить тебя о том же, — ответил мальчишка. — Ты ведь еще не такой старый, чтобы стоять обеими ногами на земле.

— Что ты имеешь в виду?

— Понимаешь, в нашем роду все рождаются на уровне — то есть головы у всех у нас сразу занимают должную высоту, а уж после мы начинаем расти вниз и растем, пока прочно не станем обеими ногами на землю. Конечно, бывают и такие, которые даже к старости не дорастают до земли, ну что ж, думаю, в любой семье не без уroda.

Он пробежал вприпрыжку несколько шажков по воздуху, сперва туда, потом обратно, и продолжил:

— Ты, должно быть, совсем старик, если стоишь на земле?

— Не-а, — серьезно отвечал Мило. — В моем роду все начинают от земли, и мы растем, растем сколько угодно, пока не вырастем.

— Вот дурацкий способ, — расхохотался мальчишка. — Значит, пока ты растешь, твоя точка зрения все время меняется? В десять лет ты на все смотришь так, в пятнадцать — этак, а в двадцать и вовсе иначе.

— Да наверное, — согласился Мило, который никогда не рассматривал данного вопроса ни с какой точки зрения.

— А мы всегда на все смотрим одинаково, — продолжал мальчишка. — Это избавляет от множества ошибок и неприятностей. Кроме того, расти вниз куда легче, чем вверх. К тому же, пока ты маленький, падай себе на здоровье, все равно не ушибешься, и никто тебе не скажет «не шаркай ногами», «не царапай паркет», потому что шаркать не по чему и царапать нечего, потому что до пола — целых три фута.

«Вот это здорово», — подумал Тактик, ценивший, как всякая собака, мир и порядок в семейной жизни.

— Однако очевидно и другое, — продолжал мальчишка. — К примеру, сегодня у тебя на завтрак был апельсиновый сок, яйца всмятку, гренки с джемом и молоко, — сказал он Мило. — А ты терпеть не можешь, когда люди тратят время попусту, — сказал он Тактику. — А вы, — сказал он Ляпсусу, — вы всегда попадаете пальцем в небо, а если не попадаете — это еще хуже.

— Ну, это сильно преувеличено, — разозлился жук, у которого в голове не укладывалось, как можно столько увидеть с первого взгляда, да еще невооруженным глазом.

— Потрясающе! — пролаял Тактик.

— Как ты догадался? — спросил Мило.

— Очень просто, — гордо заявил мальчишка, — я — Алле Оп; я вижу все насквозь. Я вижу все, что в и за. Зато я никогда не вижу того, что *перед* — к примеру, прямо перед моим собственным носом.

— Да, — протянул Мило, у которого шея заныла, устав задира́ть голову, — не слишком-то это удобно.

— Кое-какие неудобства имеются, — согласился Алле. — Зато всегда знаешь, что за чем стоит на самом деле, а об остальном позаботятся остальные. Отец мой преду-сматривает, мать при-сматривает, брат о-сматривает, дядька рас-сматривает, а младшая сестренка Алиса — под-сматривает.

— Подсматривать, во-первых, нехорошо, а во-вторых, не всегда все хорошо видно, — буркнул жучило.

— Алле-оп! — Алле прокатился колесом. — Чего она не может посмотреть сразу, она до-сматривает потом.

— Послушай, а можно мне встать на твою точку зрения? — спросил Мило.

— Почему бы и нет? Только нужно набраться духу и взглянуть на все по-взрослому.

Мило попробовал, он старался изо всех сил, он набирался духу. В конце концов ноги его оторвались от земли, Мило медленно всплыл и оказался рядом с Алле Опом в воздухе. И в тот же миг, не успев толком оглядеться, рухнул наземь.

— Ну как, понравилось? — спросил Алле.

— Ага, — протянул Мило, потирая голову и отряхиваясь, — но, знаешь, лучше уж я останусь на детской точке зрения. С нее не так высоко падать.

— Мудрое решение, — важно кивнул Алле, — по крайней мере на настоящий момент. Каждый смотрит со своей кочки.

— А разве эта кочка у нас не общая? — Тактик топнул задней лапой по макушке холма, а передней обвел панораму.

— Не-а. — Алле присел на пустом месте и свесил ноги. — Это моя кочка. Нельзя слишком долго смотреть на мир чужими глазами. К примеру, — он показал на лесное озерцо внизу, — нам отсюда оно кажется бадейкой воды; для муравья же оно — океан, слону — на один глоток, а рыбе — дом родной. Так что, сами видите: то, что вы видите, во многом зависит от того, как вы на это смотрите. А теперь пойдёмте, я покажу вам лес.

Он припустился бегом по воздуху, время от времени останавливаясь,

чтобы поманить Мило, Тактика и Ляпсуса, которые, как им и положено, следовали за ним пешим ходом по земле.

— Значит, у вас все растут так же, как ты? — пропыхтел Мило, когда они наконец поравнялись.

— Почти все, — ответил Алле, а потом остановился, призадумавшись. — Бывает, правда, что кто-то начинает расти вверх ногами. Впрочем, это нечасто, и такие у нас долго не задерживаются.

— И что с *такими* случается? — не отставал Мило.

— Наверняка никто не знает, но говорят, будто они вырастают раз в десять больше обычного и ходят среди звезд.

Сказав это, он снова припустился к ожидавшему их лесу.

Глава 10

Симфония цвета

И вот лес, возносящий прямо к небу свои высокие своды, сомкнулся за ними. Вечерние солнечные зайчики играли в листве, прыгали по веткам и, соскользнув вниз по стволам, расцвечивали землю теплыми светящимися пятнами. В лесном воздухе, пронизанном мягким светом, все казалось таким четким и близким, что протяни руку — и вот оно.

Алле с гиканьем и хохотом летел вперед, но вскоре ему стало не до смеха: он ведь прекрасно видел всякое дерево, стоящие *за*, но совершенно не замечал стоящих *перед* и с разгону врезался в них. После нескольких таких столкновений все остановились перевести дух.

— Смею предположить, что мы потерялись! — воскликнул Ляпсус, в изнеможении рухнув прямо в земляничник.

— Ерунда! — ответил Алле с высокой ветки, на которую присел.

— Ты знаешь, где мы? — спросил Мило.

— Разумеется. Мы находимся на том самом месте, на котором находимся. Кроме того, потеряться не означает не знать, где ты находишься, это значит знать, где ты не находишься, а места, где меня нет, меня совершенно не интересуют.

Даже для Ляпсуса это было слишком сложно, а что до Мило, то он только оторопело повторял про себя услышанное, когда Алле добавил:

— Если не верите мне, спросите у великана, — и указал на домик-невеличку, приютившийся между двумя большущими деревьями.

Мило с Тактиком подошли к двери с медной табличкой, на которой значилось — «ВЕЛИКАН» — и постучали.

— Добрый день. — На стук вышел человек самого что ни есть среднего роста.

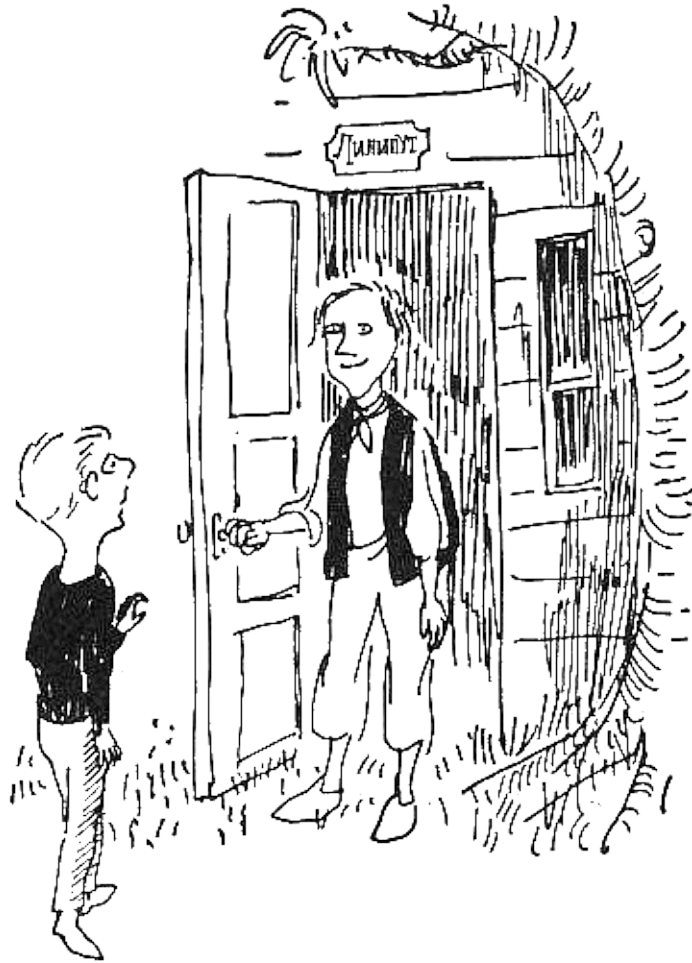
— Так это вы и есть великан? — недоверчиво спросил Тактик.

— Именно! — ответил тот гордо. — Я самый низкорослый великан на свете. Чем могу служить?

— Скажите, мы потерялись? — спросил Мило.

— Это очень трудный вопрос, — отвечал великан. — Лучше спросите у лилипута — за углом направо. — И дверь захлопнулась.

За углом направо оказалась точно такая же дверь с медной табличкой, на которой значилось — «лилипут».

На стук вышел другой человек, как две капли воды похожий на первого.

— Здрасьте, — сказал он.

— Стало быть, вы — лилипут? — с еще большим сомнением спросил Тактик.

— Именно! — отвечал тот. — Я самый рослый лилипут на свете. Чем могу помочь?

— Как вы думаете, мы — потерялись? — опять спросил Мило.

— Даже не знаю, что вам сказать. Ступайте за угол направо — спросите у толстяка. — И эта дверь захлопнулась.

А дверь за углом направо распахнулась в тот самый момент, как они к ней подошли:

— Рад вас видеть! — вскричал человек, неотличимый от своего соседа-лилипута.

— Значит, вы и есть толстяк, — проговорил Тактик, стараясь не слишком верить своим глазам.

— Причем самый худощавый в мире! — воскликнул тот. — Однако если у вас есть вопросы, обратитесь к худышке — за углом направо.

За углом направо, как они и ожидали, оказалась точно такая же стена, что и три предыдущих, и такая же дверь, которую, не дожидаясь стука, открыл точно такой же человек.

— Ба, какой сюрприз! — радостно завопил он. — Я уже и не помню, когда в мою дверь стучались.

— И давно это было? — спросил Мило.

— Понятия не имею, — отвечал тот. — Ах да, мне же надо ответить на стук.

— Вы уже сделали это.

— Ну, конечно. Память у меня стала совсем худая.

— Стало быть, вы — самый толстый худой человек на свете! — раздраженно твякнул Тактик.

— Вы знаете кого-нибудь толще? — парировал тот.

— А по-моему, так все вы — один и тот же человек! — сказал Мило.

— Тс-с-с-с-с-с-с-с. — Худышка приложил палец к губам и прошептал ему на ухо: — Ты хочешь все испортить? Видишь ли, высоким людям я представляюсь лилипутом, малорослым представляюсь великаном, для тощих я — толстый, для толстых — тощий. Таким образом я совмещаю сразу четыре должности. А на самом деле, как видишь, я просто средний

человек. Однако на свете столько простых средних людей, что их мнения никто никогда не спрашивает. Итак, что тебя интересует?

— Мы потерялись или нет? — повторил Мило.

— Да-с, — средний человек почесал в затылке, — с такой трудной задачей, сколько помню, я еще не сталкивался. Повтори-ка еще разок, а то что-то она у меня из головы выскочила.

Мило пришлось повторять еще раз пять.

— Подумать только, подумать только, — бормотал человек. — Одно я знаю точно: найти ответ на вопрос, потеряли ли вы себя, куда труднее, чем найти то, что вы потеряли. Потому что чаще всего теряются там, где находятся. С другой стороны, не реже находятся там, где теряются, потому что на самом деле остаются на месте, а обратный путь туда, откуда вы не уходили, найти куда труднее, и поэтому я нахожу, что вам нужно немедленно пойти куда-то, где вы находитесь, и найти там ответ на ваш вопрос. Со всеми другими вопросами обращайтесь, пожалуйста, к великану. — И дверь захлопнулась.

Они вернулись. Алле спросил:

— Ну как, довольны? — и, спрыгнув с ветки, свесился с высоты трех футов, растормошил уснувшего Ляпсуса, затем, на сей раз куда осторожней, двинулся дальше, к просвету между деревьями.

— Значит, этот лес обитаемый? — спросил Мило, не отстававший от Алле.

— Еще как обитаемый! — ответил тот и, наткнувшись на деревце, обрушил на них град орехов и листьев. — Все здешние обитатели живут в замечательном городе, который называется Явь. Он вот он, прямо тут.

С опушки леса, чуть в стороне, открывался вид на великолепный столичный град. Крыши его сверкали, как зеркала, стены играли драгоценными камнями, улицы были вымощены серебром.

— Это — он? — вскричал Мило и рванулся было к сияющим улицам.

— Нет, там — это Грёзы, — остановил его Алле. — Явь, она прямо тут.

— Что значит «Грёзы»? — спросил Мило. Ничего прекрасней этого города ему и не снилось.

— Грёзы, они грёзы и есть, — объяснил Алле, — что-то вроде морока. — И, понимая, что понятнее не стало, добавил: — Морок — это мираж, это когда ты прекрасно видишь то, чего нет.

— Как можно видеть то, чего нет? — зевнул не вполне еще проснувшийся Ляпсус.

— Это куда легче, чем увидеть то, что есть. К примеру, на то, что есть, смотришь открытыми глазами, а на то, чего нет, можно закрыть глаза и

смотреть с закрытыми. Поэтому в Грёзах жить куда легче, чем в Яви.

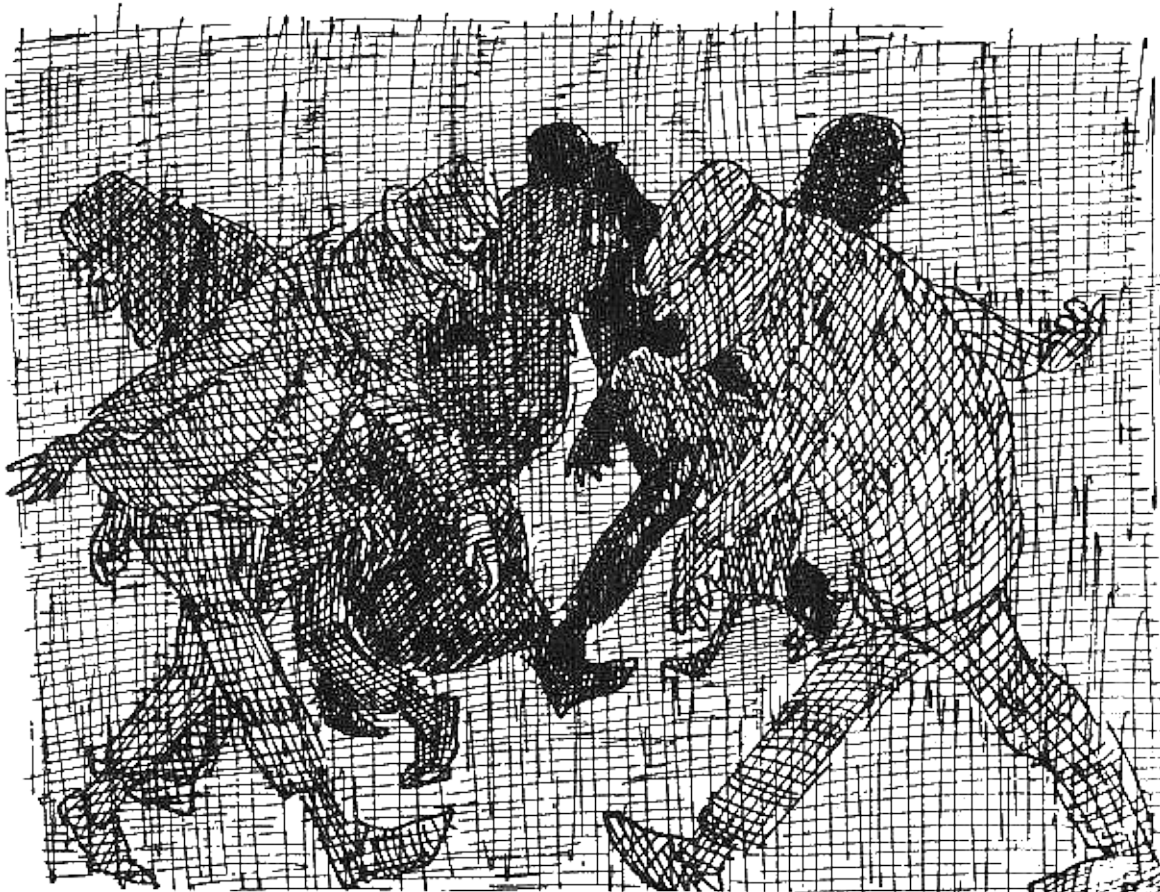
— Где же она, твоя Явь? — рявкнул Тактик.

— Да вот же — мы стоим прямо на Главной Улице.

Все стали оглядываться. Тактик потянул носом, а Ляпсус осторожно потыкал воздух тростью, но никто ничего не обнаружил.

— На самом деле Явь — очень приятный город, — сказал Алле, двинувшись вдоль по улице.

Он указывал им на какие-то городские достопримечательности, однако того, на что он указывал, видно не было. Зато людей на улице казалось видимо-невидимо, и со многими он раскланивался. Все куда-то спешили, глядя себе под ноги и, казалось, точно зная, куда они идут по несуществующим улицам — кто прямо, кто за угол, кто в дом, кто из.

— Не вижу я здесь ничего, — тихонько сказал Мило.

— Они тоже не видят, — грустно вздохнул Алле, — и сами того не замечают, так что им все равно.

— Наверное, трудно жить в невидимом городе, — продолжил Мило, отскочив в сторону от вереницы легковых и грузовых машин.

— Ничуточки. Это дело привычки, — сказал Алле. — Могу

рассказать, как это случилось. — Они вышли на шумный многолюдный проспект, и он начал: — Давным-давно на этом месте был чудесный город с множеством красивых улиц и прекрасных площадей, и никто никуда в этом городе не торопился. Здесь было столько необычайных красот, что люди слишком часто останавливались, чтобы полюбоваться ими.

— И наверное, всюду опаздывали? — догадался Мило.

— Конечно, — кивнул Алле. — Вообще, перебираясь с одного места на другое, всегда любопытно посмотреть, что находится между, однако местный народ слишком уж увлекался этим. И вот однажды кто-то обнаружил, что если идти самым быстрым шагом и при этом глядеть только себе под ноги, то дойдешь туда, куда идешь, гораздо скорее. Все так и стали делать — принялись бегать по улицам и бульварам мимо всех чудес и красот, не глядя.

Мило подумал, что сам не раз поступал точно так же, и поэтому с трудом мог припомнить, как выглядит его собственная улица.

— Никто уже ни на что не смотрел, и чем быстрее они бегали, тем безобразнее и грязнее становилось все вокруг, а чем все становилось безобразнее и грязнее, тем быстрее они бегали, и в конце концов случилось нечто необыкновенное: поскольку никто не обращал на город внимания, он стал постепенно таять. С каждым днем дома расплывались, улицы исчезали одна за другой, пока вовсе не пропали из глаз. Так от города не осталось даже видимости.

— Что же сделали жители? — спросил Ляпсус, в котором вдруг проснулось любопытство.

— А ничего, — продолжил Алле, — живут, как жили, — в тех же домах, на тех же улицах, потому что никто ничего не заметил. Для них все осталось, как было.

— А если им сказать? — спросил Мило.

— Бесполезно. В такой спешке они все равно не увидят — им некогда глазеть по сторонам.

— А почему бы им не перебраться на жительство, с позволения сказать, в Грёзы? — заметил Ляпсус. — Грёзы — такое замечательное местечко.

— Многие пытались, — ответил Алле, снова поворачивая к лесу, — однако жить посреди сплошной видимости ничуть не лучше, чем посреди невидимого.

— Может быть, когда-нибудь у вас здесь будет один город — такой же ясно видимый, как Грёзы, и такой же незабываемый, как Явь.

— Так и будет, когда ты вернешь нам Поэзию и Мудрость, — ответил

Алле с улыбкой, поскольку видел Мило насквозь. — А теперь побежали, иначе пропустим вечерний концерт.

Они прошли по невидимой лестнице, миновали незримые ворота и, покинув Явь (о которой порою трудней рассказать, чем о сновидении), оказались в совершенно другой части леса.

Солнце почти уже зашло, вершины далеких холмов окрасились рыжим, багряным и алым. Последние лучи медлили в небе, озаряя путь птицам, спешащим по домам, а первые, самые нетерпеливые звезды уже заняли свои места.

— Вот он! — воскликнул Алле, обведя рукой огромный симфонический оркестр. — Разве он не великолепен?

По меньшей мере тысяча музыкантов располагалась большим полукругом. Слева и справа — скрипки и виолончели, их смычки волной взмывали и падали, а дальше, за ними, виднелось бесчисленное множество малых и больших флейт, кларнетов, гобоев, фаготов, валторн, труб, тромбонов и туб — и все играли разом. Позади всех, уже едва различимые вдали, виднелись ударные инструменты, и, наконец, вдоль всего крутого склона выстроились торжественные контрабасы.

Перед оркестром за дирижерским пультом стоял высокий сухопарый человек с темными глубоко посаженными глазами и тонкогубым ртом, кое-как уместившимся между длинным острым носом и таким же длинным и острым подбородком. Дирижировал он без палочки свободными плавными жестами, которые, казалось, зарождались в ступнях его ног и, медленной волной пройдя по всему телу, докатывались через длинные руки до самых кончиков изящных пальцев.

— Музыки почему-то не слышно, — сказал Мило.

— Само собой, — ответил Алле. — Этот концерт нужно не слушать, а смотреть. Ты приглядишься.

Руки дирижера как будто лепили что-то из воздуха, как из податливой глины, и весь оркестр послушно следовал каждому его движению.

— Что же такое они играют? — спросил Тактик, склонив голову набок и с любопытством глядя на Алле.

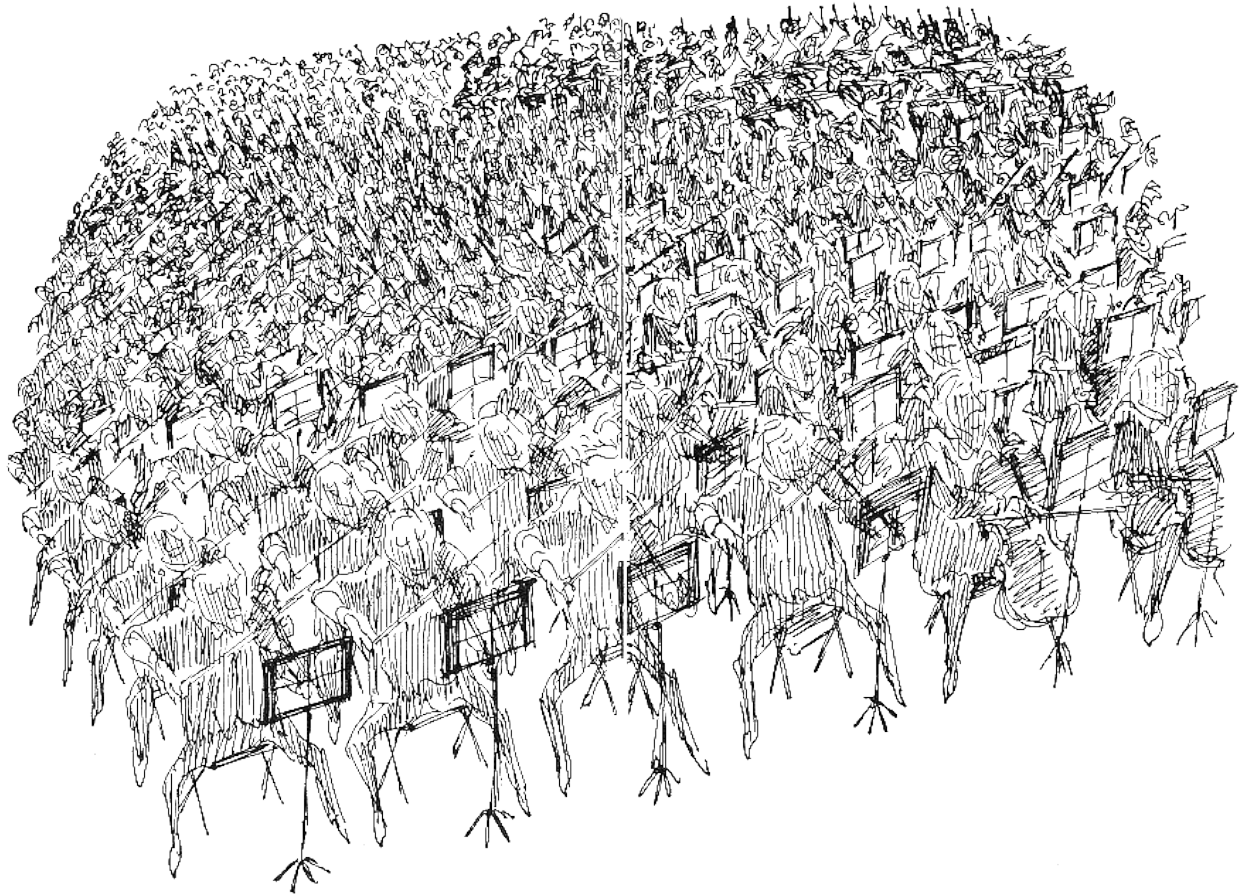
— Вечернюю зарю — что же еще? Они исполняют ее каждый вечер на заре.

— Что? Зарю? — насмешливо переспросил Мило.

— Вот именно, — ответил Алле. — Точно также они исполняют утро, день и ночь, соответственно, утром, днем или ночью. Без этого на свете не

было бы ни единого цвета, — стал объяснять он. — Каждый инструмент играет свою партию, и все зависит от времени года и погоды, а погоду делает дирижер — он следит за партитурой и дирижирует днем. — И вдруг воскликнул: — Час настал! Сейчас солнце закатится, и вы сможете поговорить с самим маэстро Гаммой.

Последние краски угасали на западе, и по мере их угасания инструменты один за другим умолкали, покуда не остались одни лишь контрабасы, которым предстояло исполнять ночь, да серебряные колокольцы, игравшие звезды. Дирижер медленно опустил руки, но еще некоторое время стоял, пока полная тьма не окутала лес.

— У вас получился очень красивый закат, — сказал Мило, подойдя к помосту.

— А как же иначе? — последовал ответ. — Ведь мы играем эту вещь от начала света.

С этими словами дирижер сошел с помоста и, подхватив Мило, усадил его на пюпитр.

— Я — Великий Гамма, — продолжал он, помахивая руками, — дирижер красок, маэстро полутонов, интерпретатор всех цветов радуги.

Мило тоже представился и спросил:

— Вы играете каждый день?

— Ах, разумеется, каждый день и все дни напролет, — возгласил Гамма и сделал изящный пируэт. — Лишь по ночам я порой отдыхаю, а они — они играют все ночи.

— А что произойдет, если вы перестанете играть? — поинтересовался Мило: ему не верилось, что цвета и оттенки возникают таким странным образом.

— Смотри сам! — вскричал Гамма и высоко вскинул руки.

В тот же миг последние инструменты смолкли, и все краски разом исчезли. Мир стал похож на огромную книжку-раскраску, к которой никто еще не прикасался. Остались только черные контуры, и будь у кого-нибудь коробочка красок размером с дом и большущая кисточка, ему хватило бы удовольствия на много лет.

Но вот Гамма опустил руки — инструменты зазвучали снова, и цвет вернулся.

— Видишь, каким унылым стал бы наш мир без красок? — сказал он, согнувшись в низком поклоне, так что его острый подбородок едва не воткнулся в землю. — Зато какое удовольствие вести скрипичную партию зелени в серенаде весны! И ах, как звучат синие трубы моря! А желтые гобои теплого солнечного света? Но лучше всего — радуга! И пронзительно сверкающие неонами вывески. И такси в шашечку. И мягкие, размытые тона туманного дня. Мы исполняем всё!

Гамма говорил, а у Мило сияли глаза. У Алле, Ляпсуса и Тактика — тоже.

— А теперь мне и вправду нужно соснуть. — Гамма зевнуть — Несколько ночей подряд у нас были грозы с молниями, фейерверки и карнавалы, и мне не удалось поспать. Однако эта ночь наверняка пройдет спокойно. — Он положил свою большую ладонь на плечо Мило. — Будь другом, побудь с моим оркестром до утра. И проследи, чтобы меня разбудили ровно в пять часов двадцать три минуты — перед восходом солнца. Спокойной ночи... спокойной ночи... спокойной ночи... — трижды повторил он, каждый раз отступая на шаг, и исчез в лесу.

— Правильное решение, — сказал Тактик, укладываясь в траву.

Жучило уже улегся, и Алле тоже устроился на воздухе. А Мило, в голову которому битком набилось всяких мыслей и вопросов, свернулся калачиком на страницах завтрашней музыки и с нетерпением стал ждать рассвета.

Глава 11

Дериухо и Тарарам

Время шло, и ровно в пять двадцать две по Тактиковому будильнику-хронометру Мило приоткрыл один глаз, а немного погодя и другой. Было еще совсем темно, сине, черно, и все же этой тихой и долгой ночи осталось меньше минуты.

Мило лениво потянулся, протер глаза, почесал голову и разок поежился, отдавая должное предрассветной свежести.

— Пора будить Гамму для утренней зори, — пробормотал он. И вдруг подумал: а что, если самому стать на место дирижера и расцветить мир?

Он покрутил эту мысль в голове и пришел к выводу: по-видимому, все не так и сложно, потому что музыканты наверняка сами знают, что и как играть. Кроме того, будить человека в такую рань — просто жестоко. И наконец, другой такой возможности может и не подвернуться — оркестранты уже готовы и ждут, — и он попробует, ну совсем немножко!

Все еще спали, а Мило привстал на цыпочки, медленно поднял руки и чуть-чуть кивнул указательным пальцем.

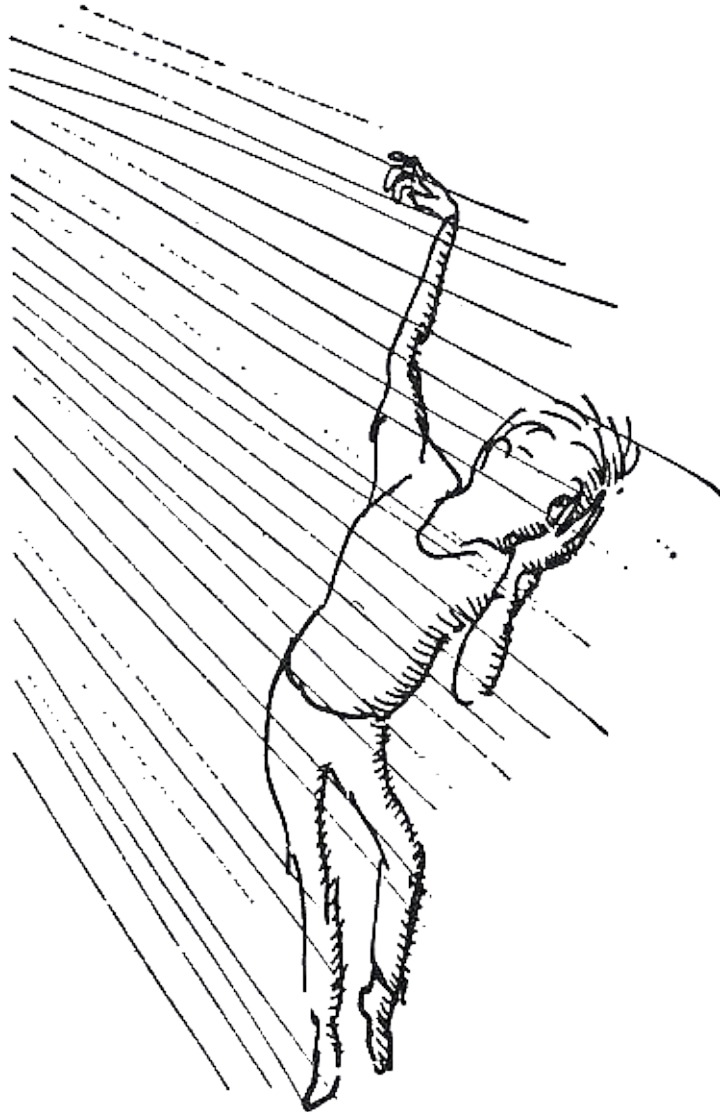
Было ровно пять двадцать три утра. И, как будто поняв его сигнал, одна-единственная флейта-пикколо издала один-единственный звук — в тот же миг тоненький бледно-желтый лучик света просверкнул по небосводу. Счастливо улыбаясь, Мило снова тихонько кивнул пальцем. На этот раз прозвучали две малые флейты и одна большая, и еще три луча протанцевали по небу. Тогда он широко взмахнул обеими руками и возликовал — музыканты заиграли все разом.

Виолончели окрасили вершины холмов ярко-красным, на первые звуки скрипок листья и травы откликнулись бледно-зеленым. Весь оркестр занялся раскраской леса, отдыхали только контрабасы.

Мило был рад: оркестранты разыгрывали все, как по нотам.

«Вот Гамма удивится! Теперь его можно и разбудить», — подумал Мило и махнул музыкантам рукой, мол, уже все, хватит.

Однако, вместо того чтобы замолчать, музыка грянула пуще прежнего, и все краски засияли так, что дальше, казалось, некуда. Одной рукой Мило пришлось прикрыть глаза, другую он отчаянно размахивал, но мир наливался цветом все ярче и ярче, а потом случились и вовсе удивительные вещи.

Покуда Мило продолжал яростно дирижировать, цвет неба постепенно изменился от синего к красно-коричневому, пока не стал совершенно багровым. Повалил ядовито-зеленый снег, и листья на кустах пооранжевели, цветы почернели, камни позеленели, и даже мирно спящий Тактик из просто бурого стал серо-буро-малиновым. Все краски на свете перепутались, и чем больше Мило старался, тем делалось хуже.

— Эх, зря я это затеял, — горько пожалел он, заметив пролетевшего черного дрозда в бледно-желтом оперении. — Теперь я не смогу их

остановить.

Он изо всех сил старался, подражая движениям Гаммы, но все без толку. Музыканты играли быстрее, быстрее, быстрее — лазоревое солнце промчалось по небосводу. Минуты не прошло, как оно закатилось на западе и — тут же выкатилось на востоке. Небо теперь стало и вовсе сиреневым, травы — нежного цвета лаванды. Семь раз солнце вставало и садилось, краски менялись беспрерывно. За несколько минут пролетело целых семь дней.

Наконец, измучившись, но не смея позвать на помощь, Мило чуть не плача опустил руки. Тут-то оркестр и смолк. Краски погасли, вновь воцарилась ночь. Было пять часов двадцать семь минут утра.

— Вставайте! Солнце восходит! — с облегчением завопил Мило, поскорее спрыгнув с пюпитра.

— Ах, как замечательно я выспался, — сказал Гамма, подходя к дирижерскому пульту. — У меня такое впечатление, что проспал я не меньше недели. Боже мой, как летит время — день уже стал на целых четыре минуты короче.

Он постучал по пюпитру, призывая оркестр к вниманию, и на этот раз рассвело по всем правилам и окончательно.

— Молодец, ты все сделал правильно, — похвалил он Мило. — Когда-нибудь я позволю тебе самому поддирижировать моим оркестром.

Тактик гордо поднял хвост — знай наших, а Мило промолчал. И по сей день никто не подозревает о потерянной неделе, кроме, разумеется, тех немногих, кому случилось бодрствовать тем странным утром в пять часов двадцать три минуты.

— Время! — сказал Тактик, чей будильник опять затрезвонил. — Дорога у нас неблизкая.

Гамма ласково кивнул им на прощание, и когда они двинулись через лес, разукрасил его соцветиями прекраснейших оттенков.

— Жаль, что вы не можете побыть подольше, — опечалился Алле. — У нас тут, даром что лес Зрелищ, поле зрения — необозримое. Впрочем, думаю, и в других местах есть на что поглядеть, нужно только разуть глаза.

Дальше шли молча, каждый думал о своем. Добрались до автомобильчика, и тут Алле вытащил из-под рубашки и подал Мило великолепную подзорную трубу.

— Возьми. Слишком много там всякого, что прячется от взгляда. А в эту штуку видно все — и как трава пробивается сквозь асфальт, и как светятся самые темные звезды, но самое главное — в нее любая вещь видна такой, какая она есть, а не такой, какой кажется. Это тебе подарок.

Мило аккуратно уложил подзорную трубу в отделение для перчаток, помахал рукой Алле и вжал педаль газа до упора. И до самого конца лесной дороги в голове у него крутилось множество самых непривычных мыслей.

Дальше пошла открытая холмистая местность со спусками и подъемами — с гребня на гребень, вверх-вниз, вверх-вниз — очень весело, если не боишься морской болезни. Наконец с перевала самой высокой гряды открылась перед ними глубокая долина, и дорога решительно ринулась вниз, так, будто давным-давно не виделась с синей речушкой, сверкающей на дне долины, и ужасно обрадовалась неожиданной встрече. Там, внизу, ветер задувал между скалами, как в каменной трубе, а впереди показалось яркое пятнышко, которое выросло прямо на глазах.

— Это какой-то фургон! — воскликнул Мило.

— Не какой-то, а цирковой, — подтвердил Тактик.

И точно, он стоял чуть в стороне от дороги, ядовито-красный в белый горошек и с виду брошенный. На его борту огромными белыми буквами с черной каемочкой было выведено:

«ДЕРИУХО И. ГОРЛО»,

а ниже чуть помельче черными буквами с белой каемочкой:

«ДОКТОР КАКОФОНИИ».

— Если тут кто-нибудь есть, спросим, далеко ли нам еще ехать, — сказал Мило, притормаживая возле фургона.

Он осторожно поднялся по трем деревянным ступенькам к двери, тихонько постучал и тут же отскочил в испуге — внутри фургона раздался ужасный грохот и лязг, такой, будто целую стопку тарелок шарахнули с размаху о каменный пол. В тот же миг дверь распахнулась и из темного проема кто-то проскрипел:

— Ага! Теперь-то вы знаете, что значит шарахнуть целую стопку тарелок о каменный пол?

Мило, который скатился с лесенки кувырком, приподнялся, а Тактик с Ляпсусом выскочили из автомобильчика посмотреть, что стряслось.

— Нет, вы скажите, знаете или нет? — настаивал голос, который драл глотку так, что хотелось прочистить, промочить и смазать собственное горло.

— Теперь знаем, — ответил Мило, вставая на ноги.

— Ха! Теперь они знают! — обрадовался голос. — А вы знаете, как

муравей тащит волосину из меховой опушки шлепанца по шерстяному толстому ковру? — И, не дожидаясь ответа, захрипел и закаркал дальше: — Раз так, чего вы торчите там на ветру? Заходите, заходите. Вам страшно повезло — все вы ужасно выглядите.

Бледная лампочка под потолком едва освещала внутренность фургона, куда они с опаской входили по очереди: сперва Тактик, готовый отразить любое нападение, затем Мило — со страхом и любопытством, а Ляпсус — последним, чтобы удобней было первым задать стрекача.

— Прекрасно! Теперь дайте-ка мне взглянуть на вас, — сказал голос. — Те-те-те-те-те-те! Очень, очень, очень скверно. Случай весьма серьезный.

Пыльное нутро фургона было уставлено стеллажами, на которых лежали и стояли коробочки и сосуды самые необыкновенные — такие можно было увидеть только в старых аптеках. Пол был усеян какими-то деталями и детальками, а в глубине фургона стоял тяжелый деревянный стол, заваленный и заставленный книгами и пузырьками и всякой старинной всячиной.

— Вы когда-нибудь слышали, как осьминог с завязанными глазами разворачивает завернутую в целлофан ванну? — вновь проскрежетало занозисто и шершаво.

За столом сидел, что-то деловито смешивая и взвешивая, хозяин фургона — в длинном белом халате, со стетоскопом на шее и маленьким круглым зеркальцем на лбу. Кроме того, у него имелись маленькие усики и огромные уши, каждое размером с его голову.

— Значит, вы доктор? — спросил Мило, изо всех сил стараясь выглядеть как можно здоровее.

— **Я — ДЕРИУХО И. ГОРЛО, ДОКТОР КАКОФОНИИ,** — проревел тот, и слова его сопровождались раскатистым грохотом и трескучим дрязгом.

— А что значит «И» с точкой? — запинаясь, пробормотал жучило; от страха он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— «Изо всех сил **И** — **ТОЧКА**», — проревел доктор еще громче, со скрежетом и взрывами. — Теперь подойдите поближе и высуньте языки... Да, так я и подозревал, — продолжил он, открыв и перелистывая огромный фолиант. — Вы все больны шумодефицитом, то есть страдаете от недостатка шума.

Затем он вскочил и запрыгал по фургону, хватая со стеллажей бутылки, пока на одном из концов стола не собралось их великое множество самых разных цветов и размеров. На каждой имелась аккуратная этикетка: Вопли, Шмяки, Трески, Шарахи, Скрежеты, Бабахи, Визги поросячьи, Гвалты, Писки, Свисты, Оры и Прочие шумы. Отлив из каждой в большую

стеклянную мензурку, он стал помешивать зелье деревянной ложечкой, с интересом наблюдая, как оно пенится, дымится, пузырится и кипит.

— Придется вам еще немного потерпеть, — объявил он, потирая руки.

Мило вообще не любил лекарств, но такого противного еще не видел.

— Скажите, доктор, а вы от чего лечите? — с подозрением поинтересовался он.

— Можешь считать меня большим докой во всякого рода шумах — от чуть слышных до оглушительных, от слегка неприятных до совершенно отвратительных. Знаешь ли ты, скажем, как звучит на полном ходу пароконная повозка на квадратных колесах, битком набитая яйцами всмятку? — произнес он, и снова раздался душераздирающий грохот.

— Кому нужны такие ужасные звуки? — спросил Мило, затыкая уши.

— Как — кому? — удивился доктор. — Да всем! Они нынче в моде. Я просто завален и едва справляюсь с заказами на гремучие порошки, скрипучие мази, настойки грохота и микстуры из гвалта. Они теперь у всех на устах.

Некоторое время он еще помешивал жидкость в мензурке, а затем, когда она перестала дымиться, продолжил:

— Раньше-то дела шли не так хорошо. Когда-то люди предпочитали благозвучия, и если бы не военные заказы да землетрясения, мне пришлось бы совсем худо. Однако потом, когда выросли большие города, стал расти и спрос на рев клаксонов, визг тормозов, лязг буферов, гомон толпы, хлюпанье воды, шипение пара и прочие высокоотвратительные звуки, без которых сегодня не обойтись. О, не будь их, люди бы так страдали! Поэтому я и стараюсь, чтобы у них было все необходимое. Вот и вы — если вы станете пить мое лекарство каждый день, никакое благозвучие вам будет не страшно. Ну-ка, попробуйте.

— С вашего позволения, я предпочел бы обойтись без... — сказал Ляпус, попятившись в дальний угол фургона.

— Не хочу лечиться, — заявил Мило. — И вообще я не страдаю от недостатка шума.

— Кроме того, — прорычал Тактик, который пришел к выводу, что доктор Какофонии ему не нравится, — от этого вашего шумодефицита еще никто не умирал.

— Разумеется, — подтвердил доктор, нацедив себе стаканчик снадобья. — Вот почему от этой хвори так трудно избавиться. Я ведь имею дело с болезнями, которых вообще не существует, которые хочешь — лечи, хочешь — не лечи, навредить здоровью не сумеешь, а в нашем деле это самое главное.

И поскольку воспользоваться его снадобьем никто не собирался, он снял с ближайшей полки бутыль цвета темного янтаря и, тщательно вытерев, поставил на стол перед собой.

— Если вам нравится всю жизнь страдать от шумодефицита, ну и страдайте на здоровье, а это я скормлю ТАРАРАМУ на завтрак, — сказал он и с легким хлопком выдернул пробку из горлышка.

Мило, Тактик и Ляпсус настороженно поглядывали на бутыль, не зная, чего еще можно ждать от доктора. Сперва все было тихо, потом как будто из далекого далека донесся басовитый гул. Он нарастал — все ближе и ближе, все громче, громче и громче, — пока не превратился в оглушительный, душераздирающий рев, вырывающийся, казалось, из этой самой бутылки. Вот из горлышка потянулась крутящаяся струя густого сизого дыма, спиралью взвилась под потолок, разбухла и постепенно приобрела очертания дымного облака с руками, ногами, ярко-желтыми глазами и огромной прожорливой пастью. Едва облако оторвалось от бутылки, как тут же схватило мензурку с зельем, запрокинуло над головой — если это была голова — и выхлестало все в три глотка.

— А-га-га! Это было не худо придумано, хозяин, — взревело облако так, что фургон заходил ходуном. — Я-то уж думал, что мне век свободы не видать. А в бутылке-то ох как тесно.

— Это — мой компаньон, Чудовищный ТАРАРАМ, — сказал доктор Какофонии. — Не обращайтесь внимания на его внешний вид — за ним попросту присмотреть некому. Он, знаете ли, круглый сирота, которого я вырастил без всяких там нянек и воспитателей...

— У семи нянек дитё без глаза! — заорал ТАРАРАМ, давясь от хохота. (А ну-ка, представьте себе облако густого сизого дыма, давящееся от хохота.)

— Когда я нашел его, — как ни в чем не бывало продолжал доктор, — в бутылке из-под газировки, одного, всеми покинутого — ни родителей, ни родни...

— Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца! — грохнул ТАРАРАМ,

хлопнув себя по тому месту, где должно быть колено, и заливаясь не тише трех сирен, ревущих разом.

— Я принес его сюда, — Дериухо И. Горло слегка поморщился, — и несмотря на всю бесформенность его образа, равно как на его форменные безобразия, дал образование...

— Рылом не вышел, да умом взял! — покатился ТАРАРАМ с хохоту.

— ...вывел в люди, и теперь он мой компаньон, собиратель и распространитель новых шумов, — закончил доктор, утирая лоб носовым платком.

— Шуму много, а толку нет! — радостно проскрипел Ляпсус, чтобы поддержать компанию.

— Вовсе и не смешно, — захныкал ТАРАРАМ и, забившись в угол, надулся.

— Что он такое, ТАРАРАМ? — спросил Мило, придя наконец в себя после столь неожиданного явления.

— Ты хочешь сказать, что никогда не встречался с Чудовищным ТАРАРАМОМ? — удивился доктор Какофонии. — Мне кажется, с ним все знакомы. Когда ты так разыграешься в своей комнате, что тебя просят вести себя потише, — это как называется?

— Чудовищный тарарам, — признался Мило.

— А когда у соседей ночью всюю орет радио и хочется, чтобы они сделали его потише, это что?

— Чудовищный тарарам, — ответил Тактик.

— А когда на вашей улице ремонтируют мостовую и сутки напролет стучат отбойные молотки, что говорят все?

— Чудовищный грохот! — вскричал Ляпсус.

— ГРОХОТ Чудовищный, — горестно зарыдал ТАРАРАМ, — это мой дедушка. Он умер во время большой эпидемии тишины тысяча семьсот двенадцатого года.

Мило стало так жалко несчастного ТАРАРАМА, что он подал ему свой носовой платок, который сразу же промок от сизых дымных слез.

— Спасибо, — простонал ТАРАРАМ, — ты ужасно добр. Одного только не могу понять, отчего вы все не любите шума. Я тут на прошлой неделе слышал такой «шарах», что два дня подряд вопил от восторга.

Это воспоминание так его расстроило, что он вновь начал всхлипывать, и пытался сдержаться, и не мог, и все это звучало так, словно о длинную доску точат здоровенные когти.

— У него нежная душа, да? — спросил Мило, пытаясь успокоить чересчур чувствительное облако дыма.

— Да, это так, — согласился Дериухо И. Горло. — Но, знаешь, он прав: шум — это самое ценное, что есть в мире.

— А король Азбукиан утверждает, что самое ценное — это слова, — заметил Мило.

— ЧУШЬ! — взревел доктор. — Что делает младенец, которого забыли покормить?

— Он орет! — отвечал ТАРАРАМ, и глаза его засветились.

— А машина, которую забыли подзаправить?

— Она чихает! — И ТАРАРАМ запрыгал на одной ножке.

— А колесо, которое забыли подмазать?

— Оно скрипит! — ревел ТАРАРАМ, хохоча до упаду.

— А что делают люди, когда их все время обижают?

— Они взрываются! — ТАРАРАМ катался по полу, и лицо его клубилось от радости.

— Видишь, как все просто, — обратился доктор к Мило (который уже ничего не видел, кроме дыма), затем, повернувшись к заплаканному и счастливому облаку, заметил: — Тебе, пожалуй, пора собираться.

— Куда? — спросил Мило. — Может быть, нам по дороге?

— Вот уж нет, — ответил ТАРАРАМ, хватая со стола охапку порожних мешков. — Вам, может, и по дороге, а мне — сразу во все стороны. Собирать шумы, думаешь, просто? Каждый день рыщу по всему свету, потому как самые восхитительно ужасные и на диво отвратительные звуки производятся где ни попадя. Как найду, схвачу — и в мешок, и несусь доктору — на лекарства. Дело у меня такое.

— И делает он его распрекрасно, — подтвердил доктор Какофонии, грохнув кулаком по столу.

— Стало быть, где какой шум — там и я, — сообщил ТАРАРАМ с гордостью. — А теперь мне пора, потому как чую добычу. Быть сегодня и скрежету зубовному, и громким скандалам, и газетной шумихе.

— А вы куда едете? — спросил доктор, замешивая новое снадобье.

— В Числовенцию.

— Эх вам не везет, — заметил ТАРАРАМ, просачиваясь в дверь, — прямо скажем, не везет — дорога вам напрямиком в Долину Созвучий.

— Там что, очень плохо? — забеспокоился Ляпсус.

ТАРАРАМ заclubился в дверном проеме, и его лицо, почти лишенное выражения, выразило кошмарный ужас, а доктор вздрогнул, что прозвучало, как грузовой поезд, врезавшийся с разгону в гору заварного крема.

— Чего тут говорить? Сами скоро узнаете! — ТАРАРАМ сочувственно

кивнул им на прощание и умчался по своим делам.

Глава 12

Долина безмолвия

И вновь они мчались по шоссе. Ляпсус ради собственного удовольствия напевал обрывки забытых песенок, Тактик сопел, принюхиваясь к ветру, а Мило размышлял:

«Очень даже симпатичное местечко — эта долина. Почему Дериухо так разволновался? Непонятно. Дорога как дорога — ничего страшного вроде не предвидится».

Такие мысли крутились у него в голове, когда они въезжали в мощные каменные ворота. А за воротами сразу все изменилось.

Поначалу невозможно было понять, что именно изменилось — все выглядело так же, и пахло тем же, но все-таки, непонятно почему, казалось другим.

— Что-то здесь не так, — проговорил Мило. Во всяком случае, именно это можно было прочесть по его губам, но изо рта не вылетело ни звука.

Тут-то он и понял, что здесь не так: Тактик больше не тикал, а Ляпсус, распевавший во всю мочь, делал это совершенно беззвучно. Их обступила полная тишина: ветер не шелестел, мотор автомобильчика не урчал и насекомые не жужжали среди цветов. Не было слышно ровным счетом ничего, как будто кто-то нажал на некую таинственную кнопку и выключил все звуки на свете.

Тут и Ляпсус, сообразивший, что приключилось, подскочил от ужаса, а Тактик принялся вертеть головой, пытаясь проверить, не кончился ли у него завод. Что и говорить, странное это было ощущение: хоть кричи, хоть шепчи, хоть стучи — все равно впустую.

«Вот ужас-то», — подумал Мило, сбавляя скорость.

Все трое разом заговорили, заверещали, залаяли, но ничего не добились, кроме того, что сами не заметили, как въехали в самую середину толпы, шествовавшей по дороге. Часть толпы что-то безголосо распевала, а некоторые несли большие плакаты, гласившие:

«ДОЛОЙ ТИШИНУ!»

«НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!»

«КОГДА ЖЕ НАС УСЛЫШАТ?»

«БОЛЬШЕ ЗВУКОВ ХОРОШИХ И РАЗНЫХ!»

А один огромный транспарант кратко провозглашал:

«ДАЙТЕ ЗВУК!!!»

Если бы не плакаты да не орудие, большая медная пушка, которая тащилась в хвосте, эти люди были бы похожи на самых обыкновенных жителей самой обыкновенной маленькой долины, в которой вы никогда не бывали.

Когда автомобильчик остановился, кто-то поднял плакат с приветствием:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДОЛИНУ СОЗВУЧИЙ!»

— а все остальные, видимо (но не слышимо), кричали громкое «УРА!».

— ВЫ НАМ ПОМОЖЕТЕ? — вопрошал другой высоко поднятый плакат.

— НУ, ПОЖАЛУЙСТА! — умолял третий.

Мило отчаянно пытался рассказать, кто он и куда едет, но ничего не выходило. А в это время поднялось еще четыре плаката:

— СЛУШАЙТЕ ГЛАЗАМИ,
— И МЫ
— ПОВЕДАЕМ ВАМ
— О НАШЕМ НЕСЧАСТЬЕ.

Двое держали большую грифельную доску, а третий быстро-быстро писал на ней историю того, как Долину Созвучий постигла немота.

«Недалеко отсюда есть место, откуда родом все ветры, где водится всяческое эхо и где стоит большой каменный замок госпожи Звукозаписи, правительницы этого края. Когда старый король Разума изгнал чудищ в далекие горы, он назначил ее блюстительницей всех звуков и шумов прошлых, настоящих и будущих.

Многие годы она правила как госпожа премудрая и всеми любимая. Каждое утро на восходе солнца она выпускала новые звукозаписи, и ветры разносили их по всему королевству, а ночью на заходе луны собирала отжившие звуки, сортировала и расставляла по полочкам в подземном звукохранилище».

Доска кончилась, писатель утер пот со лба, затем стер все написанное и начал снова сверху:

«Она легко прощала нам оговорки и снабжала нас всем необходимым для жизни: и песнями во время работы, и бульканьем горшков на огне, и стуком топоров, и шумом падающих деревьев, и скрипом колес, и уханьем филинов, и чавканьем грязи под башмаками, и шелестом дождика по крыше, и музыкой духового оркестра, и хрустом снега в трескучий мороз».

Он вновь приостановился, и горячая слеза скатилась по его щеке, оставив на губах сладостно-горький вкус воспоминанья.

«Все эти звуки после использования она снова расставляла в алфавитном порядке и бережно сохраняла для будущих поколений. И все жили спокойно, и долина наша благоденствовала как счастливая родина звуков. Но потом все стало меняться.

Сперва по одному, потом целыми толпами люди стали

переселяться к нам, но каждый новопоселенец продолжал жить на свой лад и приносил на нашу землю свои звукосочетания, порой красивые, а порой и не очень. И все были так заняты своими насущными делами, что им было не до слуха. А ведь всякий звук, который не был услышан, как известно, исчезает бесследно и навсегда.

Народ стал меньше смеяться и больше ворчать, реже петь и чаще ругаться, и звуки, производимые им, становились все громче и безобразней. Они заглушали даже пенье птиц и шорох ветра, да и никто уже не стремился их услышать».

Он снова стер написанное и снова начал писать, а Ляпсус безмолвно глотал слезы.

«Госпожа Звукозапись волновалась и огорчалась. С каждым днем количество собираемых звуков становилось все меньше, да и большую часть их не стоило ни собирать, ни хранить. Многие тогда во всем винили погоду, другие думали, что всему виной луна, но все сходилось в одном — беды начались после изгнания Мудрости и Поэзии. Как бы там ни было, никто не знал, что с этим поделаться.

Потом в долине объявился набитый снадобьями фургон доктора Какофонии, а с ним сизо-дымный ТАРАРАМ. Доктор провел полное обследование всего населения и посулил исцелить всех. Госпожа Звукозапись позволила ему попробовать.

Тогда он прописал каждому взрослому и каждому ребенку по паре ложек очень противного лекарства, и оно сработало — но совсем не так, как ожидалось. Снадобье излечило их от всего, **кроме** шума. Звукозапись пришла в ярость. Она на веки вечные изгнала доктора из долины, а затем издала следующий указ:

„С СЕГО ДНЯ И ВПРЕДЬ ДОЛИНА СОЗВУЧИЙ ОБЕЗЗВУЧИВАЕТСЯ. СИМ УКАЗОМ Я ОТМЕНЯЮ ХОЖДЕНИЕ КАКИХ БЫ ТО НИ БЫЛО ЗВУКОВ, ИБО ОНИ ОБЕСЦЕНИЛИСЬ. ПРОШУ ВСЕХ НЕМЕДЛЕННО ВЕРНУТЬ ВСЕ ОСТАТКИ И ИЗЛИШКИ В ЗАМОК“.

С тех пор так и живем, — закончил писатель печально, — и ничего изменить не можем, а каждый день приносит новые беды...»

Какой-то человечек протиснулся сквозь толпу и протянул Мило охапку писем и телеграмм. Тот выбрал первое попавшееся и прочитал:

«Дорогая госпожа Звукозапись,

на прошлой неделе у нас была гроза, а гром не гремел. Долго ли нам еще терпеть? Искренне ваш.

Доброжелатель».

Затем ему попала телеграмма:

«концерт отложен неопределенное время тчк когда нам дадут музыку тчк»

«Надеюсь, вам понятно, — начертал писатель на доске, — почему мы ждем от вас помощи? Нам необходимо взять замок и выпустить звуки на волю».

«Чем могу помочь?» — тем же способом ответил Мило.

«Нужно навестить Звукозапись и вынести из замка хотя бы один звук, пусть самый маленький, чтобы было чем зарядить пушку. Если мы ударим по стенам даже тишайшим шумом, они рухнут, и звуки освободятся. Дело это непростое, перехитрить госпожу трудно, но попробовать надо».

Мило малость подумал, затем решительно кивнул головой: я готов.

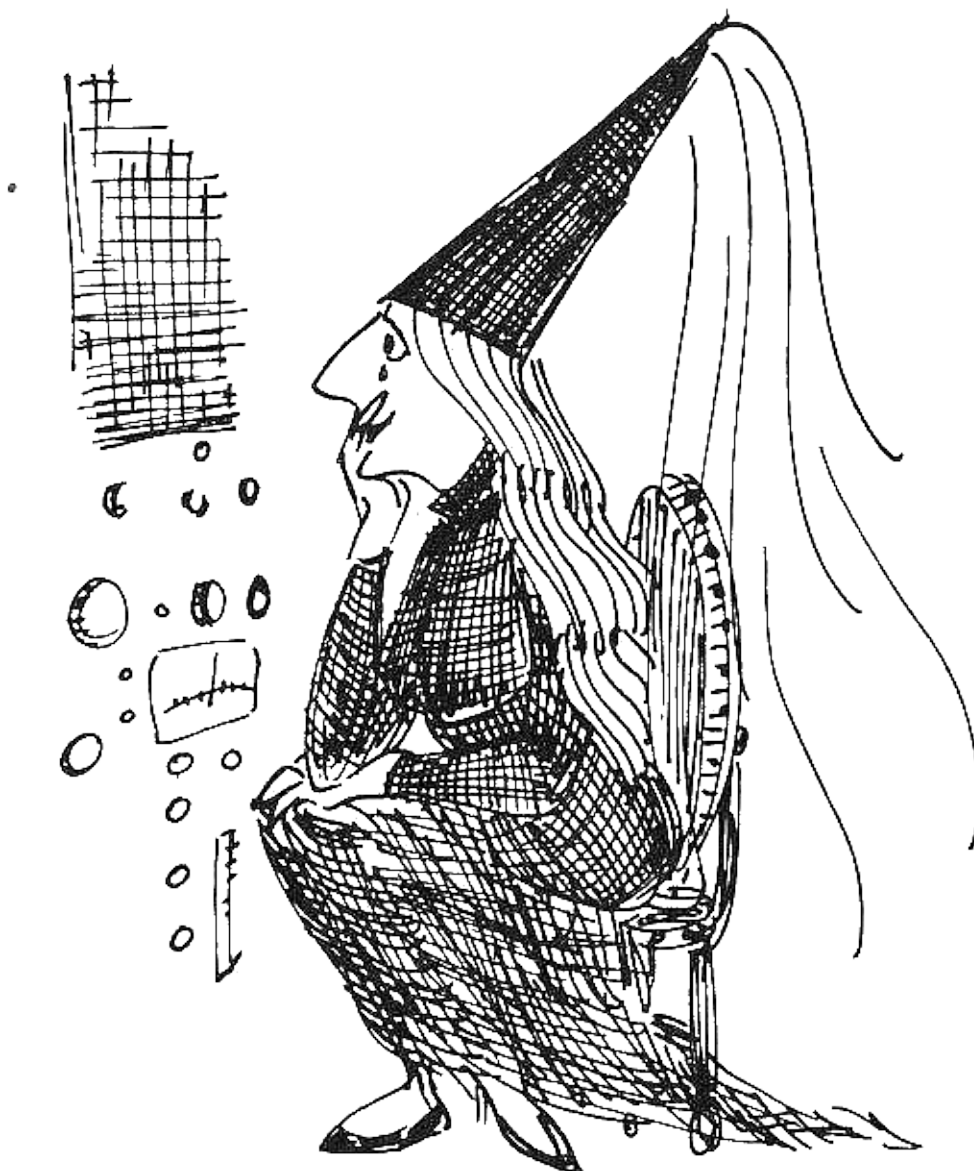
И вот уже перед ним дверь в стене замка. Недрогнувшей рукой на листочке бумаги он написал «ТУК-ТУК!» и просунул бумажку в щель. Дверь тут же распахнулась, и едва она затворилась за его спиной, как послышался мелодичный голос:

— Идите прямо. Я у себя, в приемной.

— Разве здесь получается говорить вслух? — воскликнул Мило и обрадовался, услышав собственный голос.

— Да, но только здесь, — послышался ответ. — Идите же.

Мило медленно, с оглядкой, прошел по длинному коридору и оказался в небольшой комнатке. Там, перед огромным радиоприемником — целой стеной рубильников, кнопок, рукояток и шкал, — сидела Звукозапись, внимательно вслушиваясь в молчание громкоговорителей.

— Ах, какая красота! — вздохнула она. — Пятнадцать минут молчанья — моя любимая передача, а после нее — полчаса безмолвия и затем рабочая пауза. Если бы вы только знали, сколько разных беззвучий существует на свете — не меньше, чем звуков. Грустно, что в наше время на это никто не обращает внимания. — Она помолчала немного и спросила: — Доводилось ли вам слышать удивительную предрассветную тишь? Или грозное затишье перед бурей, а потом — тишину после бури? Может быть, вам знакома томительная пауза, которая звучит, когда вы не знаете ответа на заданный вопрос? Или безмолвие ночи на проселочной дороге? Или молчание зрителей в переполненном зале перед тем, как поднимется занавес? Но самое лучшее — тот миг, когда захлопнулась дверь, и вы

наконец-то одни в целом доме! Какое разнообразие! И как они все красивы, если в них вслушаться.

Так она говорила, и тысячи колокольчиков и бубенцов, которыми она была украшена с ног до головы, тихонько вторили ей, и тут же, как будто в ответ, зазвонил телефон.

«Для любительницы тишины она что-то слишком разговорчивая», — подумал Мило.

— Когда-то я могла поймать любой звук, где бы и когда бы он ни прозвучал, — молвила Звукозапись, кивнув головой на радиоприемник. — А теперь мне просто нечего...

— Простите, пожалуйста, — прервал ее Мило, поскольку телефон продолжал тренькать, — может быть, вам надо подойти?

— Нет, нет! Только после передачи! — ответила она и сделала тишину погромче.

— Но, может быть, это важный звонок, — настаивал Мило.

— Нисколько, — заверила его госпожа Звукозапись. — Это ведь я звоню. Без любимого дела, без сбора и распространения звуков мне здесь так одиноко, что я звоню себе раз семь-восемь на дню, чтобы спросить, как я поживаю.

— И как вы поживаете? — вежливо спросил Мило.

— К сожалению, не слишком. Сплошные помехи, — посетовала она. — Однако что вас ко мне привело? Впрочем, понятно — вы приехали посмотреть на архивы звукозаписи, не так ли? К сожалению, для экскурсий наше звукохранилище открыто только раз в неделю — по понедельникам с двух до четырех. Но уж поскольку вы прибыли издалека, для вас придется сделать исключение. Следуйте за мной, пожалуйста.

Она резво вскочила и выскользнула в коридор, колокольчики откликались созвучным хором в такт каждому ее шагу.

— Они звенят, как созвучья на концах стихотворных строк, — заметила она. — Вам нравятся такие созвучья? — спросила она и воскликнула: — Я их обожаю! К тому же от них немалая польза: когда я теряюсь в коридорах моего бесконечного замка, стоит мне только прислушаться и услышать их, как я уже точно знаю, где я.

Они вошли в крошечную кабинку лифта, и не прошло минуты, как оказались внизу, в обширном подземелье, уставленном тесными рядами шкафов с выдвигаемыми ящичками и стеллажами, как в библиотеке.

— Здесь хранятся все звуки, какие только звучали с начала времен, — объяснила госпожа Звукозапись, входя в один из проходов. Мило она вела за руку. — Вот вам пример. — Она выдвинула один из ящичков и вынула

маленький коричневый конверт. — Это — та самая мелодия, которую насвистывал Джордж Вашингтон той самой студеной ночью тысяча семьсот семьдесят седьмого года, перебираясь через реку Делавэр.

Мило заглянул в конверт и убедился, что так оно и есть.

— Зачем вы все это собираете? — спросил он, когда она задвинула ящичек.

— Если не собирать, — объясняла Звукозапись, продвигаясь дальше по хранилищу, — старые звуки и шумы переполнят воздух, произойдет такая суতোлка и путаница, что отличить старый звук от нового станет невозможно — сами понимаете, к чему это может привести. Кроме того, мне нравится коллекционировать всякую всячину, и потому здесь собралось много лишнего. У меня есть и писк комара, отпищавшего миллионы лет тому назад, и то, что вам сказала матушка сегодня поутру, а если вы заглянете ко мне послезавтра, я скажу вам, что она вам скажет завтра. На самом деле ничего сложного тут нет. Давайте-ка я вам покажу. Попробуйте произнести слово любое слово.

И Мило произнес первое, что ему пришло в голову.

— Приветик! — сказал он.

— Как вы думаете, где оно сейчас находится? — улыбнулась Звукозапись.

— Не знаю, — пожал плечами Мило. — Я и не думал...

— Не вы один, — хмыкнула она, заглядывая в один из проходов. — Теперь давайте посмотрим: где тут хранятся сегодняшние поступления? Ах, вот они. Теперь найдем под литерой «П» — «Приветствия», дальше под «М» — Мило, и — вот оно, уже в конверте. Как видите, система работает автоматически. И какой позор, что ею почти никто не пользуется.

— Здорово! — воскликнул Мило. — А не могли бы вы подарить мне один, самый малюсенький звукочок на память?

— Разумеется, — горделиво выпрямилась она, но тут же, опомнившись, добавила: — Нет! И не вздумайте без спросу вынести отсюда что-нибудь — это строго запрещено правилами.

Мило приуныл. Даже заваливающий комариный писк умыкнуть невозможно, когда хозяйка одним глазком все время приглядывает за гостем.

— Теперь осмотрим наше производство! — воскликнула она, распахнув дверь, за которой оказался огромный и безлюдный цех, уставленный ветхими станками, разбитыми и поржавевшими. — Когда-то здесь мы изобретали и производили новые звуки, — задумчиво проговорила она.

— А разве их нужно было изобретать? — спросил Мило, которому все, что она говорила, было в новинку. — Я-то думал, что они всегда существовали сами по себе.

— Мало кто понимает, сколько труда вложено в них, — пожаловалась она. — А ведь в этих мастерских с утра до ночи кипела работа.

— Как же это делалось?

— Ну, дело совсем несложное, — отвечала Звукозапись. — Для начала нужно отчетливо представить себе, как звук выглядит, потому что всякий звук имеет свою особенную форму и размер. Затем лучшие, отборные звуки обрабатывались в этом цеху и трижды перемалывались в тончайший порошок, после чего по мере необходимости небольшими порциями порошок пускался по ветру — вот и все.

— Но я никогда не видел звуков, — стоял на своем Мило.

— Вы их не видели — там, — и Звукозапись обвела рукой некое неопределенное пространство, — разве только по утрам в сильный мороз, когда они замерзают. А здесь они видимы в любое время. Вот смотрите!

Она схватила колотушку с ватным набалдашником и шесть раз кряду ударила в большой турецкий барабан. Шесть больших ватных шаров — каждый по два фута в поперечнике — медленно покатались по полу.

— Только что вы их видели, — сказала она, перемолов пару шаров в огромной шаровой мельнице, — а теперь услышите. — И она подбросила в воздух горсточку невидимого порошка — раздалось: БУМ, БУМ, БУМ, БУМ. — А знаете, на что похож хлопок в ладоши?

Мило покачал головой.

— Тогда попробуйте.

Мило один-единственный разок хлопнул ладонью о ладонь, и один-единственный белый-белый листок бумаги из хлопка, покачиваясь, опустился на пол. Потом он хлопнул еще три раза, и к первому добавилось еще три хлопковых листочка. Тогда он начал рукоплескать и аплодировать так, что его хлопки легкими белыми хлопьями закружились в воздухе.

— Ну как? Ведь это совсем легко, не правда ли? То же происходит и с остальными звуками. Если вы постараетесь, то очень скоро поймете, как выглядит любой из звуков. К примеру, возьмем смех. — И она звонко рассмеялась.

Тысячи крошечных ярких меховых пушинок заплясали вокруг.

— Если же речь идет о речи, — продолжала она, — то какие-то части речи легки и воздушны, какие-то — колючи и угловаты, но, к сожалению, в основном речи — тяжеловесны и занудны.

— А музыка? — спросил Мило взволнованно.

— Мы делаем ее здесь же на ткацких станках. Симфонии — большие прекрасные ковры с узорами ритмов и мелодий. Концерты — это гобелены. Зато серенады, вальсы, увертюры и рапсодии ткуются целыми рулонами. А вот вам и песни, которые вы так любите распевать! — воскликнула она, протянув ему стопку цветных платков — тех самых, которыми утирают нос.

Она вдруг примолкла и печально вздохнула:

— Был у нас даже такой отдел, где занимались одним-единственным делом — упаковывали шум моря в морские раковины. Ах, какое это было счастье!

— Почему же вы теперь не производите все эти звуки? — вскричал Мило с таким напором, что госпожа Звукозапись отпрянула от неожиданности.

— Не надо так кричать, молодой человек! Самое сложное в нашем деле — это отрегулировать громкость. Давайте вернемся ко мне в приемную, там я все вам объясню... А вот этого попрошу не делать!

Последнее замечание касалось попыток Мило затолкать в задний карман брюк один из БУМов турецкого барабана.

Они вернулись в приемную, и пока Звукозапись, усевшись перед приемником, настраивала его точно на волну тихого часа, Мило настойчиво повторял свой вопрос, правда, не так громко.

— Держать звуки под замком мне и самой не по душе, — наконец тихо ответила она. — Звуки и созвучья порою могут сказать куда больше, чем слова, только к ним надо прислушаться.

— Но если так, — заметил Мило, который в этом ничуть не сомневался, — почему бы вам не освободить их?

— НИ ЗА ЧТО! — вскричала госпожа Звукозапись. — Зачем народу звуки? Только затем, чтобы исказить их до неузнаваемости, чтобы стали они безобразны на вид, а на слух и того хуже? Нет уж, пусть этим теперь занимается доктор Какофонии и его чудовищный Чудовищный ТАРАРАМ.

— Не всякий шум — плохой, — не отступал Мило.

— Может быть, оно и так, — упорствовала она. — Но! Либо они будут использовать звуки так, как мне нравится, либо — никак.

— Но... — уже почти начал Мило, но продолжения не последовало, поскольку, во-первых, хотел он сказать о том, что это несправедливо, а это само по себе могло не понравиться упрямой Звукозаписи, но самое главное, он вдруг понял, как можно вынести из замка один-единственный крошечный звук. В тот момент, когда «но» уже соскочило у него с языка, но

еще не вылетело изо рта, он успел схватить его зубами за хвост и сжал губы — и маленькое «но» попало в мышеловку, уже произведенное, но еще не произнесенное.

— Что ж, не смею вас больше задерживать, — проговорила недовольная госпожа Звукозапись. — Только попрошу вывернуть карманы — я хочу удостовериться, что вы ничего не украли. И — счастливого пути.

Звукозапись удостоверилась, Мило молча кивнул ей на прощание — ведь сказать «спасибо» или «до свидания» в данном случае было бы непростительной ошибкой — и со всех ног пустился к выходу.

Глава 13

Беспочвенный Домысел

Крепко стиснув зубы и перебирая ногами так, что даже мысли не могли угнаться за ними, Мило летел назад, к автомобильчику. Увидев его, толпа заволновалась; Тактик радостно бросился навстречу, а Ляпсус тем временем лично принимал поздравления со всех сторон.

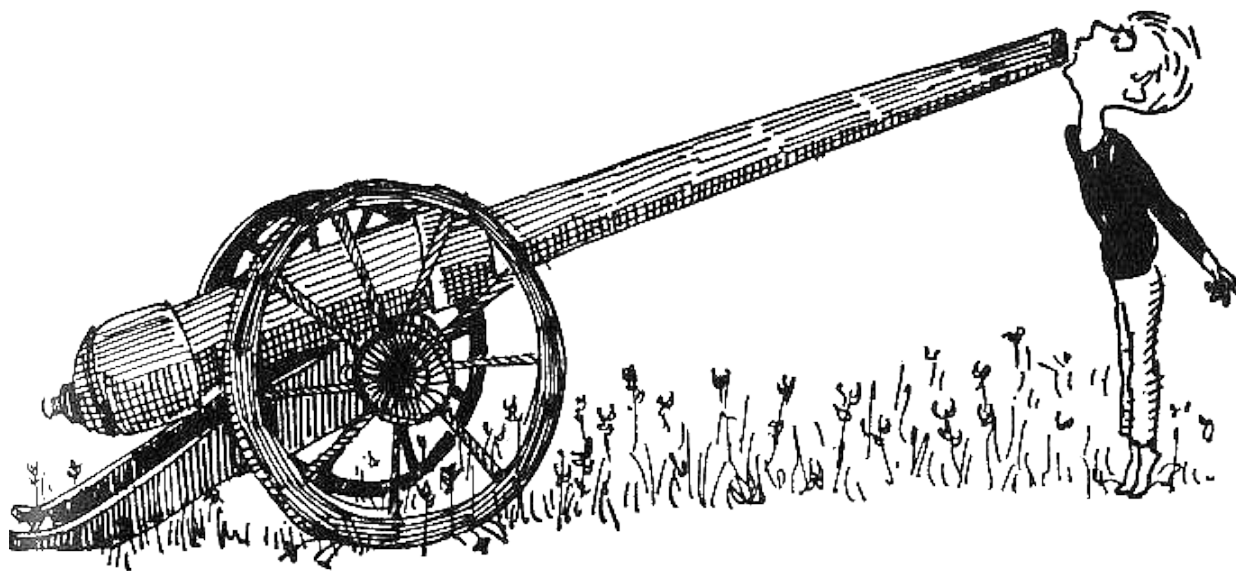
«Где звук?» — торопливо начертал на доске кто-то, и все застыли, с тревогой ожидая ответа.

Мило отдышался, взял мел и написал просто:

«Я держу его за зубами».

Одни стали бросать в воздух чепчики, другие во всю мочь кричали неслышное «ура!», а третьи занялись тяжелой артиллерией, выдвинув пушку на линию огня. Они навели ее на самый толстый участок замковой стены и натолкали в дуло пороха.

Мило привстал на цыпочки, дотянулся до жерла и разжал губы: крохотный звук плавно опустился и лег на порох — все было готово. Тут же задымился подожженный фитиль.

«Лишь бы никого не убило», — только и успел подумать Мило.

Пушка, подпрыгнув, изрыгнула огромный клуб серо-белого дыма и вместе с ним — едва слышное: «Но-о-о-о-о...» Звук этот по пологой дуге взлетел вверх, потом вниз и через несколько мгновений легонько коснулся

стены, чуть правее входной двери. Еще несколько мгновений стояла зловещая тишина, такая тишина, какой и прежде не было, такая, будто сам воздух затаил дыхание.

А потом вдруг — рев, грохот, крушение! Замок раскололся, развалился по камушку, рухнул наземь, а из подземного хранилища вырвались все звуки мира и полетели по ветру.

Всякий звук, когда-либо родившийся, произнесенный или произведенный — от начала истории, где их почти не было, и до времен, когда их стало слишком много, — ринулся из развалин вдаль, и это было подобно тому, как если бы каждый житель земли засмеялся, засвистел, закричал, запел, зашептал, забормотал, заплакал, зачихал и закашлял, и все это одновременно. Летели обрывки старых речей, неизвестно о чем, и ответов перед классной доской, обломки грома древних сражений, лоскуты плача младенцев, осколки автомобильных гудков, клочки гула водопадов, воплей болельщиков, топота копыт и много-много чего еще.

Некоторое время царил всеобъемлющий и оглушительный хаос, а потом старые звуки как мгновенно появились, так и пропали за холмами, устремившись на поиски новой свободы, и все стало на свое место.

Люди тут же стали трепать языками, а дым и пыль развеялись. Только тогда Мило, Тактик и Ляпсус заметили госпожу Звукозапись — она понуро сидела на гряде щебня, — и все трое подошли к ней, чтобы как-то утешить.

— Простите нас, — сказал Мило.

— Но мы были вынуждены это сделать, — добавил Тактик, принюхиваясь к руинам.

— С позволения сказать: ломать — не строить! — по своему обыкновению, ляпнул Ляпсус.

Звукозапись огляделась вокруг, и на ее и без того печальном лице отразилось отчаяние.

— Потребуется годы и годы работы, чтобы снова собрать эти звуки, — зарыдала она, — а еще больше времени на то, чтобы расставить их по местам. Но это я сама виновата. Ведь обеззвучив мир, сами звуки этим не исправишь. А на самом деле задача в том и состоит, чтобы всякому звуку найти свое дело, место и время.

Между тем за холмами послышались до боли знакомые тяжелые шаги — скрип-скрип, хрум-хрум, — и наконец появился сам Чудовищный ТАРАРАМ, волоча за собой преогромный мешок.

— Эй, — сказал он, отдуваясь и утирая пот со лба, — тут полный мешок всякой дряни — может, вам сгодятся? Они как рванут по-над холмами всем скопом! Да только на что они мне — нет среди них ни

единого мало-мальски чудовищного.

Звукозапись заглянула в мешок — в нем были все звуки, сбежавшие из хранилищ.

— Как это мило с вашей стороны, что вы вернули их! — радостно восклицала она. — Надеюсь, когда замок будет отстроен, вы с доктором устроите в нем концерт, к примеру, камерной музыки.

Подобная перспектива показалась ТАРАРАМУ столь чудовищной, что он немедленно отклонялся и в панике убрался восвояси.

— Надеюсь я его не обидела, — забеспокоилась Звукозапись.

— Он поклонник противной музыки, — заметил Тактик.

— Ах да, — вздохнула она, — я все время забываю, что многие поклоняются ей. Но наверное, и такая нужна, потому что не будь противного, не было бы и приятного. И как узнаешь, насколько звук приятен, если не знаешь, насколько он не противен. — Она помолчала, а потом закончила, вздохнув: — Вот если бы Поэзия и Мудрость вернулись, я уверена, все сразу бы наладилось.

— А мы на что? — вскинулся Мило. — Мы их вызволим!

— Да, конечно! — воскликнула она. — Но дорога туда долгая и трудная, и вам нужно будет чем-то подкрепиться. — Она подала Мило маленький коричневый сверток, перевязанный веревочкой. — Только помни: их надо не принимать, а воспринимать, потому что порою послушать хочется не меньше, чем покушать. Здесь — звуки ночного города и гудок далекого поезда, потрескивание костра, звуки сутолоки большого магазина и хруст поджаренных хлебцев, скрип дивана и, разумеется, всякого рода смехи. Здесь — всего понемножку, и думаю, там, в пустоте, в безлюдье, это вам будет кстати.

— Спасибо, — поклонился Мило.

— Поезжайте этой дорогой прямо к морю, потом налево, а там рукой подать до Числовенции...

Звукозапись еще что-то говорила, но они уже не слышали — они мчались прочь из долины, не забыв, правда, попрощаться перед отбытием.

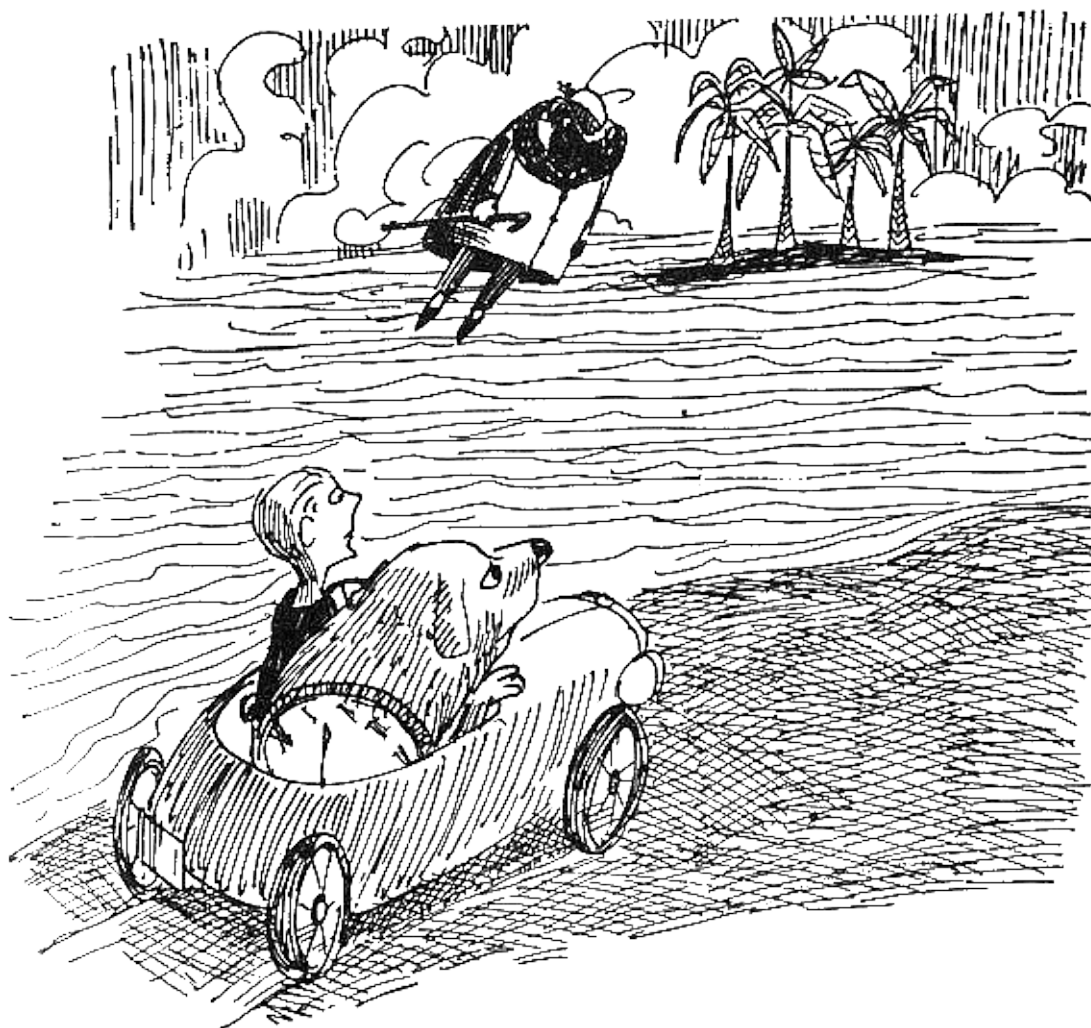
* * *

Вот и море — тихонько набегают волны на ровный и плоский песчаный берег. А вдалеке — прекрасный остров: пальмы и цветы сбегают к искрящейся воде.

— Ну, теперь-то у нас все пойдет как по маслу! — радостно

воскликнул Ляпсус.

И едва он произнес эти слова, как вдруг подскочил, будто в него воткнули булавку, вылетел из автомобильчика и отправился неведомо куда.

— Да и времени у нас полным-полно, — ответил Тактик, не заметив, что жучилы на заднем сиденье как не бывало, и тут же сам взмыл в воздух и исчез.

— И денек будет — что надо, — согласился Мило, слишком занятый дорогой, чтобы заметить их исчезновение. И тут же исчез сам.

Он приземлился рядом с Тактиком и перепутанным Ляпсусом на крошечном островке, который оказался совсем не таким, каким казался с дороги. Вместо пальм и цветов — только камни да пни давным-давно сгнивших деревьев.

— Простите, пожалуйста, — обратился Мило к первому встречному, — не могли бы вы сказать, где я?

— Простите, пожалуйста, — ответил первый встречный, — не могли

бы вы сказать, кто я?

На первом встречном был ворсистый твидовый пиджак, дамские панталоны и толстые шерстяные носки, а на голове — кепка о двух козырьках, спереди и сзади, и он явно был не в своей тарелке.

— Вам лучше знать, кто вы, — рассердился Мило.

— Вам лучше знать, где вы, — точно так же рассердился первый встречный.

— Ну и ну, — шепнул Мило на ухо Тактику, — с ним, похоже, не договоришься. Придется ему помочь.

Некоторое время троица совещалась, и наконец жучило поднял голову и спросил:

— А не могли бы вы сказать, кем бы вы могли быть?

— Вот это я с удовольствием! — обрадовался тот. — Я мог бы стать длинным-предлинным, — и он вытянулся так, что остались видны лишь башмаки и шерстяные носки, — если бы не был таким маленьким. — Тут он стал размером с камушек.

— Я мог бы стать щедрым-прещедрым, — и он вручил каждому по большому румяному яблоку, — если бы не был таким жадным, — прорычал он и отобрал яблоки.

— Я мог бы стать сильным-пресильным, — он взревел, подняв над головой огромный валун, — если бы не был таким слабеньким, — и он покачнулся под тяжестью собственной кепки.

— Я мог бы стать умным-преумным, — проговорил он сразу на двенадцати языках, — если бы не был таким дураком, — и он попытался засунуть обе ноги в один башмак.

— Я мог бы стать ловким-преловким, — и он закружился, стоя на кончиках пальцев, — если бы не был таким неуклюжим, — и он заехал большим пальцем себе в глаз.

— Я мог бы стать быстрым-пребыстрым, — и он в мгновение ока дважды обежал вокруг острова, — если б не был таким медлительным, — и он помахал рукой на прощанье обогнавшей его улитке.

— Если бы все было так, я бы вам помог, если бы смог, — закончил он. Они опять долго шептались, держа совет.

— Нет ничего проще, — наконец объявил Ляпсус, крутя трость в пальцах.

— Если все так и есть, как было сказано, — добавил Тактик.

— В таком случае, — закончил Мило, — вы не кто иной, как Еслиб!

— Ну, конечно же, конечно! — вскричал первый встречный. — Как же я сам не догадался? Только вот беда, я мог бы стать самым счастливым человеком на свете, — он плюхнулся наземь и схватился за голову, — если бы не был таким несчастным.

— Ну, теперь-то вы ответите, куда мы попали? — спросил Тактик, оглядывая неприютный островок.

— Разумеется, — ответил Еслиб. — Это остров Домысел. Располагайтесь как дома. Вам тут придется прогостить довольно долго.

— А как мы сюда попали? — спросил Мило, еще не совсем

догадавшись.

— Вы перескочили, — объяснил Еслиб. — Точно так же, как и все остальные. Ведь самый короткий путь сюда — замыслить что-то, но не домыслить. Перескочил **до мысли**, и вот тебе пожалуйста — Домысел. Попасть сюда очень легко — сам-то я побывал здесь не одну сотню раз.

— Не слишком приятное местечко, — заметил Мило.

— Это правда, — согласился Еслиб. — Со стороны да издалека Домысел выглядит куда привлекательней.

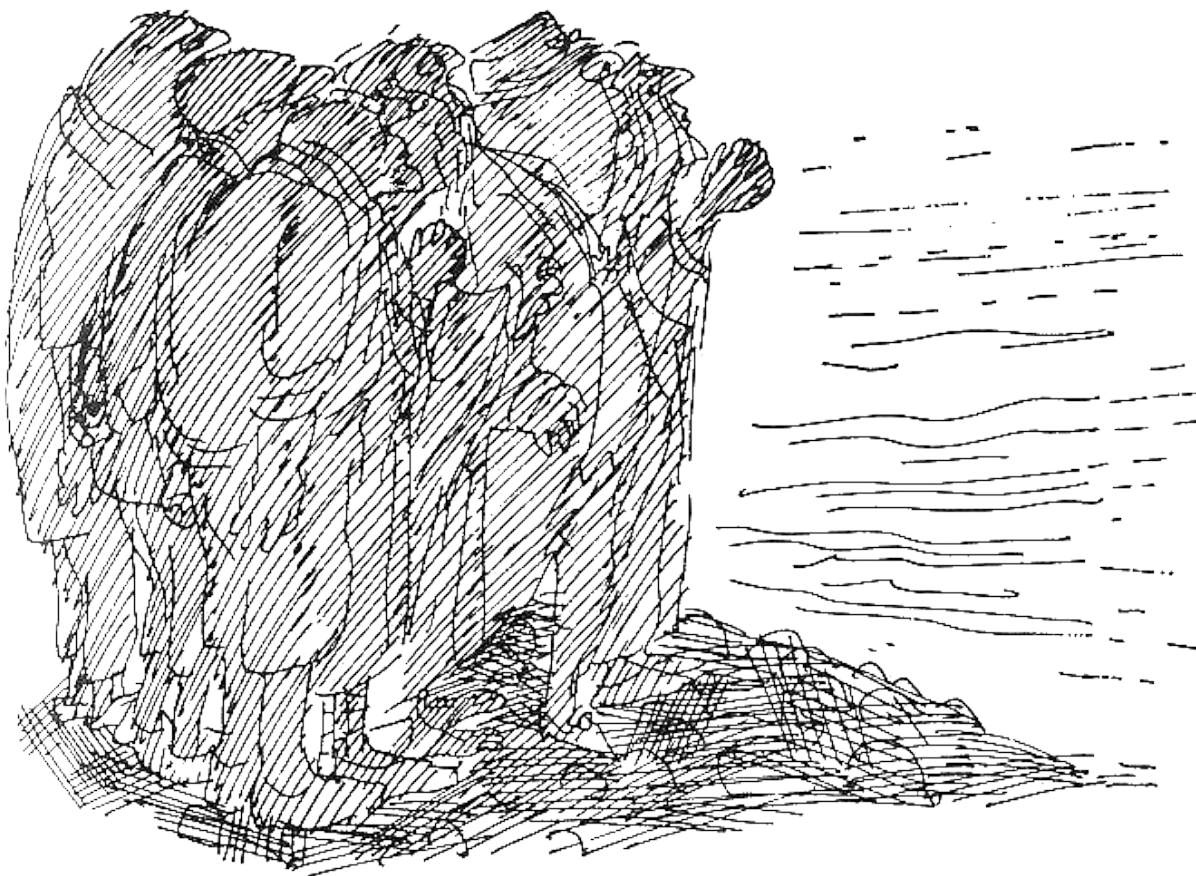
Пока они разговаривали, на островок с разных сторон перескочило еще восемь или девять человек.

— В таком случае, — поспешно заявил Ляпус, — с вашего позволения, я собираюсь перескочить отсюда обратно.

Он пару раз присел, разминая ноги, затем разбежался и сиганул. Пролетел он шага два и плюхнулся на кучу камней.

— Этак у вас ничего не выйдет, — ворчал Еслиб, помогая ему подняться. — Это ведь не что-нибудь, а Домысел — он так просто не отпустит. Иначе тут бы не было такого перенаселения.

И правда, вдоль кромки воды, насколько хватало глаз, на прибрежных камнях теснились толпы людей, с тоской глядящих в морскую даль.

— Тут что, и перевоза нет — ни лодки, ни парома? — спросил Мило, которому не терпелось двинуться дальше.

— Нет, нету, — покачал головой Еслиб. — Единственная возможность вернуться — это самому пуститься вплавь по морю. Путь долгий и очень трудный.

— Я же весь промокну! Не люблю промокать! — Жучило всхлипнул и затрепетал от одной только мысли об этом.

— Они тоже не любят, — грустно ответил Еслиб. — Потому-то и застряли здесь. Но если говорить лично о вас, я бы на вашем месте не слишком бы волновался: даже если вам придется целый день пробарахтаться в Море Знаний, все равно вы выйдете из него сухим. Да и для большинства публики это — как с гуся вода. Однако, прошу прощения, мне пора. Нужно встретить новоприбывших. Ведь я, как вы уже знаете, мог бы стать ужасно приветливым, если б...

Мило и Тактик, не слушая воплей Ляпсуса, который ни за что и никуда не хотел плыть, потащили его за собою в воду.

А Еслиб поспешил прочь, чтобы ответить на множество вопросов, и последнее, что им удалось расслышать, были его слова:

— Прошу прощения, не могли бы вы мне сказать, кто я?

Они плыли, плыли, плыли, час за часом — так им казалось, — и только постоянная поддержка Тактика помогала Мило удержаться на поверхности ледяной воды. Наконец, совершенно измотанные и насквозь промокшие (разумеется, кроме жучилы), они достигли берега.

— Вообще-то, с вашего позволения, там было неплохо, — молвил Ляпсус, поправляя галстук и отряхиваясь. — Надо бы заглянуть туда еще разок.

— Ты там побываешь еще не раз, будь уверен, — с трудом выговорил Мило. — А вот я теперь буду домысливать все до конца, прежде чем делать выводы. Иначе слишком много времени потратишь на Домысел.

Автомобильчик стоял на том самом месте, где они его покинули, и вот они снова в пути. На теплом солнышке и легком ветерке все скоро обсохли. Дорога свернула прочь от моря, и начался долгий подъем в горы.

— Надеюсь, до Числовенции ехать недалеко, — проговорил Мило, думая о том, что сегодня они еще не завтракали. — Интересно только, насколько недалеко?

Глава 14

Додекаэдр-проводжатый

Впереди дорога разветвлялась на три, и дорожный указатель у развилки, как будто в ответ на вопрос Мило, указывал на все три стороны и гласил:

ЧИСЛОВЕНЦИЯ

5 миль

8 800 футов

26 400 ярдов

316 800 дюймов

633 600 полудюймов

И ТАК ДАЛЕЕ

— Давайте считать милями, — предложил Ляпсус, — так будет короче.

— Давайте считать полудюймами, — предложил Мило, — так будет быстрее.

— Только вот какую из трех дорог считать правильной, — сказал Тактик, — это вопрос.

Спор продолжался, когда из-за указателя выскочила странная фигура и направилась к автомобильчику, все время повторяя:

— Да, точно, абсолютно точно, правильно, конечно, да, это меняет дело, верно...

Фигура эта была построена (иначе и не скажешь) из великого множества линий и углов, образующих одну многогранную форму — нечто вроде куба, которому усекли вершины, а потом еще раз усекли те вершины, которые образовались в результате предыдущего усечения. Каждое ребро было аккуратно помечено своей маленькой буквой, а каждый угол — большой. На макушке сидел симпатичный беретик, а под ним располагалась одна из граней с очень серьезным лицом. Впрочем, лучше вам взглянуть на рисунок — тогда поймете, что я имею в виду.

Приблизившись, фигура сдернула берет и произнесла четко, громко, с расстановкой:

— Мы — многоугольник,
Мы — многогранник,
Мы — Додекаэдр.
А вы кто, странник?

— Что значит «Додекаэдр»? — спросил Мило, с трудом выговорив незнакомое слово.

— Объясняю. — И незнакомец стал медленно поворачиваться. — Додекаэдр — это правильный многогранник, у которого налицо двенадцать граней.

И действительно, одна за другой показались остальные одиннадцать плоскостей, и каждая — на свое лицо.

— Я пользуюсь ими по очереди, — сообщил Додекаэдр, обратив к ним лицо поулыбчивее. — Так они меньше стираются. А как вас зовут?

— Мило, — представился Мило.

— Какое иррациональное имя, — удивился тот, сменив улыбчивое лицо на удивленное. — И при этом имя на единственное лицо. Придется мне обращаться к вам в единственном числе.

— А что плохого в моем лице? — спросил Мило, на всякий случай пощупав, все ли у него на месте.

— Слишком быстро сотрется от частого употребления, — отвечал тот. — Ты посмотри на меня — у меня одно веселое, другое грустное, третье безразличное, четвертое сердитое, пятое умное, шестое обиженное, и еще шесть лиц в запасе. А в твоих краях, значит, все односторонние личности носят имя Мило?

— Да нет, кого-то зовут Генри, кого-то — Роберт или Джордж, или Джон, или еще как-нибудь.

— Какая путаница, — вскричала фигура. — У нас все носят имена, которым полностью соответствуют: треугольники именуются Треугольниками, круги — Кругами, и даже каждое число поименовано. Нет, ты представляешь, что будет в ответе, если, скажем, назвать одну двойку Генри, другую — Джорджем, третью — Робертом или Джоном или еще как-нибудь? Предположим, что Роберт плюс Джон получается четыре, но если четверку звать Альбертом, то что же тогда будет в ответе?

— Я как-то никогда не считал это важным, — признался Мило.

— Тогда немедленно посчитай! — заметил Додекаэдр, обратив к нему строгую грань своей многогранной личности. — У нас в Числовенции все рассчитывается, и очень строго.

— В таком случае не поможете ли вы нам рассчитать, какая из трех дорог лучше? — попросил Мило.

— Всенепременно! — радостно воскликнул Додекаэдр. — Нет ничего проще! Если автомобиль с тремя пассажирами, выехав в одиннадцать тридцать пять утра со скоростью тридцать миль в час преодолет путь в пять миль за десять минут, в то время как другой автомобиль с тремя пассажирами, едущий со скоростью двадцать миль в час, за пятнадцать минут преодолет расстояние, вдвое большее половины нуги первого, а собака, жук и мальчик за то же время преодолеют такой же путь, или же такой же путь они преодолеют за то же время в половине десятого месяца, отправившись по третьей дороге, — какой из путей окажется короче и по какому им лучше отправиться?

— По семнадцатому пути! — вскричал Ляпус, что-то яростно вычислявший на клочке бумаги.

— Не знаю... по-моему... — замялся Мило, путаясь в расчетах.

— Тебе придется решить задачи посложнее этой, — проворчал

Додекаэдр, — иначе ты никогда не узнаешь, много ли тебе осталось и достигнешь ли ты когда-нибудь чего-нибудь.

— С задачками у меня плохо, — признал Мило.

— Печально слышать, — вздохнул Додекаэдр. — Это весьма полезная вещь в хозяйстве. Как и примеры. К примеру, возьмем бобра длиною в два фута плюс полтора фута хвоста: если он может построить плотину двенадцати футов высотой при ширине в шесть футов за два дня, то можно узнать, за сколько дней сможет запрудить реку Колорадо бобер длиною в шестьдесят восемь фунтов плюс пятьдесят один фут хвоста.

— Где вы, позвольте узнать, возьмете такого большого бобра? — проворчал Ляпсус, скрипя карандашом.

— Для решения задачи это несущественно, — отвечал тот. — Но если допустить, что такой бобер вам попадется, вы уже будете знать, на что он годится.

— Это нелепица какая-то, — возразил Мило, у которого голова крутом шла от всех этих задач и чисел.

— Очень может быть, что и нелепица, — согласился Додекаэдр. — Но какая разница, умный вопрос или нет, если на него дан правильный ответ? В данном случае, если вам не нравится бобер, стройте плотину сами.

— Все три дороги займут одно и то же время, — прервал их Тактик, который тем временем терпеливо решал первую задачку.

— Ответ сходится! — воскликнул Додекаэдр. — И я сам провожу вас. Однако, надеюсь, мне удалось доказать вам, что задачки — очень важная вещь. Если бы вы рассчитали неправильно, то, весьма возможно, оказались бы на ложном пути.

— Где же я допустил ошибку? — бормотал Ляпсус, лихорадочно перепроверяя свои вычисления.

— Но если пути ведут в одно и то же место, разве один из них может быть ложным? — спросил Мило.

— Разумеется, нет! — вскричал многогранник. — Потому что они все — ложные. Ведь бывает, что ответов много, а ни один не сходится.

Додекаэдр подошел к указателю и трижды покрутил его. Тут же три дороги исчезли, а на их месте появилась одна, на которую теперь и указывала стрелка с надписью.

— Неужели в Числовенции любая дорога — длиною в пять миль? — спросил Мило.

— Боюсь, что так, — отвечал многогранник, пристраиваясь сзади на багажнике автомобильчика. — Потому что этот указатель у нас — единственный.

Дорога оказалась ухабистой и каменной. На каждой ухабине Додекаэдра подбрасывало и прикладывало всякий раз другим лицом: то грустным, то веселым, то сердитым, то безразличным — каким подвернется.

— Вот и добрались, — радостно объявил он после очередного взлета. — Добро пожаловать во владения чисел.

— Не слишком, с позволения сказать, привлекательное место, — заметил Ляпус, и это была правда. Чем выше в горы они поднимались, тем меньше вокруг оставалось травы и деревьев. Одни голые камни.

— Значит, именно здесь выдумывают числа? — спросил Мило.

Автомобильчик снова подбросило, на этот раз Додекаэдр, не удержавшись, кувырком да кубарем покотился вниз по склону, пока не уткнулся грустной своей физиономией в какую-то дыру.

— Вопрос в корне неправильный, — отвечал он как ни в чем не бывало. — Числа не выдумывают, их извлекают. Что ты знаешь о них?

— А зачем мне знать — проку все равно никакого, — заупрямился Мило, которому вовсе не хотелось признаваться в собственном невежестве.

— НИКАКОГО ПРОКУ? — вскричал Додекаэдр, повернувшись к миру лицом, красным от ярости. — Да откуда бы взялся завтрак на двоих — не будь двойки? Или тридцать три богатыря — не будь тройки? Или четыре стороны света — не будь четверки? Или семь чудес света без той же семерки!

— Да нет, я хотел сказать... — начал было Мило, но разъяренный Додекаэдр, ничего не слыша, продолжал бушевать:

— Если ты птица высокого полета, как ты можешь узнать, насколько высоко залетел? Если попал в полосу неудач, как узнаешь, какой она ширины? Если отправился странствовать по необъятному миру, как узнаешь, насколько он необъятен? А если мир тесен, — закончил он, схватившись за голову, — опять-таки как узнаешь, насколько именно? Вот почему число — самое прекрасное и самое ценное, что есть в мире. Идите все сюда, и я вам это докажу! — крикнул Додекаэдр и вкатился в дыру, которая оказалась входом в пещеру. — Давайте, давайте, — звал он из темного зева. — Не целый же день мне вас ждать!

И все последовали за ним в глубь горы.

Пока глаза не привыкли к полумраку, вокруг ничего не было видно, а только слышно — что-то шуршало, скреблось, стучалось, погромыхивало.

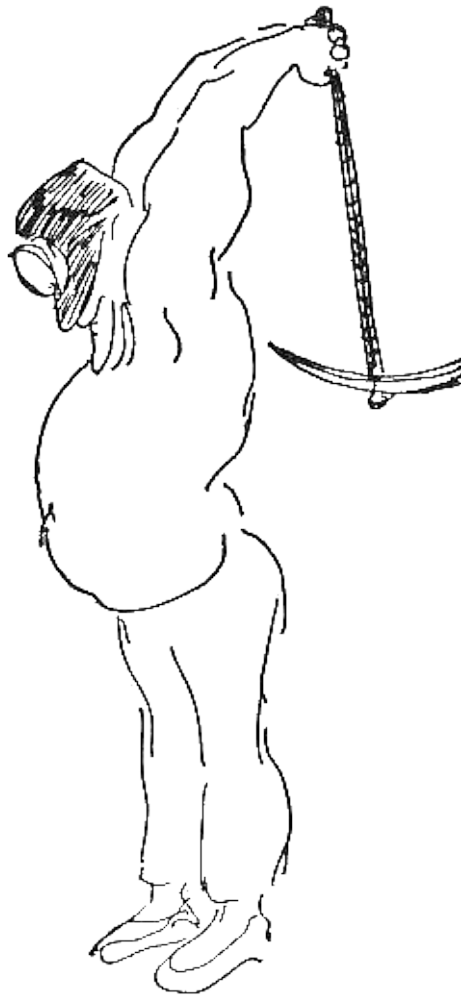
— Наденьте, — приказал многогранник, вручив каждому шлем с фонариком надо лбом.

— Куда мы идем? — шепотом спросил Мило, потому что ему

показалось, что в таком месте лучше разговаривать шепотом.

— Мы уже пришли. — Додекаэдр-проводжатый широко повел рукой: — Это копи — здесь мы копаем и копим цифры.

Мило чуть повернул голову и только тут разглядел обширную пещеру, едва освещенную бледным страшноватым мерцаньем сталактитов, угрожающе свисающих со сводов. Стены пещеры сверху донизу были испещрены ходами и галереями, и повсюду Мило различил множество взрослых людей, ростом не больше него, которые что-то выкапывали, выковыривали, очищали, вытаскивали и грузили на вагонетки, доверху заполненные камнями.

— Вперед, — скомандовал Додекаэдр, — и хорошенько смотрите под ноги!

Его голос отразился от стен, отозвался от потолка и пошел гулять эхом по всей пещере, сливаясь с шумом и гулом работ. Тактик двинулся рядом с Мило, Ляпсус, осторожно ступая, следовал сзади.

— Чьи это копи? — спросил Мило, когда они миновали две груженных вагонетки из длинной вереницы таких же.

— КЛЯНУСЬ ЧЕТЫРЬМЯ МИЛЛИОНАМИ ВОСЕМЬЮСТАМИ ДВАДЦАТЬЮ СЕМЬЮ ТЫСЯЧАМИ ШЕСТЬЮСТАМИ ПЯТЬЮДЕСЯТЬЮ ДЕВЯТЬЮ ВОЛОСЬЯМИ НА МОЕЙ ГОЛОВЕ — МОИ, РАЗУМЕЕТСЯ! — прогремел голос на всю пещеру.

И пред ними предстала фигура, которая не могла быть никем иным, как только самим королем Матемагиком.

Его длинные ниспадающие одежды сплошь были затканы сложными математическими уравнениями, а высокая остроконечная шапка придавала его облику еще больше премудрости. В левой руке он держал длиннющий посох с ластиком вместо набалдашника.

— Какое прекрасное, с позволения сказать, подземелье, — смущенно пролепетал Ляпус, всегда опасавшийся громких звуков.

— Эти копи из числа крупнейших в моем королевстве, — гордо проговорил Матемагик.

— А драгоценные камни тут есть? — с замиранием сердца спросил Мило.

— ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ? — пуце прежнего заревел король, после чего склонился к Мило и тихонько прошептал: — Клянусь восемью миллионами двумястами сорока семью тысячами тремястами двенадцатью

нитьями моей одежды — разумеется, есть. Гляди-ка сюда.

Он подошел к одной из вагонеток, выудил из нее какую-то крошечную штучку, тщательно отер ее о рукав, а затем поднял к свету — штучка ярко заиграла.

— Но ведь это же пятерка, — не поверил своим глазам Мило.

— Разумеется, — кивнул Матемагик. — Не меньшая драгоценность, чем все остальные. Посмотри-ка на них.

Он выудил целую пригоршню камушков и ссыпал в ладони Мило. Там были все цифры от единицы до девяти, не считая множества нолей.

— Мы откалываем их, извлекаем из породы и полируем прямо здесь, — заметил Додекаэдр, указав на группу работников, склонившихся над полировальными кругами, — а затем рассылаем по всему миру. Изумительно, не правда ли?

— Просто слов нет, — твякнул Тактик, и сам большой мастер откалывать номера с цифрами.

— Так вот откуда они, — проговорил Мило, с испугом глядя на искрящуюся россыпь цифр.

Он осторожно протянул их Додекаэдру, стараясь не выронить, и все же одна цифирка выскользнула из его рук, стукнулась о каменный пол и раскололась на две половинки. Ляпсус вздрогнул, а Мило ужасно огорчился.

— Ничего страшного, — успокоил его Математик. — Кусочки цифр мы используем для дробей.

— А как у вас насчет алмазов, изумрудов и, с позволения сказать, рубинов? — недовольно буркнул жучило, разочарованный увиденным.

— Ах вот вы о чем, — молвил король. — Этого добра мы не считаем, — и повел их в глубь пещеры.

Там почти до самого потолка высились груды не только алмазов, изумрудов и рубинов, но еще и сапфиров, аметистов, топазов, лунного

камня и граната. Это были такие горы сокровищ, каких никто никогда не видел.

— Одна беда, — вздохнул Матемагик, — никак не можем придумать, что со всем этим делать. Мы их выбрасываем, выбрасываем, а их все не убывает. — С этими словами он поднес к губам серебряный свисток и дунул в него изо всей мочи: — Время обедать!

И впервые за всю свою жизнь жучило Ляпсус так удивился, что не нашелся что сказать.

Глава 15

Дорога в бесконечность

Тут же восьмеро самых крепких цифродобытчиков внесли в пещеру огромный кипящий и булькающий котел, от которого к потолку медленными спиралями подымались густые струи пара. Аппетитные запахи витали в воздухе и, легко перепархивая, дразнили то один нос, то другой, а в ответ текли слюнки и в животах урчало. Мило, Тактик и Ляпсус с нетерпением ждали, пока горняки, отложив инструменты, не соберутся все у котла, чтобы подкрепиться.

— Думаю, вы не откажетесь, — сказал Математик, подавая гостям каждому по полной миске.

— Не откажемся, государь, — сказал Мило, у которого все животики подвело.

— Вот спасибо так спасибо, — добавил Тактик.

Ляпсус же ничего не сказал, потому что с набитым ртом разговаривать неприлично, и в мгновение ока все трое съели все подчистую.

— Не хотите ли прибавить к первому второе? — спросил Матемагик и вновь наполнил их миски, которые тут же были опустошены с не меньшей скоростью.

— Где второе, там и третье, — продолжал король, вновь и вновь наполняя миски, —

и четвертое...

и пятое...

и шестое...

и седьмое.

«Чудно! — думал Мило, вылизывая седьмую миску. — Чем больше я ем, тем больше хочется».

— Лучше восемь раз по разу, — продолжал Матемагик, — чем ни разу восемь раз. — И они продолжили есть, есть, есть.

Мило съел девять порций, Тактик — одиннадцать, а Ляпсус в один присест целых двадцать три — только после этого Матемагик снова дунул в свисток, котел унесли, и цифродобытчики вернулись к работе.

— У-ф-ф-ф, — пропыхтел Ляпсус, вдруг ощутив, что проголодался в двадцать три раза больше прежнего, — я, с позволения сказать, не насытился.

— Я тоже, — пожаловался Мило, у которого после еды в животе стало пусто, как никогда. — А съел, кажется, ужас сколько!

— О да, — воскликнул довольный Додекаэдр, утирая свои рты, — восхитительная стряпня! Фирменное блюдо нашего королевства — числятина под минус-соусом!

— Только вот беда, есть охота пуще прежнего, — с трудом вымолвил Тактик, в изнеможении прислонившись к большому камню.

— Разумеется, — отвечал Матемагик, — а как же иначе? Чем больше ешь, тем больше хочется — это всем известно.

— Да? — протянул Мило. — Ведь так никогда не наешься?

— Что значит не наешься? — нахмурился король. — Мы в Числовенции идем от противного: едим, когда сыты, до тех пор, пока не проголодаемся. Ибо не иметь ничего — значит иметь все. Весьма экономичная система. А у вас, видно, животы были набиты, коль вы столько смогли поглотить!

— Весьма логично, — подтвердил Додекаэдр. — Ведь чем больше хочется, тем меньше получается, а чем меньше получается, тем больше имеется. Это — простейшая арифметика. Предположим, к тому, что есть, ты что-то прибавил. Значит, этого у тебя стало — что?

— Больше, — мгновенно сообразил Мило.

— Ответ правильный, — кивнул тот. — Теперь предположим, к тому, что есть, ты ничего не прибавил. Значит?..

— Значит, сколько было, столько и осталось, — уже не так уверенно ответил Мило.

— Великолепно! А теперь предположим, что к тому, что есть, ты прибавил меньше, чем ничего. Это значит...

— Это значит — НЕ-ДО-ЕСТЬ! — горестно возопил Ляпсус, вдруг сообразив, чего именно двадцать три миски он съел.

— Что не так уж и плохо, — проговорил Додекаэдр устами самого сочувственного из всех своих лиц. — Через пару часов вы снова насытитесь, как раз к ужину.

— Видите ли, — тихо и грустно заметил Мило, — мы едим тогда, когда хотим есть.

— Какой оригинальный подход, — молвил Математик и, подняв посох над головой, потер ластиком пещерный свод. — Скажи еще, будто спать вы ложитесь, когда хотите спать? Так я и поверил! — Он еще не закончил этой фразы, как пещера, цифродобытчики и Додекаэдр вдруг исчезли, а гости вместе с хозяином оказались в королевском кабинете. — Прекрасный способ передвижения, — небрежно объяснил он ошеломленным

путешественникам. — Хочешь изменить свои координаты — все сотри и начни с нуля. Будьте как дома.

— Вы всегда так перемещаетесь? — спросил Мило, с любопытством оглядывая странную круглую комнату с шестнадцатью бойницами, точно соответствующими шестнадцати румбам компаса: но окружности комнаты — числа от нуля до трехсот шестидесяти, по числу градусов; на полу, на стенах, на полках и шкафах, на столах и стульях, на скамьях и даже на потолке — на всех предметах — таблички с обозначением высоты, ширины, глубины каждого и расстояния между ними; на треноге посреди кабинета — большущая грифельная доска со множеством висящих на гвоздиках линеек, циркулей, мерных стаканов, весов, рулеток и прочих приборов для измерения всего чего угодно любым возможным способом.

— Разумеется, не всегда, — ответил Матемагик и, прочертив острием посоха тонкую прямую в воздухе, легко перенесся по ней из одного конца комнаты в другой. — Чаще всего я выбираю кратчайшее расстояние между двумя точками. А ежели дела требуют моего присутствия сразу в нескольких местах, — и он написал на доске: $7 \times 1 = 7$, — я попросту умножаюсь.

Тут же семеро Матемагиков стали в ряд, и все они походили друг на друга как две капли воды.

— Как это у вас получается? — поразился Мило.

— Очень просто, — отвечали все семеро в один голос. — У нас есть волшебный посох. — Сказав это, шестеро Матемагиков вычеркнули себя и исчезли.

— Да разве это посох, — возразил Ляпсус, помахивая своей тростью, — это у вас, с позволения сказать, карандаш какой-то.

— Совершенно верно, — согласился Матемагик. — Но коль скоро вы научитесь им пользоваться, вашим возможностям не будет предела.

— А вы умеете показывать номера с исчезновением? — разволновался Мило.

— Почему бы и нет, — отвечал тот, шагнув к доске. — Подойди поближе и следи внимательно.

Для начала Матемагик продемонстрировал, что ни в рукавах у себя, ни в шапке, ни за спиной ничего не прячет, а потом быстро начертил на доске: « $4+9-2 \times 16+1:3 \times 6-67+8 \times 2-3+26-1:34+3:7+2-5=?$ » — и замер в ожидании.

— Семнадцать! — первым завопил Ляпсус, ляпнув, как всегда, невпопад.

— Нет, всего получается — ноль, — поправил жучилу Мило.

— Вот именно, круглое ничто, дырка от бублика, — сказал Матемагик

с театральным поклоном, и вся строчка цифр на их глазах исчезла. — Итак, что еще вас интересует?

— Если можно, — попросил Мило, — покажите самую длинную цифру.

— С нашим удовольствием, — воскликнул король, распахнув дверь одного из шкафов. — Она хранится здесь. Четверо цифродобытчиков с трудом выкопали ее.

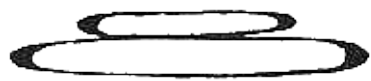

В шкафу оказалась , такая длинная, каких Мило еще не встречал.

— Нет, я не это имел в виду, — сказал он. — Я хотел бы посмотреть на самую большую цифру.

— Пожалуйста. — И Математик распахнул другой шкаф. — Вот она. Ее привезли сюда на трех телегах.

В этом шкафу хранилась самая большая из всех возможных

. В ширину она была, как тройка в длину, и в длину — не меньше.

— Да нет же, совсем не то! Как бы это сказать? — И Мило беспомощно поглядел на Тактика.

Часовой пес, почесавшись задней лапой где-то возле полудня, проворчал:

— Я так думаю, тебя интересует не цифра, а самое-самое большое число, какое можно изобразить цифрами...

— Так бы сразу и сказали, — проговорил Математик, тем временем занявшийся измерением толщины стенок дождевой капли. — Ну-ка, назовите мне самое длинное, какое только можете, число.

— Девять триллионов девятьсот девяносто девять миллиардов девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять, — протараторил Мило и затаил дыхание.

— Прекрасно! А теперь прибавим к нему такое же. И еще такое же. И еще такое же, — повторял Математик, пока Мило складывал. — И еще такое же. И еще. И еще. И еще. И еще. И еще. И еще. И еще.

— Держись этой линии, никуда не сворачивая, — сказал Матемагик, — а когда доберешься до конца, сверни налево. Там и находятся пределы Бесконечности, в которых пребывает все наибольшее, наименьшее, наикратчайшее, наидлиннейшее, наивысочайшее и вообще все самое-самое.

— Нет, — покачал головой Мило. — Мне некогда. А нет ли пути покорооче?

— Отчего же? Есть. Попробуй-ка по лестнице. — И он открыл дверь. — Она ведет туда же.

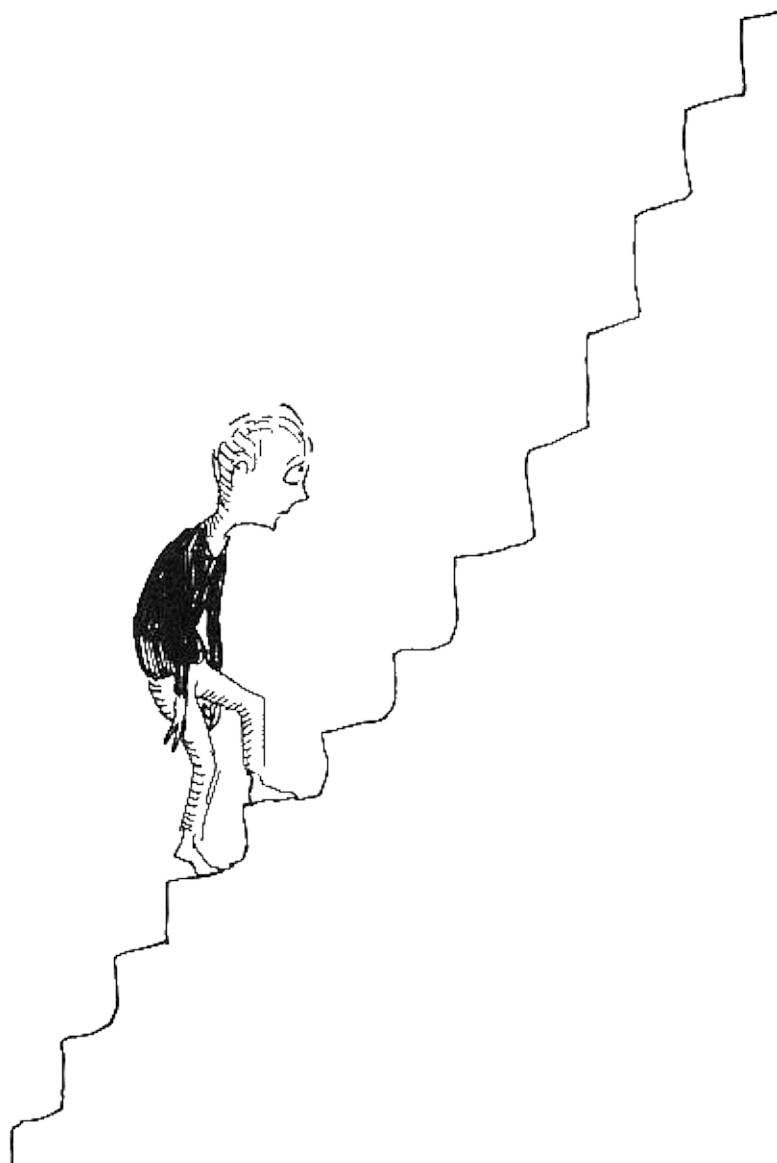
Мило выскочил за дверь и, перепрыгивая через две ступеньки, пустился вверх по лестнице.

— Подождите меня, — крикнул он Тактику с Ляпсусом, — я скоро вернусь!

Глава 16

Грязная Сплетница

Сперва он припустился, потом пошел медленней, потом еще медленней, и после долгого, очень долгого подъема, уже едва переставляя ноги, Мило наконец понял, что при всем старании ни на шаг не приблизился к верхнему концу лестницы и почти не удалился от нижнего. Еще некоторое время он шел через силу, пока, совершенно измученный, не опустил на одну из ступенек.

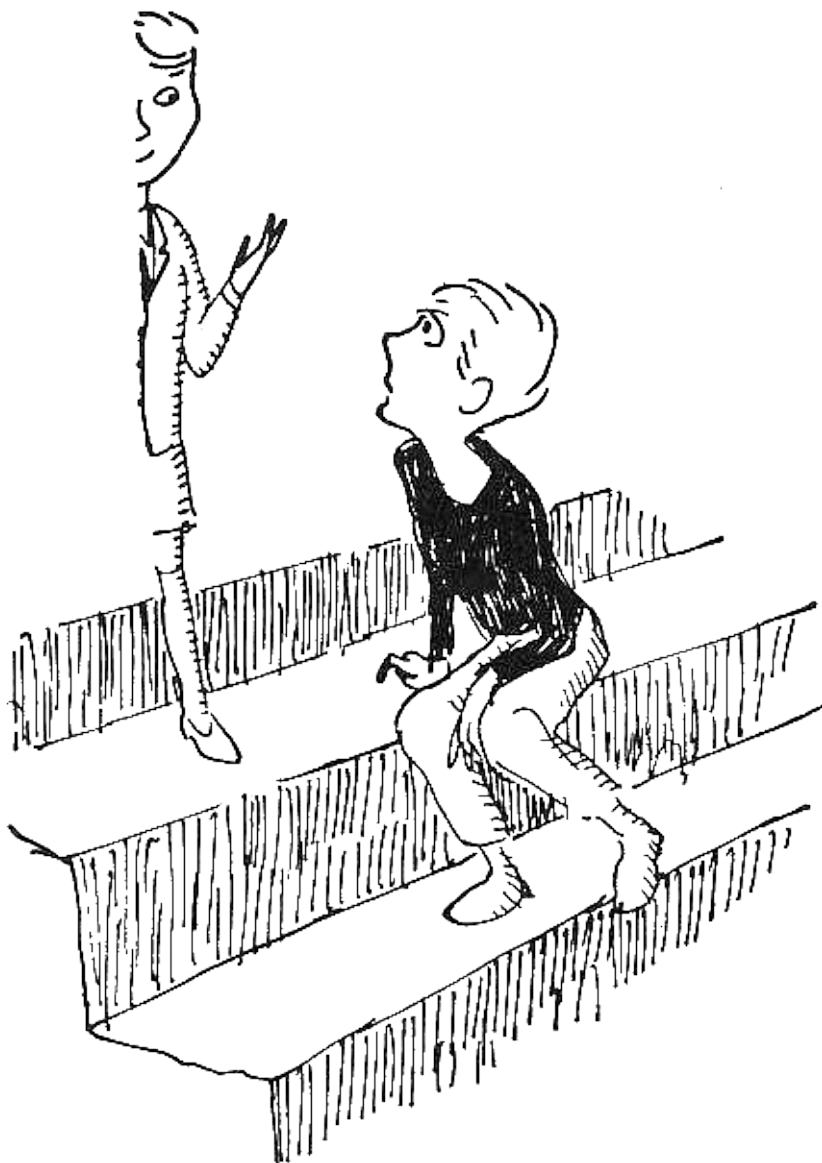

— Как же я не догадался, — ворчал он, вытянув усталые ноги и пытаясь отдышаться. — Эта лестница — все равно что та бесконечная линия, и я никогда не доберусь до ее конца.

— А тебе все равно там не понравилось бы, — тихонько ответил кто-то. — Бесконечность — убогое местечко. У них там никогда не сходятся концы с концами.

Мило, не поднимая тяжелой головы, покосился в сторону: он уже стал привыкать к тому, что в самые неподходящие моменты в самых странных местах к нему обращаются самые необыкновенные существа — и на сей раз не был разочарован. Рядом с ним на ступеньке стояла половинка ребенка, аккуратно поделенного пополам от макушки до пят!

— Не обижайся, что я так на тебя глазею, — сказал Мило после того, как неприлично долго разглядывал его. — В жизни не видел полребенка.

— Если быть точным, то меня не половина, а пятьдесят восемь сотых, — ответил тот левой (и единственной) стороной рта.

— Не понял, — сказал Мило.

— Пятьдесят восемь сотых, или ноль пятьдесят восемь, — уточнил тот, — это все-таки чуть больше половины.

— И что, ты всегда такой и был? — рассердился Мило: подобная точность показалась ему совершенно неуместной.

— Вовсе нет, — обиделись полребенка. — Пару лет назад меня было всего лишь сорок две сотых, и знаешь, как это скверно!

— А остальные, взрослые, они тоже такие? — спросил Мило уже

более дружелюбно.

— Понимаешь, мы — обычная средняя семья, — отвечал тот со всей серьезностью, — мама, папа и два целых и пятьдесят восемь сотых ребенка. Так вот я — это и есть пятьдесят восемь сотых..

— Быть не целым человеком — это, наверное, не слишком приятно, — сочувственно заметил Мило.

— Да что ты! Наоборот, в каждой семье имеется в среднем две целых пятьдесят восемь сотых ребенка, так что мне всегда есть с кем поиграть. Кроме того, каждая семья владеет в среднем по одному и трем десятым автомобиля, а поскольку три десятых автомобиля водить могу только я, то они находятся в полном моем распоряжении.

— Погоди, — задумался Мило, — ведь средние цифры, они же не настоящие, а существуют только на бумаге.

— Ну и что из того? — отмахнулись пятьдесят восемь сотых ребенка. — Зато иногда они очень даже полезны. Сам подумай, если у тебя, к примеру, в кармане нет ни цента, но ты — не один, а в компании с четверьмя другими, у каждого из которых есть по десять долларов, стадо быть, у всех вас в среднем получается по восемь долларов на человека, разве не так?

— Вроде так, — поневоле согласился Мило.

— Вот и подумай, насколько ты становишься богаче при усреднении. А еще подумай о несчастном фермере, у которого за год не выпало бы ни капли дождя, если бы в среднем в той местности, где он живет, не выпадало тридцать семь дюймов годовых осадков? Да все его посевы засохли бы и сгорели!

Мило окончательно запутался — именно с этой штукой, средним арифметическим, в школе у него были особенные нелады.

— И это еще не все, — продолжал ребенок. — К примеру, если сразу девять котов загонят в угол одну крысу, то в этом углу каждый кот в среднем будет на десять процентов крысой, а крыса на девяносто процентов котом. Вот и представь себе, что ты — та самая крыса, и считай, что тебе повезло!

— Это невозможно, — Мило вскочил на ноги, — такого не бывает и быть не может.

— Не скажи, — терпеливо продолжал ребенок. — Самое удивительное в математике, да и в любой науке, что даже невозможное бывает, причем нередко. Вот ты сам, например, попытался добраться до Бесконечности. Ты ведь знаешь, что она — где-то там, только не знаешь, где! Но если считается, что до нее невозможно дойти, ведь это не значит, что не стоит

пытаться.

— Я об этом как-то не думал, — сказал Мило, двинувшись вниз по лестнице. — А теперь мне, пожалуй, пора обратно.

— Правильное решение, — отвечал тот. — В следующий раз ты, может быть, продвинешься дальше.

Мило помахал Половинному Ребенку на прощанье, тот в ответ приветливо улыбнулся, что делал в среднем 47 раз на дню.

«Это надо же, — думал Мило, скача вниз по ступенькам, — все они тут знают куда больше, чем я. Придется подтянуться, иначе мне принцесс не освободить».

Сбежав вниз по лестнице, он влетел в кабинет, где Тактик и Ляпсус внимательно наблюдали за манипуляциями Матемагика.

— Уже вернулся! — воскликнул тот, добродушно всплеснув руками. — Надеюсь, ты нашел, что искал.

— К сожалению, нет, — признался Мило и добавил сокрушенно: — У вас в Числовенции я ничего не могу понять.

Матемагик сочувственно кивнул и потрепал Мило по щеке.

— А ты для начала пойми, что не понимать ничего — самое пустое дело, и на него не стоит тратить силы.

Мило изо всех сил пытался осмыслить все, что тут видел и слышал, но одна странность никак не давала ему покоя.

— Отчего, — очень серьезно спросил он, — отчего так часто бывает, что даже правильный ответ кажется неправильным?

Печать глубочайшего уныния проступила на лице Матемагика, и глаза его подернулись печалью. Настала тишина, и немало времени прошло, прежде чем он вновь заговорил.

— О, как это верно, — выдохнул он, тяжело опершись на посох. — И длится это с тех пор, как были изгнаны Поэзия и Мудрость.

— Вот именно, — начал было Ляпсус, — я это почувствовал на собственной, с позволения сказать, шкуре...

— А ВСЕ ИЗ-ЗА УПРЯМСТВА ПРОКЛЯТОГО АЗБУКИАНА, — ошеломил жучилу своим ревом Матемагик; печаль уступила место ярости, и король принялся вышагивать по комнате, умножая свой гнев и прибавляя его к своей ярости. — ВСЕМУ ВИННОЙ ЕГО ОШИБКА!

— Может быть, вам надо обсудить с ним все... — начал Мило, но не успел закончить — Матемагик прервал и его:

— Нет, он слишком неблагоприятен! Уже месяц прошел, как я послал ему дружественное послание, а он не нашел возможным ответить — хотя бы из вежливости. Вот — прочти.

И он подал Мило копию письма.

«4738 1919.

667 394017 5841 62589
85371 14 39588 7190434 203
27689 57131 481206.
5864 98053,

62179875073»

— вот что там было начертано.

— Но, может быть, он не понимает эти числа, — заметил Мило, который и сам не слишком понял написанное.

— ЧЕПУХА! — опять взревел король. — Числа всем понятны. На каком бы языке ты ни говорил, числа всегда остаются самими собой. Семь — это и есть семь по всему миру.

«Ну и ну, — подумал Мило, — каждый считает самым важным то, что знает лучше».

— С вашего позволения, — вставил Тактик, решив изменить направление разговора, — с вашего позволения, мы хотели бы освободить Поэзию и Мудрость.

— Азбукиан дал согласие на это? — спросил Матемагик.

— Так точно, государь, — отвечал часовой пес.

— В таком случае я не дам, — вновь загремел король, — ибо с тех пор, как принцессы были изгнаны, мы с ним ни в чем не были согласны — и не будем! — И глаза его загорелись темным зловещим огнем.

— Никогда? — переспросил Мило с ноткой сомнения в голосе.

— НИКОГДА! — повторил тот. — И если ты сможешь доказать мне, что это не так, то получишь мое согласие.

— Я попробую, — кивнул Мило, который размышлял над этой задачей с самого отъезда из Словаренции. — Значит, вы утверждаете, что никогда не согласитесь с тем, на что согласен Азбукиан?

— Совершенно верно. — Матемагик снисходительно улыбнулся.

— И Азбукиан никогда не согласится с тем, на что согласны вы?

— И это верно, — ответил Матемагик позевывая и беспечно чистя ногти острым кончиком посоха.

— Значит, каждый из вас согласен с тем, что никогда не согласится с

другим, — торжествующе объявил Мило, — стало быть, вы оба согласны с тем, что никогда не будете согласны друг с другом, — но что это, если не соглашение?

— ВОТ ЭТО НОМЕР! — вскричал обескураженный Матемагик. — Меня загнали в ловушку. — Он повертел доказательство и так и этак, но вывод получался все тот же.

— Блестящий успех, — радостно потирал руки Ляпсус, — даже я не смог бы добиться большего!

— Стало быть, мы можем идти? — добавил Тактик.

Учтивым кивком головы признав свое поражение, Матемагик подозвал к себе путешественников.

— Дорога вам предстоит долгая и опасная, — тихо проговорил он, и тревожная складка собралась у него на лбу. — Злые духи и демоны почуют вас раньше, чем вы их заметите. Будьте начеку — когда они проявятся, может оказаться уже поздно.

У Ляпсуса душа ушла в пятки, у Мило руки похолодели.

— Но это еще не самое страшное, — зловеще прошептал король.

— А что же? — с трудом выговорил Мило, вовсе не уверенный, что действительно хочет это знать.

— К сожалению, об этом я смогу сообщить вам только когда вы вернетесь, — ответил Матемагик. — Идемте, я покажу вам дорогу. — И он просто, без всяких ухищрений, перенес всех троих к рубежу Числовенции.

Позади лежали все королевства Разума, а вперед, во тьму и горы, вела узкая кочковатая и каменистая тропка.

— Автомобильчику здесь не проехать, — с грустью заметил Мило.

— Не проехать, — подтвердил Матемагик. — Однако до Тьмы Невежества отсюда и пешком недалеко, нужно только следить за каждым шагом.

— А как же мои подарки? Они нам могут пригодиться.

— Еще как могут! — воскликнул невесть откуда взявшийся Додекаэдр с ношей в руках. — Вот твоя ненаглядная, — он протянул Мило подзорную трубу, — вот твои звуки, а вот, — и он показал презрительное лицо, — вот

твои словечки.

— А самое главное, — добавил Матемагик, — возьми вот это, это твой личный волшебный посох. Сумей им правильно воспользоваться, и для тебя не будет ничего невозможного.

С этими словами он вложил в нагрудный карман Мило маленький светящийся карандаш, во всем, если не считать размера, подобный королевскому посоху. А потом, после всех напутствий и пожеланий, они распрощались, и король с Додекаэдром (который плакал, вздыхал, хмурился и унывал сразу четырьмя своими самыми грустными гранями) смотрели вслед трем крошечным фигуркам, уходящим в грозные горы Невежества.

— Наверное, кому-то стоит остаться тут, чтобы стеречь дорогу, — проговорил несчастный Ляпсус, подразумевая себя. Но поддержки не нашел и понуро поплелся дальше.

Чем выше они подымались, тем темнее становилось вокруг, но то была не ночная тьма, а скорее мгла, смесь туманных намеков и пагубных умыслов, которые исходили от скользких замшелых утесов и застили свет. Жестокий ветер выл между скалами, воздух же был такой густой и спертый, как будто его уже не раз использовали.

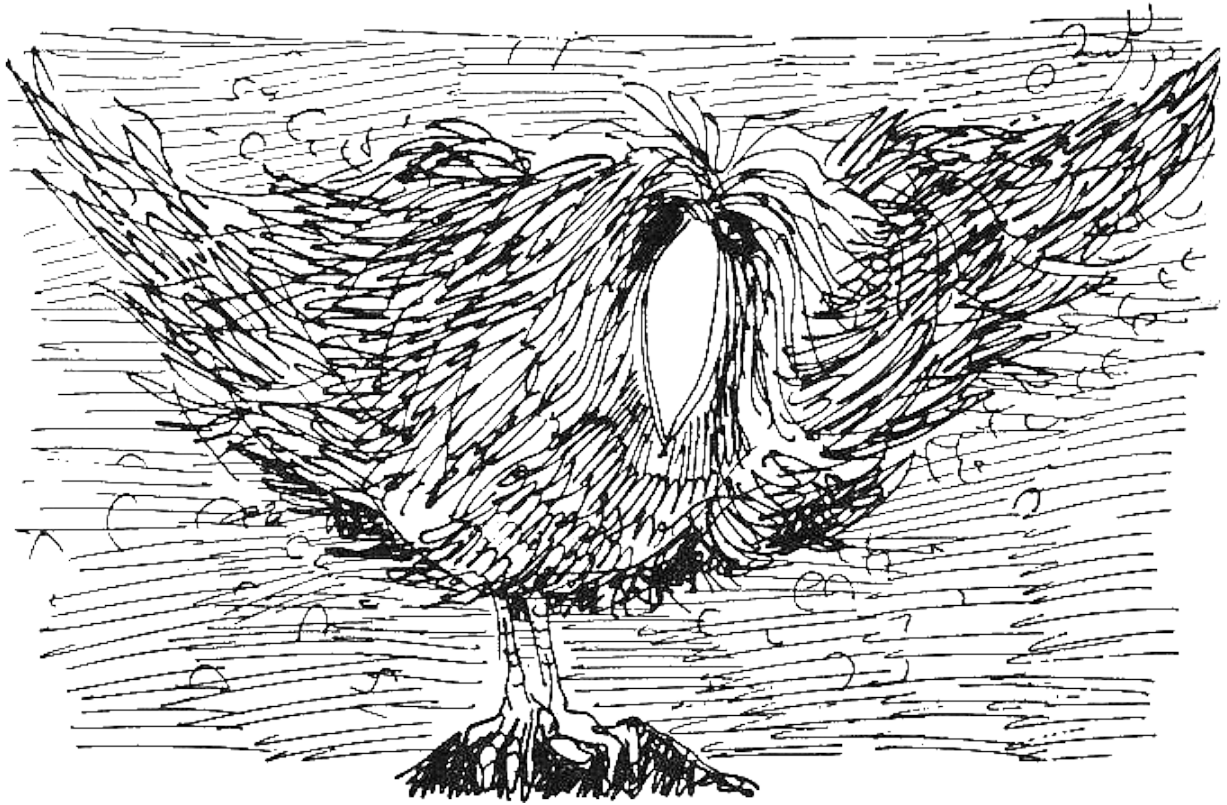
Так они и шли все выше и выше на головокружительные высоты по узкой тропке: с одной стороны — каменная стена с острозубыми над нею кряжами, с другой — бездонная, необъятная, беспредельная пустота.

Луна совсем скрылась за этим скверным туманом, и Мило, ухватившись за хвост Тактика, проговорил:

— Я почти ничего не вижу. Может быть, утра подождем?

— Под дождем, не под дождем — все равно вам каюк, — послышалось в ответ откуда-то сверху, а затем раздался отвратительный кашляющий смех, как будто кто-то подавился рыбьей костью.

На одном из скользких камней, почти слившись с ним, сидела большая, взъерошенная и ужасно чумазая птица — больше всего она походила на старую половую тряпку. Однако клюв у нее был весьма внушительный и острый, а единственный открытый глаз глядел пристально и недобро.

— Кажется, вы не поняли, — робко пояснил Мило. — Мы всего лишь хотим провести где-нибудь ночь.

— Этим вы никого не проведете, — прокудахтала птица и вновь захохотала.

— Да нет же! Нам бы только денек... — начал Мило.

— Денег? — перебила его птица. — Ишь ты — у самого нет ни гроша, а туда же.

— Да что ж это такое, — взвыл Мило, — я сейчас заплачу!

— Ах, заплатишь? — немного смягчилась птица. — Тогда другой разговор. А то и денежки ему подавай, и ночлег! — Она закрыла открытый глаз и открыла закрытый. — Ежели за плату, тогда вы — мои кости, только все едино к утру от вас и гостей не останется.

— Значит, если за плату?.. — спросил Мило, который и сам уже начал заговариваться, поговорив с говорящей птицей.

— Если плата из драпу, — снова вклинулась птица, резко щелкнув клювом, — это можно. Только я бы на вашем месте давным-давно задала бы отсюда драпу.

— Попробуем еще раз, сначала, — предложил Мило. — Нам нужно переночевать. Другими словами...

— У тебя есть другие слова? — обрадовалась птица. — Давай другие!

А то с этими ты не очень-то справляешься.

Тут даже у терпеливого Тактика терпенье лопнуло.

— Эй, — сердито рявкнул он, — ты чего это все время перебиваешь?

— А как иначе? — заквохтала птица. — Работа у меня такая — хватать слова на лету, прямо изо рта, да на хвосте переносить. Я всем знакомая. — И, подавшись вперед, она улыбнулась ужасно знакомой улыбкой. — Я помесь сороки-воровки, стреляного воробья, который вылетел, и его не поймаешь, и испорченного телефона. Между прочим, мы с вашим другом Ляпсусом — старинные друзья.

Ляпсус только головой мотал — деться ему было некуда, а слова со страху он все позабыл.

— Обитатели Тьмы Невежества, они все такие же, как вы? — спросил Мило.

— О, они куда хуже! — мечтательно проворковала птица. — Я-то сама не здешняя. Родом я из Контекста.

— А почему бы вам не вернуться, с позволения сказать, на родину? — заметил жучило, на всякий случай выставив перед собой трость.

— Кошмарная мысль! — Грязные перья на птице взъерошились. — Родина — это такое кошмарное место — я туда почти и не залетаю. С корнем вырвалась из Контекста! Кроме того, что может быть лучше этих жутких гор?

«Все, что угодно», — подумал Мило, оттягивая воротник, который вдруг стал ему тесен, а вслух спросил:

— Вы, видимо, злой дух или демон?

— К сожалению, ни то, ни другое, — закручинилась птица, и две мутных слезы скатились по ее клюву. — Я бы с удовольствием, но таланта не хватает.

И не успел Мило задать следующий вопрос, как птица взмахнула потрепанными крыльями и взлетела, осыпав их сверху всяким дрязгом, дрянью и грязью.

— Пстой! Куда ты? — кричал Мило, у которого успело-таки накопиться немало вопросов.

— Сам ты кудлатый! — прокричала птица и растворилась во мгле.

Двинулись дальше. Спустя какое-то время Мило заметил:

— Она все равно нам не помогла бы.

— Именно поэтому я и шуганул ее, — вскричал Ляпсус, геройски размахивая тростью. — А подать сюда демонов, да поскорее!

— Будут вам демоны, да скорее, чем вы думаете, — ответил Тактик,

оглянувшись через плечо на жучилу, который тут же сник и затрепетал.

А тропа вела их все выше и выше.

Наконец выбрались на перевал высокого хребта — только затем, чтобы увидеть впереди другой, еще выше первого, а за ним — еще и еще хребты, гребни которых тонули в клубящейся тьме.

На перевале тропа расширилась и выровнялась, а впереди — впереди, прислонясь спиной к мертвому дереву, стоял элегантный джентльмен в безупречном костюме, белоснежной, отглаженной сорочке, при галстукке и в начищенных до блеска штиблетах, с чистыми-чистыми ногтями, в хорошенько вычищенной шляпе и с чистой белизны платочком в нагрудном кармане. И лицом он тоже был чист. Настолько чист, что не имел ни носа, ни рта, ни глаз.

— Здравствуй, мальчик, — сказал он, дружески пожав Мило руку.

— Ну, а ты как поживаешь, верный пес? — И он дружески похлопал Тактика по спине.

— Вы сегодня необыкновенно элегантны! — отвесил он комплимент довольному Ляпсусу, приподняв шляпу. — Рад вас всех видеть!

«Какая приятная неожиданность, — подумали все, — встретить такого приятного человека, да еще в таком неприятном месте!»

— Простите, не могли бы вы уделить мне немного времени? — учтиво продолжил тот. — Мне требуется помощь кое в каких делах.

— Почему бы и нет? С удовольствием! — бодро отвечивал Ляпсус.

— Мы готовы, — добавил Мило, у которого лишь на мгновение мелькнул вопрос: как может столь приятная личность быть настолько безликой?

— Прекрасно, — обрадовался джентльмен, — у меня как раз три проблемы. Во-первых, мне хотелось бы перенести этот песочек, — и он указал на огромную кучу великолепного мелкого песка, — с этого места на вон то. Но, к сожалению, у меня не имеется иного инструмента, кроме... — И он подал Мило малюсенький пинцетик.

Мило тут же принялся по зернышку переносить песок с одного места на другое.

— Во-вторых, мне хотелось бы осушить вот этот колодец и наполнить вон тот, только вот воду набирать мне нечем, кроме как этой глазной пипеткой. — Он сунул пипетку Тактику в зубы.

Часовой пес немедленно принялся переносить воду по капле из колодца в колодец.

— И последнее: нужно пробить ход в этой скале с помощью вот этой иголки.

Ляпсус рьяно принялся корябать иголкой гранит.

Глава 17

Неприятная компания

Ляпсус что-то весело насвистывал — ему всегда правилась работа, не требующая размышлений. За день он проковырял в скале дырку, куда целиком мог засунуть свой большой палец. Тактик с пипеткой в зубах упорно ходил туда и обратно, но воды в полном колодце не убавилось, а в пустом почти не прибыло. А уж новую кучу песка, которую наносил Мило, нельзя было назвать даже кучкой.

— Странное дело, — сказал Мило, ни на мгновение не отрываясь от дела, — тружусь, тружусь, а ничуть не устал и есть совсем не хочется. Так можно работать до бесконечности.

— Не исключено, что так оно и будет, — зевнул в ответ джентльмен (во всяком случае, по звуку это подозрительно напоминало зевок).

— Послушай, — шепнул Мило Тактику, проходившему мимо, — как бы нам узнать, надолго ли это?

— А на что тебе дан волшебный карандаш? Возьми и узнай, — проворчал Тактик настолько внятно, насколько мог с пипеткой в зубах.

Мило вынул из кармашка сияющий карандаш и быстренько подсчитал, что на все про все им потребуется восемьсот тридцать семь лет.

— Прошу прощения, — он подергал джентльмена за рукав и показал листок с вычислениями, — на эту работу нужно потратить восемьсот тридцать семь лет.

— Вот как? — проговорил тот, даже не повернув головы. — Тем более не следует отвлекаться.

— Мне кажется, это не слишком разумная трата времени, — заметил Мило.

— При чем тут РАЗУМ! — негодуяще вскричал джентльмен.

— Я хотел сказать, что это дело не слишком важное, — попытался вежливо объяснить Мило.

— Абсолютно не важное, — сердито фыркнул безликий. — Разве я стал бы просить вас о чем-нибудь другом?

Теперь, когда он вновь повернулся к ним, он уже не казался таким приятным.

— Чего же ради работаем-то? — рявкнул Тактик, и будильник его вдруг зазвенел.

— Того ради, мои юные друзья, — прошипел безликий голосом весьма противным, — что нет ничего важнее, чем потратить время на всякие пустяки. Если у вас накопится их достаточно и вы займетесь ими, то никогда не дойдете туда, куда направляетесь, — и он злодейски расхохотался.

— Так вы, значит, и есть... — догадался Мило.

— Именно! — возопил безликий торжествующе. — Я — Пошлый Прimitив, Бес Пощадный, Бес Смысленный и Бес Полезный, пожиратель сил, потраченных впустую, я — исчадье привычки.

Ляпсус, выронив иглу, воззрился на джентльмена, не веря своим ушам, а Мило и Тактик начали медленно пятиться.

— Стоять! Ни с места! — приказал бес. — Вам предстоит немало новых дел, да еще не меньше восьмисот лет понадобится на завершение этого, начатого.

— Кому это нужно, заниматься пустяками? — спросил Мило и тут же вспомнил, сколько времени сам тратил на них ежедневно.

— А ты подумай, от каких забот они могут тебя оградить, — ответил джентльмен, и пустое лицо его как будто исказилось недоброй усмешкой (если только может исказиться то, чего нет). — Занявшись простым и пустяшным, ты даже думать забудешь о важном, но трудном. На это у тебя не останется времени. Потому что всегда найдется уйма всяких дел, кроме тех, которые необходимо сделать. И если бы не твой клятый карандаш, ты бы и не заметил, как пролетело время.

Так шептал он голосом ласковым и лживым, а сам, вытянув руки, приближался к ним на цыпочках шажок за шажком.

— Идите ко мне, не покидайте меня. Давайте вместе повеселимся. Ах, сколько мы пересыплем из пустого в порожнее! Сколько воды переносим ситом! От скольких дел мы не будем бегать и сколько не делать! А кроме того, можно чинить карандаши, ковырять дырки, распрямлять гвозди, стричь купоны и много, много чего еще. Повремените-ка тут немного, и вам никогда, никогда больше не придется думать, потому что вы, попривыкнув, сами станете исчадьями привычки.

Баюкающий голос сковал их по рукам и йогам, но в тот миг, когда холеные пальцы беса уже потянулись к ним, раздался голос:

— БЕГИТЕ! БЕГИТЕ!

Мило подумал, что это кричит Тактик, и, увернувшись, бросился прочь.

— БЕГИТЕ! БЕГИТЕ!

Тактик, подумав, что это кричит Мило, прыгнул следом.

— БЕГИТЕ! БЕГИТЕ!

Теперь уж и Ляпсус, ничего не подумав, припустился, а за ним по пятам — Пошлый Примитив.

— Сюда! Сюда! — звал кто-то, и они бежали на голос, карабкаясь по скользкой каменной осыпи, которая с каждым их шагом вперед оползала на шаг назад. С великим трудом, и только благодаря четырем лапам Тактика, они взобрались на гребень следующего хребта, всего на шаг-два опередив разъяренного Примитива.

— Сюда! Сюда! — звал голос, и без всяких колебаний они вошли в

лужу липкой грязи сперва по лодыжки, потом по колено, по пояс и в конце концов забарахтались, погрузившись по грудь в маслянистую жижу.

Бес же, взобравшись на грудь бульжников (которые, между прочим, требовалось пересчитать), дальше, в топь, не полез, но, стоя на краю, потрясал кулаками, выкрикивал страшные проклятья, обещая призвать на их головы всех демонов Пустопорожни.

— Отвратительный тип, — проговорил Мило, с трудом передвигая ноги. — Надеюсь, я больше никогда с ним не встречу.

— Похоже, он за нами и не гонится, — заметил жучило, оглядываясь через плечо.

— Этот уже позади, — заметил Тактик, выбравшись из топи, — а я хотел бы знать, что нас ждет впереди.

— Идите прямо-прямо! Никуда не сворачивайте! — посоветовал голос, когда они осторожно двинулись по новой тропе.

— Быстрее! Быстрее! Вверх! Вверх! — опять раздался голос, и не успели они оглянуться, как земля под их ногами расступилась, и все трое рухнули в глубокую темную яму.

— Вот тебе и «вверх», — посетовал Мило, растянувшись на дне.

— Ха-ха, — радостно отозвался голос, — а куда ты думал попасть, доверившись мне?

— Нам отсюда вовек не выбраться, — простонал Ляпсус, глядя на отвесные гладкие стены.

— Вот это верно замечено, — ехидно ответил голос.

— Зачем же вы нам помогли? — рассердился Мило.

— То же самое я сделал бы для любого, — воскликнул тот. — Я — мастер дурных советов. Посмотрите-ка на меня повнимательней: я носатый-глазастый-волосатый-зубастый-плечистый-рукастый-ушастый-головастый-коренастый и самый ужасный — по правде говоря, в наших диких местах не сыщешь исчадья Тьмы ужасней меня. Теперь вы — мои и никуда не денетесь! — И он, склонившись над краем ямы, окинул кровожадным глазом беспомощных пленников.

Тактик с Ляпсусом съежились под демоническим взглядом, но Мило (который уже знал, что не всяк таков, каким представляется) достал подозрную трубу, раздвинул и посмотрел в нее. И там, в круглом глазке, увидел совсем не то, чего ждал: на краю ямы стояло маленькое пушистое существо с испуганными глазами и робкой улыбкой.

— Эй, да ты ведь вовсе не носатый-глазастый-волосатый-зубастый-плечистый-рукастый-ушастый-головастый-коренастый и совсем не ужасный, — возмутился он. — А ну-ка, отвечай, ты демон — чего?

Ошеломленное разоблачением, существо, отпрянув от края ямы, исчезло из поля зрения и захныкало:

— Я — демон Лицемерия: думаю не то, что говорю, говорю не то, что делаю, и представляюсь не тем, кто я есть. Все-все, кто верил мне, заблуждались и попадались, а ты со своим кошмарным телескопом все мне испортил. Так что я пошел домой!

И, плача навзрыд от ярости, демон бросился прочь.

— Очень удобная штука, когда нужно посмотреть правде в глаза, — заметил Мило, пряча подзорную трубу.

— Осталось только выбраться отсюда, — рывкнул часовой пес и, став на задние лапы, передними оперся о стену. — Давайте-ка лезьте на меня.

Мило встал на собачьи плечи, Ляпсус взобрался Мило на голову, но сумел лишь рукояткой трости дотянуться до корня старого кривого дерева.

Так он и висел, причитая, но накрепко повиснув на трости, пока остальные двое не взлезли по нему наверх и не вытянули его самого, потрясенного и чуть живого.

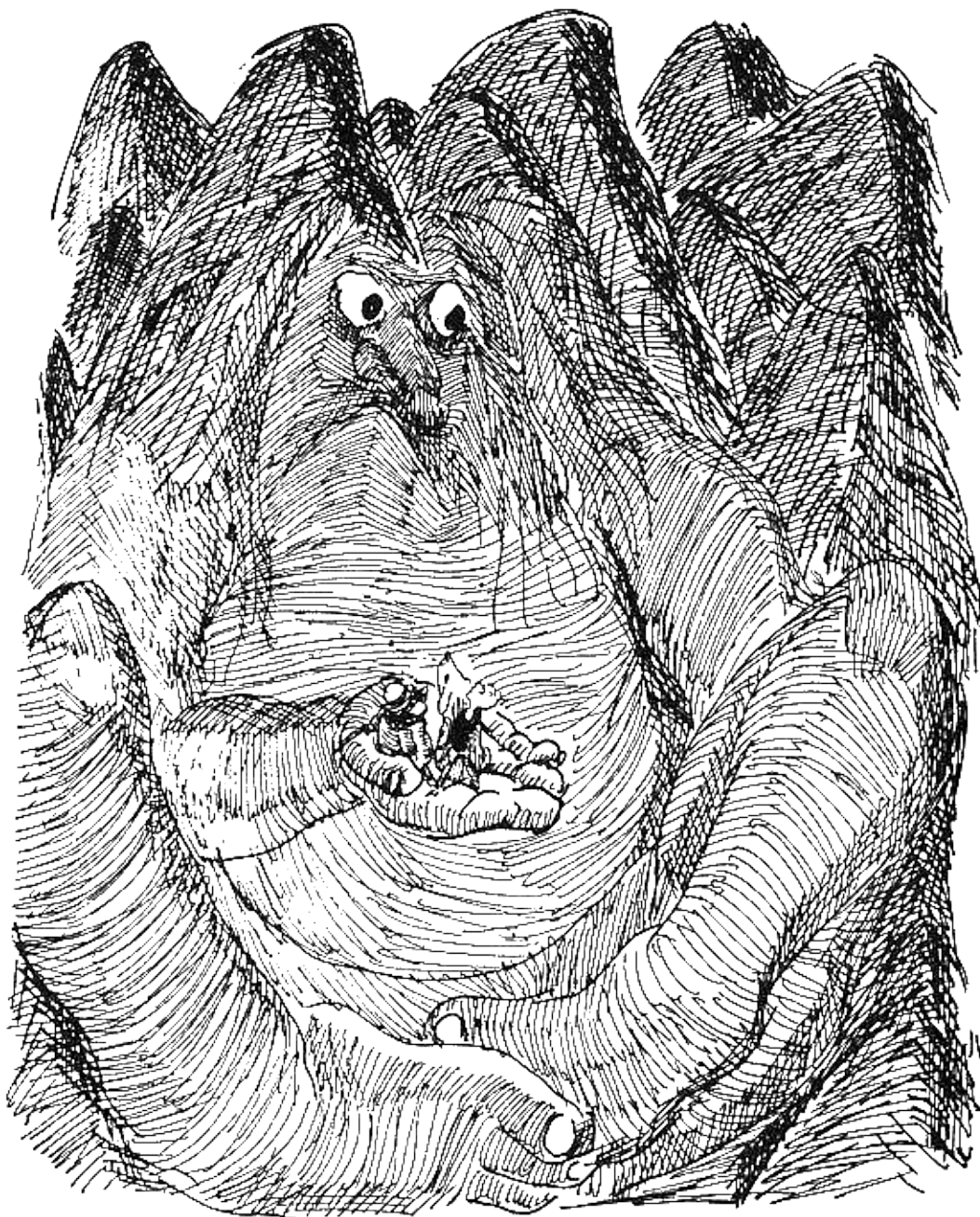
— С вашего позволения, — сказал он, придя в себя, — теперь я пойду первым. Следуйте за мной, и с вами ничего не случится!

Он пошел по одной из пяти узких каменных гряд, ведущих к неровному, изрытому оврагами плато. Они добрались до него и остановились передохнуть и посоветоваться, но в этот момент гора вдруг жутко зашевелилась, и не успели они понять, что происходит, как плато,

накренившись, взмыло вместе с ними на воздух. А все дело в том, что они случайно наступили на любимую мозоль на ладони Студенистого Великана.

— ЭТО ЧТО ТАКОЕ? — взревел он, с любопытством разглядывая собственную ладонь и крошечные фигурки на ней. При этом он еще и облизывался.

Роста он был невероятного, даже когда сидел. Он был ужасно пучеглазый, с длинными грязными нечесаными патлами и совершенно невыразимой фигурой. Потому что больше всего он походил на студень, который сначала остудили, потом разогрели, а потом опять остудили.

— КТО ЭТО МЕНЯ РАЗБУДИЛ? — взревел он еще пуще, и вся троица, сбита с ног его жарким дыханием, покатились по ладони.

— Пожалуйста, простите нас, — кротко проговорил Мило после того, как разобрался, где у него самого руки, а где ноги. — Мы не знали. Вас почти невозможно отличить от горы.

— Само собой, — ответил великан уже не таким громким голосом (который, впрочем, и теперь был не тише пушечной пальбы). — Собственной формы у меня нет, так что я принимаю любую, смотря по обстоятельствам. В горах я — большущая гора, на берегу моря — широкий

пляж, в лесу я — высокий дуб, а в городе, когда я попадаю в город, я — шикарный многоэтажный дом. Больше всего не люблю выделяться, это, знаете ли, небезопасно.

И он вновь уставился на них голодными глазами, решив попробовать, каковы эти трое на вкус. И уже распахнул свою огромную пасть, когда Мило крикнул:

— Эй, вы ведь слишком большой, чтобы чего-нибудь бояться.

— Н-н-нет. — Великан задрожал всем своим студенистым телом. — Я боюсь. Боюсь всего. Потому-то я такой свирепый. Ох, ведь если кто-нибудь об этом узнает, я просто помру со страху. А теперь не мешайте, я собираюсь позавтракать.

Он поднес ладонь к разверстой своей пасти, Ляпсус зажмурился и схватился руками за голову.

— Значит, вы и есть демон страха? — спросил Мило, отчаянно надеясь, что великан достаточно воспитан и не захочет разговаривать с набитым ртом.

— Да вроде бы да, — отвечал тот, чуть-чуть отмстив ладонь, к великому облегчению Ляпсуса. — А с другой стороны, вроде бы нет. То есть я имею в виду, что это, возможно, так и есть, только не в такой степени. Да чего уж там? — зло пробурчал он. — Сами видите, даже сказать что-нибудь прямо я и то боюсь. Так что хватит задавать вопросы, они портят мне аппетит.

Он вновь поднес ладонь ко рту, собравшись заглотать всех троих одним махом.

— Эй, — снова закричал Мило, на сей раз едва не опоздав: еще миг — и все было бы кончено, — почему вы не хотите нам помочь? Когда вернутся Поэзия и Мудрость, все станет на свои места!

— Э-э, — задумчиво протянул великан, опять опуская руку, — а может, не стоит, а?.. Я хочу сказать, может, не стоит беспокоиться? Я ведь никогда никак не поступал. Зачем рисковать? Иначе говоря, пусть уж будет все как есть, а то от этих перемен — одни неприятности. — Сказав это, он как-то сник и грустно добавил: — Похоже, я закушу только одним из вас. Остальных оставлю на потом. Что-то мне нездоровится.

— У меня есть идея получше! — сказал Мило.

— Что-что? — завопил великан, теряя всякий аппетит. — Единственное, что мне не по зубам, — это всякие идеи. Я их не перевариваю!

— А у меня их целый короб — все идеи мира! — воскликнул Мило, гордо подняв в руке шкатулку, подарок Азбукиана.

Сама идея о таком количестве идей привела великана в ужас, он весь задрожал, подобно огромному студню.

— ОТПУСТИТЕ МЕНЯ И ПОСКОРЕЕ УХОДИТЕ, — взмолился он, на мгновение забыв, кто кого держит. — И УМОЛЯЮ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ЭТУ КОРОБОЧКУ!

И тут же, стряхнув их на гребень следующего хребта, он в панике затопал, захлюпал прочь, чтобы предупредить остальных о новой, небывалой угрозе.

Однако дурные вести разносятся быстро. Грязная Сплетница, Пошлый Примитив и Носатый-глазастый-волосатый-зубастый-плечистый-рукастый-ушастый-головастый-коренастый и самый ужасный уже подняли тревогу в горах. Отовсюду поспешали демоны — вылезали из пещер и расщелин, из-под камней, из грязи, топотали, шуршали и шаркали, скользя и пробираясь сквозь мутную мглу. И всеми или двигало одно-единственное желание: уничтожить нарушителей, защитить Тьму Невежества.

С того места, где стояли Мило, Тактик и Ляпсус, хорошо было видно, как неотвратимо они надвигаются издали, все ближе и ближе. Со всех сторон доносились зловещие звуки, мелькали смутные очертания ползущих и шагающих. Одни уже виднелись вполне отчетливо, другие казались бледными тенями, большинство же еще только вылезало из своих мерзких логовищ, но было ясно: они окажутся тут куда скорее, чем хочется.

— Бежим, — рявкнул Тактик, — а то нас и вправду изловят! — И он потрусил по тропе.

Мило, набрав побольше воздуха, последовал примеру пса, а Ляпсус сообразил, что у них позади, и рванул вперед с удвоенной силой.

Глава 18

Воздушный Замок

Вверх, вверх, все выше в горы поднимались они в поисках замка и двух изгнанниц-принцесс — с хребта на хребет, с вершины на вершину, по осклизлым скалам, по оскаленным утесам, под нависшими «пронеси господи», по узким карнизам, где любая оплошность означала одно — прощайте навсегда! Зловещая тишина пала, точно завеса, и не было бы ни единого звука, если бы не шорох их собственных шагов. Мир, который Мило когда-то знал, оказался за тридевять немислимых земель, а демоны — демоны были рядом.

— Они нас нагоняют! — возопил Ляпсус, пожелав себе никогда больше не оглядываться назад.

И в тот же миг Мило воскликнул:

— Мы добрались, смотрите!

Там, впереди, с вершины самого высокого пика тянулась вверх тонкая, как паутина, винтовая лестница, а на другом конце ее стоял Воздушный Замок.

— Вижу! Я вижу! — повторял счастливый Ляпсус, пока они бежали вверх по извилистой горной тропке.

Но они не видели другого: там, прямо на земле, перед первой ступенькой лестницы лежал большой засаленный гроссбух, а на нем, свернувшись калачиком, дремал маленький кругленький человечек в сюртуке и с большим гусиным пером, небрежно заложенным за ухо; лицо, и руки, и вся одежда человечка были замараны чернилами, на носу же сидели очки с такими толстыми стеклами, каких Мило еще не видывал.

— Тихо, тихо, — шепнул Тактик, когда они наконец достигли вершины, и Ляпсус, осторожно обойдя спящего, ступил было на первую ступеньку.

— ВАШЕ ИМЯ? — резко окликнул его человечек, вскинувшись. Затем он сел, извлек из-под себя бухгалтерский гроссбух, надел зеленый козырек и застыл в ожидании с пером в руке.

— С позволения сказать... — пролепетал испуганный жучило.

— ИМЯ? — строго прикрикнул человек, открыв книгу на странице 512 и яростно заскрипев пером — а скрипело оно ужасно и царапало бумагу так, что чернильные брызги разлетались во все стороны фонтанами. Они назвались, и он записал их в алфавитном порядке.

— Очень, очень, очень хорошо-с, — приговаривал он при этом. — Давненько у меня никого не было на букву Эм-с.

— Зачем вам наши имена? — спросил Мило, с тревогой заглядывая ему через плечо. — У нас очень мало времени.

— Это займет не больше минуты-с, — заверил человек. — Я — переписчик Концеляриус и занимаюсь Переписью. Я обязан отобрать у вас кое-какие показания-с, а затем переписать в нужном порядке-с. Для начала сообщите год рождения, место рождения, возраст — настоящий, прошлый и будущий, имя матери, имя отца, имя брата матери, имя брата отца, имя сестры матери, имя сестры отца, место жительства, место пребывания, в каких школах учились, в каких не учились, увлечения, номер телефона, номер дома, помер квартиры, размер квартиры, размер обуви, размер

одежды, размер воротника, размер головного убора, а также сведения о шести свидетелях, которые могут подтвердить правдивость ваших показаний. И пожалуйста, по очереди-с! Станьте в ряд, да смотрите у меня — без толкотни, без разговоров, без подсказок.

Первым отвечал Ляпсус — ведь у него вместо памяти была дырка. Переписчик невозмутимо снимал с него показания и заносил их в пять различных граф, то и дело прерываясь — протирал очки, откашливался, поправлял галстук, сморкался. При этом испуганный жучило с головы до ног оказался забрызган чернилами.

— СЛЕДУЮЩИЙ! — объявил Концеляриус особым канцелярским голосом.

Следующим был Мило.

— Надо бы поскорее, — вполголоса заметил он, потому что видел — первый демон уже ступил на тропинку у подножия горы и через несколько минут будет здесь.

А чиновник, как назло, тянул время, мучительно раздумывая над каждой графой Переписи. Наконец, покончив с Мило и Тактиком, он удовлетворенно покивал головой.

— Ну как, теперь мы можем идти? — спросил часовой пес, чутким носом чуя отвратительный запах злобы, причем дух этот усиливался с каждым мгновением.

— Безусловно-с, — ласково отвечал Концеляриус, — немедленно после того, как сообщите ваш рост, ваш вес, количество книг, прочитанных за год, и времени, потраченного на еду, игру и сон ежедневно, а также — где провели каникулы, сколько порций мороженого съедаете за неделю, сколько шагов от вашего дома до парикмахерской и, наконец, — какой ваш любимый цвет. После этого, пожалуйста, заполните эти анкеты и формуляры-с — в трех экземплярах, — но имейте в виду: малейшая ошибка-с — и вам придется начать все сначала.

— Господи, — воскликнул Мило, глядя на кипу бумаг, — всего этого мы никогда не заполним.

А между тем у подножия пика потихоньку собирались целые толпы демонов.

— Давайте, давайте, — подбадривал переписчик, похихикивая, — не целый же день вам возиться. С минуты на минуту от желающих переписаться здесь не будет отбоя.

Едва понимая, что пишут, они заполняли путаные анкеты, и когда все трое покончили с этим, Мило положил стопку бумаг на колени чиновнику. Тот со всей вежливостью поблагодарил их, снял зеленый козырек, заложил

перо за ухо, закрыл гротеск и снова улегся.

Ляпус первым, бросив испуганный взгляд через плечо, вскочил на ступеньку.

— ЦЕЛЬ? — вскричал переписчик, снова усевшись, надев козырек, взявшись за перо и открыв книгу. — ИТАК, КАКОВА ВАША ЦЕЛЬ? — повторил он, заскрипев пером по бумаге.

— Воздушный Замок, — ответил Мило, теряя терпение.

— А стоит ли? — И Концеляриус ткнул пальцем куда-то вдаль. — У меня для вас найдется кое-что получше, можете не сомневаться.

Едва он это произнес, все трое устались вдаль.

Мило, и только он один, увидел там, вдали, бродячий цирк — с балаганами, представлениями, веселыми и увлекательными, с катанием на лошадях и даже со зверинцем, — одним словом, все то, на что любой мальчишка готов глазеть хоть весь день.

— А как тебе понравится такой замечательный запах? — обратился чиновник к часовому псу.

В тот же миг Тактик учуял восхитительный аромат, которого никто другой услышать не мог бы. От такого духа не в силах был бы оторваться ни единый любопытный нос.

— А вот и вам кое-что, от чего вы не откажетесь, — шепнул чиновник Ляпусу, и тот с восторгом услышал то, что мог слышать только он один — восторженные крики и рукоплесканье толпы поклонников.

И все трое застыли столбами, видя, чуя и слыша именно то, что для каждого из них отобрал Концеляриус. Они совершенно забыли о том, куда направлялись и какая опасность подкрадывается к ним исподтишка. А сам переписчик Концеляриус с довольной улыбкой на пухлом личике сидел, поджидая демонов — не пройдет и минуты, как беспомощные жертвы окажутся в их власти.

Между тем Мило видел цирк — один только цирк, Тактик закрыл глаза, чтобы лучше почувствовать запах, а Ляпус раскланивался, приветливо помахивал рукою и блаженно улыбался — его интересовали только бурные аплодисменты.

Круглый человек хорошо знал свое дело: вновь наступила мертвая тишина, и зловещие шорохи, ползущие вверх по склонам, не нарушали ее. Мило, расслабленный и безвольный, не отрывая взгляда от пустой дали, сбросил с плеча котомку с дарами. Котомка упала наземь, сверток, в котором хранились звуки, раскрылся — и тут же воздух заполнили переливы звонкого смеха, такого радостного, что сам Мило, за ним Тактик и, наконец, Ляпус не могли не рассмеяться. И мертвая тишина отступила.

— Нет и не было никакого цирка! — воскликнул Мило, осознав, что попался в ловушку.

— И запаха тоже не было! — рявкнул Тактик. Будильник его яростно зазвенел.

— И бурных аплодисментов тоже, — разочарованно вздохнул Ляпсус.

— А что я вам говорил? Что я вам говорил? — хихикал переписчик. — Я все могу переписать: могу заставить видеть то, чего нет, слышать то, чего нет, стремиться к тому, чего нет, и обонять то, чего нет, — и даже то, чего не может быть! А к тому же, — заливался он, радостно подпрыгивая на коротких ножках, — вместе с вашими данными я отбираю волю и цель, чувство долга и чувство меры. И если бы не одна штука, с вами было бы покончено.

— Какая еще штука? — спросил Мило, ежась от страха.

— Эта штука — шутка и смех, — горестно всхлипнул переписчик. — Я не могу отобрать и переписать чувство юмора. И если оно у вас есть, значит, я вам не опасен.

— А ОНИ? — жутко вскричал Ляпсус, указав на демонов.

В этот самый момент толпа их наконец взобралась на вершину и устремилась к беглецам. А те бросились к лестнице, сметая все на своем пути — и хнычущего Концеляриуса, и его гроссбух, и чернильницу, и очки. Ляпсус — впереди, за ним — Тактик, а Мило — последним и в самый последний момент — чешуйчатая лапа успела чиркнуть по его ботинку.

Шаткая лестница жутко раскачивалась на ветру, и демоны не отважились ступить на нее: они яростно выли, ревели, клялись отомстить и множеством горящих глаз провожали три маленькие фигурки, исчезающие в облаках.

— Только не оглядывайся, не смотри вниз, — посоветовал Мило Ляпсусу, с трудом переставлявшему дрожащие ноги со ступеньки на ступеньку.

Подобно гигантскому штопору, узкая, без перил лестница ввинчивалась в темноту. Безжалостный ветер с воем накидывался на них, пытаясь сбросить вниз, липкие пальцы тумана впивались в них и тащили назад, но они, помогая друг другу, подымались все выше и выше, на головокружительную высоту, пока не добрались туда, где облака наконец расступились, тьма рассеялась и золотые лучи солнца пригрели их. Ворота замка легко распахнулись. По пушистой, как первый снег, ковровой дорожке они вступили в огромный зал. И там остановились в нерешительности.

— Милости просим, входите. Мы давно вас поджидаем, — пропели

два нежных голоса в унисон.

В дальнем конце зала раздвинулся серебряный занавес, и вперед выступили две девушки. Обе в белых одеждах и красоты несравненной. Одна серьезна и тиха, с теплым сочувственным взглядом, другая — игрива и радостна.

— Вы, должно быть, Принцесса Высочайшей Мудрости, — поклонился Мило первой из них.

— Да, — просто ответила та, и этого было достаточно.

— Значит, вы — Сладчайшая Поэзия, — сказал он, улыбнувшись другой.

Ее глаза ярко блеснули, и она ответила смехом столь же приятным для слуха, как звонок почтальона у двери, когда вы знаете, что он принес вам долгожданное письмо.

— Мы пришли, чтобы освободить вас, — объявил Мило со всей серьезностью.

— И демоны гонятся за нами! — воскликнул Ляпсус, все еще не оправившийся от испуга.

— И надо убираться отсюда, да поскорее, — заметил Тактик.

— О, сюда войти они не посмеют, — тихо ответила Мудрость, — торопиться нам некуда.

— И почему бы вам немного не отдохнуть? — подхватила Поэзия. — Вы наверняка устали. Долго ли вы были в пути?

— Много дней, — вздохнул обессиленный часовой пес, свернувшись клубком на широкой пуховой перине.

— Недель, — не согласился Ляпсус, поскольку именно так ему показалось, и плюхнулся в глубокое покойное кресло.

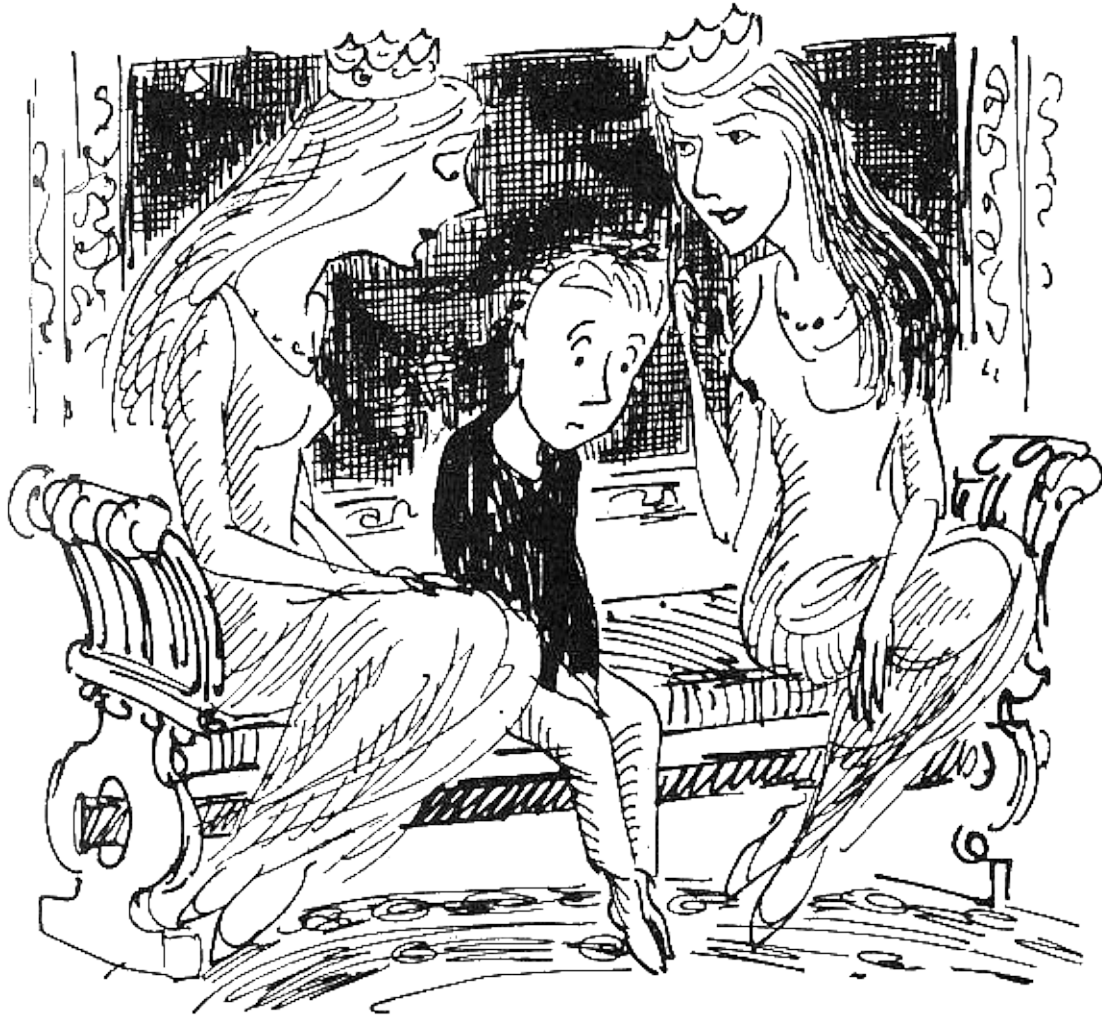
— Да, шли мы слишком долго, — проговорил Мило, — потому что слишком часто ошибались. И в этом виноват только я.

— Не надо сокрушаться, — спокойно проговорила Мудрость. — На то и ошибки, чтобы на них учиться. Если хочешь знать — лучше не раз ошибиться, хорошенько подумав, чем, не думая, ни разу не ошибиться.

— Да ведь узнать-то надо столько всякого! — нахмурился Мило.

— Это правда, — согласилась Поэзия. — Но важно не просто знать. А знать, зачем тебе эти знания и что с ними делать.

— Я об этом и говорю, — продолжал Мило, в то время как Тактик и замаявшийся жучило спали глубоким сном. — То, что я вроде бы уже знаю, мне кажется таким ненужным и бесполезным, что я не могу понять, зачем мне нужно это знать.

— До поры до времени ты этого и не поймешь, — сказала Принцесса Мудрости, понимающе глядя на озадаченного Мило, — но у всего, что мы познаем, есть некий смысл, и все, что мы делаем, хотя бы самую малость касается всех и каждого. Муха взмахнула крылышком, а ветер от этого взмаха разносится по всему миру; пылинка упала на землю, и планета стала чуть-чуть тяжелее; ты идешь, отталкиваясь от земли, но земля тоже отталкивается от тебя. Когда ты смеешься, твоя радость расходитя, как крути по воде; если же ты в горе, никто в целом мире не может быть по-настоящему счастлив. То же самое и с познанием: ты узнал что-то новое, и весь мир стал богаче.

— И еще, — добавила Принцесса Поэзии, — многие места, которые тебе захочется увидеть, не отмечены на карте, а многие вещи, которые ты хотел бы узнать, глазу не видны и рукой до них не достать. Но придет день, и все они тебе непременно откроются — то, что ты узнаешь сегодня, откроет тебе удивительные тайны завтрашнего дня.

— Это я, кажется, понял, — ответил Мило, а тем временем в голове у него крутилось множество других вопросов. — Я хотел бы еще... — начал он было, но в этот момент...

В этот момент вдалеке что-то загремело, затрещало. Удары следовали один за другим, и замок содрогнулся, и все внутри него заходило ходуном. Это демоны там, внизу, на темной вершине, работая топорами, пилами и долотами, ожесточенно подрубили лестницу. И она обрушилась с оглушительным треском, насмерть перепутавшим Ляпсуса, который вскочил и спросонья увидел, что замок медленно взмывает ввысь, в небеса.

— Мы, с позволения сказать, летим! — вскричал он, но это уже ни для кого не было новостью.

— Пожалуй, нам пора уходить, — сказала Поэзия.

Мудрость согласно кивнула.

— Но как же мы спустимся? — всхлипнул Ляпсус, глянув вниз. — Лестницы нет, а мы летим все быстрее!

— Однако время — еще быстрее! Секунды летят, минуты скачут, не так ли, Тактик? — обратился Мило к часовому псу.

— Это бывает! — рявкнул тот, вскакивая на ноги. — Я вас перенесу на землю!

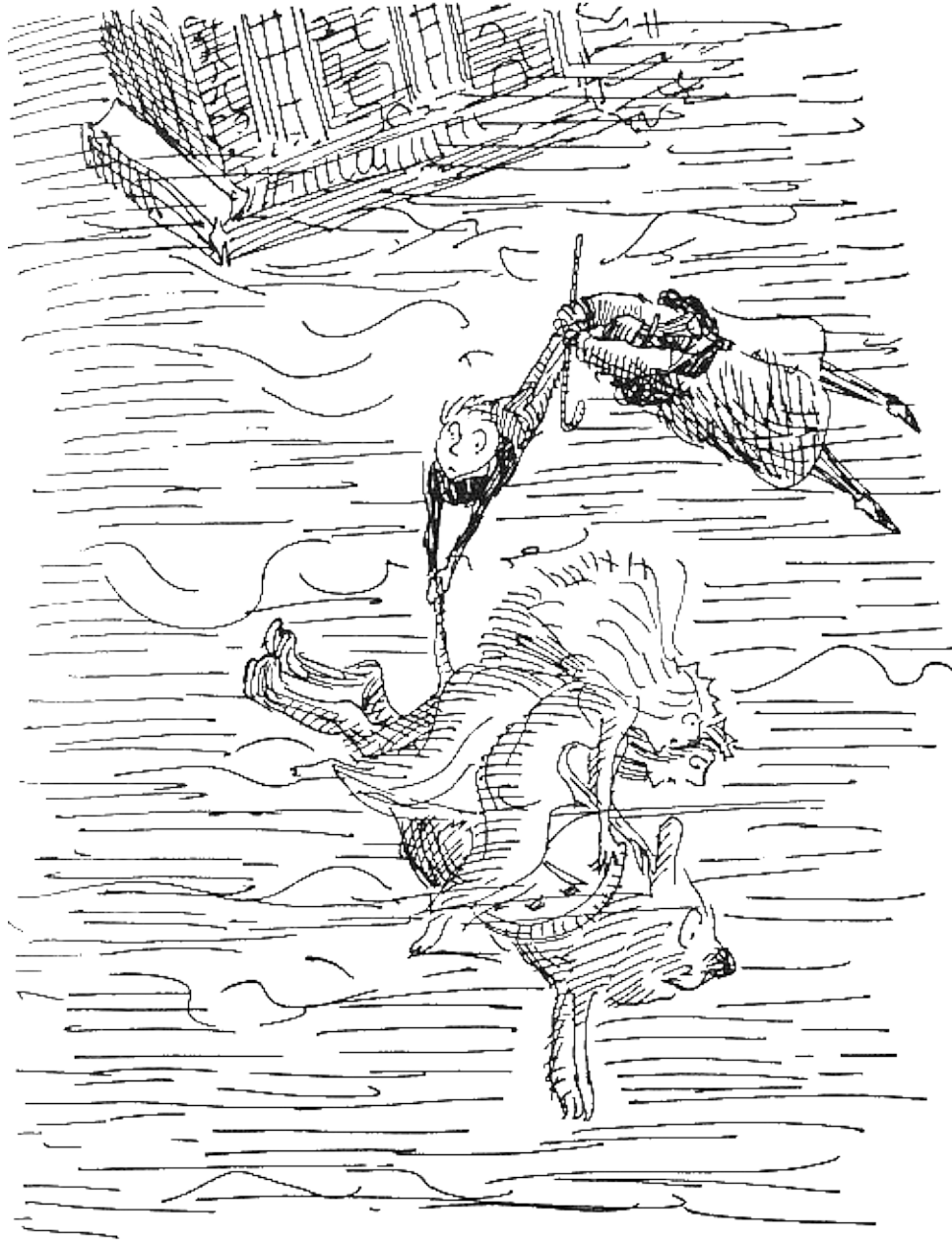
— Всех? — не поверил Ляпсус. — Да разве ты сможешь?

— На один прыжок меня, пожалуй, должно хватить, — почесал в затылке пес. — Принцессы сядут мне на спину, Мило ухватится за хвост, а вы, сударь, хватайте его за пятки.

— А как же Воздушный Замок? — проворчал жучило, не вполне довольный предложением.

— Пусть он себе витает в облаках, — сказала Поэзия.

— И чем выше, тем лучше, — добавила Мудрость. — Каким бы прекрасным он ни был, он все-таки — тюрьма.

Тактик отошел на три шага для разбега и, разбежавшись, нырнул в окно вместе со всеми своими пассажирами. Начался долгий затяжной прыжок. Принцессы сидели на спине невозмутимо и царственно, Мило изо всех сил вцепился в собачий хвост, а Ляпсус позади болтался туда-сюда, как хвост бумажного змея. Они летели сквозь тьму вниз, к горам, к демонам, уже поджидавшим их.

Глава 19

Возвращение Поэзии и Мудрости

Промчавшись по-над вершинами трех самых высоких гор, чудом проскользнув над вытянутыми вверх, готовыми всех сцапать лапами демонов, они наконец приземлились, причем не очень-то мягко.

— Бежим! — торопил Тактик. — Все за мною! Не теряйте времени!

С принцессами на спине он бросился вниз по каменистой тропинке. И как раз вовремя — сверху по склону горы уже покатились, вздымая клубы пыли и завывая леденящими душу голосами, лавина демонов — омерзительных тварей, желающих жить во Тьме Невежества и жаждущих мести. Беглецы мчались во мгле под тяжелыми черными низкими тучами, и Мило, оглядываясь время от времени, всякий раз убеждался, что чудовища все ближе. По левую руку совсем уже близко катилась троица Демонов Компромисса: один тощий и длинный, другой толстый и короткий, а третий — во всем похожий на двух остальных. Как всегда, они катились под горку порочным кругом, поскольку первый твердил — «туда», второй — «сюда», а третий с ними полностью был согласен. И всегда они, сгладив все свои противоречия, катятся туда, куда никто из них не хочет, и не могут попасть ни «туда», ни «сюда» и вообще никуда.

С камня на камень, цепляясь за все своими крепкими загнутыми когтями, неуклюже, задом наперед, скакал Злобный Задний Ум — довольно противный тип с глазами на задку. Он всегда прыгает, не глядя, куда, и не зная, зачем, пока в конце концов не допрыгается.

А самая жуткая тварь напознала прямо сзади, подобная огромному слизню с горящими глазищами и слюнявым жующим ртом, — отвратительная Горгона Ненависти и Злобы. За ней тянулся скользкий след, но ползет она, между прочим, куда быстрее, чем вы думаете.

— СКОРЕЙ! — кричал Тактик. — Нас окружают!

Они бежали по склону, Ляпсус — одной рукой придерживая шляпу и отчаянно размахивая другой, Мило — как никогда в жизни, а демоны — все же чуть-чуть быстрее.

Справа на тонких длинющих ногах покачивалось тяжелое куполообразное тело Властолюбивого Всезнайки. Этот страшный демон, у которого рот не меньше головы, и говорит он непрерывно, высказывая в любой момент по любому вопросу свое совершенно ошибочное мнение. На

ногах он не держится, то и дело падает, но никогда не ушибается, зато может подмять под себя бедолагу, который случайно окажется рядом.

Следом за ним, чуть поотстав, поспешало Грубое Преувеличение, страшно уродливое, с безобразными манерами и рядами острых зубов, пригодных только для одного — корезить правду. Эта парочка всегда промышляет вместе, и несдобровать тому, кто им попадетсЯ.

Верхом на всяком, кого оседлает, ехало Заезженное Оправдание, жалкое, тщедушное, оборванное бородатое создание; оно вечно бормочет одно и то же: «Знаете, я был болен... страничка потерялась... автобус опоздал... но я ведь не один такой... ну, в общем, был болен... страничка потерялась... автобус опоздал... но я ведь не один такой... знаете...»

На вид эта тварь совсем не опасная и даже симпатичная. Но если уж кого оседлает, от нее не отделаешься.

И вся их свора, напирая и толкаясь, вытягивая когтистые лапы и яростно ревя, подступала все ближе и ближе. Тактик с Поэзией и Мудростью, несмотря ни на что, неустрашимо летел вперед, следом Мило, не отступая ни на шаг, хотя легкие его, казалось, сейчас разорвутся, а Ляпсус — Ляпсус понемногу стал отставать. Владенья Разума были уже не за горами, тропа выводила в предгорье, стала положе и шире. Свет и спасенье были уже так близко — но все-таки еще слишком далеко.

Внизу, под горою, беглецов уже поджидали взбешенные исчадья Тьмы, готовые наброситься на добычу. А сзади с улюлюканьем их погоняли Пошлый Примитив и дряблый Студенистый Великан. И рвалось вперед парнокопытное Одно-из-Двух, высекая искры из камней, выдыхая из ноздрей пар и выискивая, кого бы насадить на свои два длинных острых рога.

Ляпсус совсем обессилел, ноги у него подкашивались, на лице застыла мука, а в глазах — тоска.

— Больше, с позволения сказать, я не могу, — простонал он.

Но зигзагом метнулась молния, разорвав небо, и гром заглушил его стон.

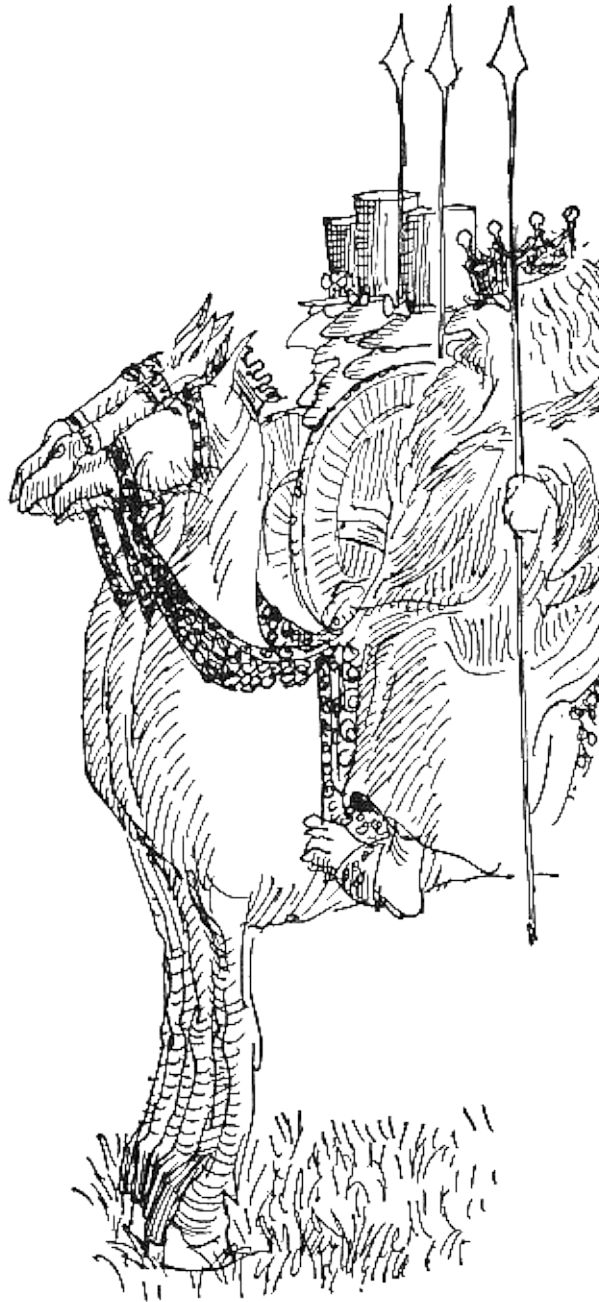
А демоны уже — вот они, охота подходит к концу. Еще прыжок, еще шажок, и первым они схватят жучилу, потом мальчишку, а там и пса с его ношей. Все разом взвились они в прыжке...

И вдруг застыли, как будто вмерзли в воздух, не способные шевельнуться, и со страхом уставились вдаль.

Мило медленно распрямился, поднял голову. Там, на горизонте, во всю его ширь, стояла бесчисленная рать Разума, солнце сияло на мечах и щитах, знамена гордо реяли на ветру.

Мгновение тишины, а затем тысячи труб — многие тысячи — запели, и, как морская волна, с места двинулась конница, сначала медленно, затем быстрее, быстрее — топот копыт и клики звучали музыкой в ушах

Мило, — и рать обрушилась на перетрусивших демонов.

Впереди скакал король Азбукиан в великолепных латах, украшенных рельефными литерами, а рядом с ним — Матемагик, размахивая заново отточенным посохом. Доктор Какофонии метал из своего фургона тарарах за тарарахом на радость госпоже Звукозаписи, а Чудовищный ТАРАРАМ собирал их тут же, на поле боя. Маэстро Гамма ради такого случая вывел свой оркестр, разыгрывая цвета государственных флагов Разума. И все, кого повстречал Мило на своем пути, явились сюда, на помощь, — купцы из Словаренции, цифродобытчики Числовенции и все добрые обитатели

лесов и полей.

Пчела-Наборщица носилась над головами с криком:

— В атаку — вэ а-тэ-а-кэ-у! В атаку — вэ а-тэ-а-кэ-у!

Даже Еслиб, который, как всем известно, мог бы стать еще трусливей, если бы не был таким трусом, даже он покинул Домысел, чтобы показать свою удаль.

И даже Блюстителю Буквы Закона, оседлав кривоногую таксу и насупив брови, мчался на врага.

Съежившись от страха, исчадия Тьмы Невежества, бросились врассыпную и с горестными воплями — такими горестными, что они вечно будут звучать в ушах — убрались восвояси, в промозглую тьму, откуда явились. Ляпсус облегченно вздохнул, а Мило и принцессы рукоплескали победителям.

— Отличная работа! — воскликнул Граф Орфографии, спешившись и пожимая руку Мило.

— Прекрасно сделано! — поспешил добавить Казначей Значений.

— Всем пример! — добавил Премьер Пример.

— Толково! — одобрил Полковник Толковник.

— УРА! — подхватил Фон-Барон Фонетик.

И все, кому хотелось — а хотелось всем, — подхватили:

— УРА!!!

— Это мы должны благодарить вас... — начал было Мило, когда все стихло, но ему не дали продолжить.

Все пятеро развернули огромный пергаментный свиток и под фанфары и барабаны зачитали:

— «Слушайте! Слушайте!..

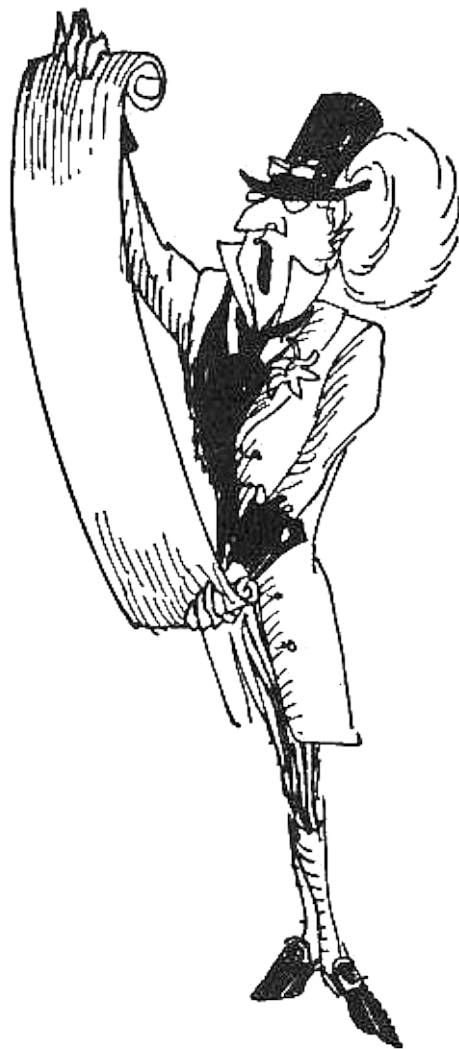
— Отныне...

— И во веки веков...

— Поэзия и Мудрость...

— Снова правят в Разуме!»

Обе принцессы низко поклонились, а потом радостно расцеловались с братьями, и все согласились друг с другом, что это — хорошо.

Затем глашатаи продолжили:

- «А также...
- Отрок по имени Мило...
- А также пес по кличке Тактик...
- А также жучок, названный Ляпсусом...
- Сим нарекаются...
- Заслуженными героями королевства!»

Приветственные клики и здравицы огласили воздух, и даже Ляпсус, казалось, был немного сконфужен столь пристальным вниманием к своей особе.

— «А посему, — завершил Премьер, — во славу беспримерных героев объявляются трехдневные королевские празднества. Шествия по всем городам и весям, маскарады, пиршества, игрища и мюзиклы».

Все пятеро тайных советников свернули пергамент и ретировались, непрерывно кланяясь и расшаркиваясь.

Верховые нарочные разнесли эту весть по всем концам королевства, и повсюду толпы людей выходили приветствовать праздничное шествие, которое медленно двигалось через всю страну. Гирлянды цветов украшали каждый дом и каждую лавку, а мостовые были выстелены коврами. В самом воздухе витала радость, и ставни, в течение многих лет запертые, распахивались, впуская яркий солнечный свет туда, где его так долго не было.

Мило, Тактик и совсем стусевавшийся Ляпсус гордо восседали в королевской карете рядом с Азбукианом, Матемагиком и обеими принцессами, а шествие растянулось на много миль впереди них и позади.

Отовсюду доносились здравицы, и Поэзия, подавшись вперед, легонько тронула Мило за руку.

— Они приветствуют тебя, — молвила она с улыбкой.

— Но без их помощи, — возразил он, — я бы ничего не мог сделать.

— Так-то оно так, — серьезно заметила Мудрость, — но лишь у тебя хватило мужества решиться на это. Ведь чтобы добиться цели, порой достаточно одной лишь решимости.

— Именно поэтому, — вступил Азбукиан, — мы не могли открыть вам некую страшную тайну прежде вашего возвращения.

— Да, я помню. Но теперь мы вернулись!

— Вы не могли вернуться — это было невозможно, — проговорил Азбукиан, глядя на Матемагика.

— Абсолютно невозможно, — подтвердил Матемагик, глядя на Азбукиана.

— Вы хотите сказать... — пролепетал Ляпсус, вдруг совсем ослабев.

— Вот именно, — согласно кивнули они головами. — Но скажи мы об этом тогда, вы бы куда и не пошли. Однако многое становится возможным, если не знаешь, что оно невозможно.

За всю остальную дорогу Мило не произнес ни звука.

Наконец они достигли обширной равнины на полпути между Словаренцией и Числовенцией, чуть правее Долины Созвучий, чуть левее Смотровой Площадки. Длинная вереница карет и всадников остановилась. И праздник начался.

Как муравьи, засуетились рабочие, повсюду возникли ярмарочные пестрые палатки и шатры. В мгновение ока явились ристалища и трибуны, цирковые балаганы, закусовые, игровые площадки, аттракционы, флаги, транспаранты и всеобщая неразбериха.

Взвивались праздничные шутихи и фейерверки — это Матемагик запускал в небо цифры, которые умножались и делились с поразительными результатами, Гамма расцветивал их во все цвета, а Дериухо И. Горло, доктор Какофонии, просто обезумевший от радости, сопровождал раскатами великолепного грохота. Госпожа Звукозапись обеспечила празднество музыкой, смехом и даже мгновениями тишины.

Алле Оп установил огромный телескоп, в который все желающие могли увидеть обратную сторону Луны. А Ляпсус расхаживал в толпе, принимая поздравления и повествуя о своих подвигах, преувеличивая их с каждым новым повествованием.

Вечерами, едва стемнеет, начинались королевские пиршества. Столы ломились от невообразимой снеди. Король Азбукиан потчевал гостей превосходными словесами на всякий вкус, а любителям острых ощущений подавались слова из неведомых и диковинных языков. Матемагик угощал пирожками с начинкой из бесконечных корней: сколько ни извлекай — еще больше останется. К ним Мило, честно сказать, побоялся притронуться.

И конечно, после каждого застолья начинались речи, звучали песни и героические сказания во славу принцесс и трех доблестных витязей-избавителей. Короли Азбукиан и Матемагик клялись, что ежегодно в это самое время будут выводить свои рати к Горам Невежества до тех пор, пока не останется там ни единого исчадья Тьмы. И все были согласны в одном: никогда еще ни по какому поводу не случилось в Разуме празднества прекрасней этого.

Однако, как говорится, хорошенького — понемножку. На исходе третьего дня палатки и шатры свернули и упаковали, — все было готово в дорогу.

— Делу — время, потехе — час, — сказала Мудрость. — А дел осталось очень много.

Едва она это произнесла, как Мило вдруг вспомнил свой дом, и ему очень захотелось вернуться туда. Однако так же сильно ему не хотелось уезжать отсюда.

— Пришло время проститься, — сказала Поэзия, погладив его по щеке.

— Со всеми? — Мило стало ужасно грустно.

Он медленно оглядел своих новых друзей, стараясь запечатлеть в памяти каждого и навсегда. Но дольше всего он всматривался в Тактика и Ляпсуса, с которыми разделил все приключения, опасности, ошибки и, главное, победы. Никогда у него не было таких верных товарищей.

— А почему бы вам не отправиться вместе со мной? — спросил он, хотя заранее знал ответ.

— Боюсь, старина, что не смогу, — отвечал Ляпсус. — Мне предстоит совершить, с позволения сказать, турне с лекциями, и займет оно не один год.

— А кто будет беречь тут время, ежели не я? — грустно тявкнул Тактик.

Мило обнял жучилу, а тот по своему обыкновению грубо ляпнул:

— Что это, извольте заметить, за телячьи нежности! — Но увлажнившиеся глаза его говорили совсем иное.

Потом Мило обвил руками шею часового пса и крепко-крепко прижался к нему.

— Спасибо вам за все, чему вы меня научили, — сказал он, и слеза скатилась по его щеке.

— Спасибо тебе за все, чему научил нас ты, — отвечали короли и хлопнули в ладоши.

Откуда ни возьмись выкатился автомобильчик, чистенький и сверкающий, совсем как новый. Мило сел за руль, окинул последним взглядом всех, махавших ему на прощанье, и тронулся с места.

— До свидания! До свидания! — кричал он. — Мы еще встретимся! Я вернусь!

— До свидания! — кричал Азбукиан. — Помни, как дорого каждое слово!

— Помни, как дорого всякое число, — поспешил добавить Матемагик.

— Надеюсь, вы не утверждаете, что число важнее слова? — долетело до Мило восклицание Азбукиана и ответ Матемагика:

— То есть как? Вы считаете... — Но больше ничего уже не было слышно.

«Эх, — подумал Мило, — неужели они начнут все сначала?»

А спустя еще мгновение все скрылось за поворотом, дорога нырнула под горку и устремилась туда, откуда все началось.

Глава 20

До свидания — здравствуй

Леса и луга пролетали мимо, и ветер наигрывал что-то на ветровом стекле, но Мило уже было не до них — он вдруг сообразил, что провел в дороге, пожалуй, не одну педелю.

«Только бы дома не очень волновались, — думал он, газуя изо всех сил. — Я еще никогда не уезжал так далеко и надолго».

Солнце, клонясь к закачу, из жарко-желтого стало тепло-оранжевым. Будто оно притомилось так же, как он. Плавный изгиб дороги, за ним другой — что-то очень знакомое! — и вот уже вдали показалась одинокая придорожная и такая долгожданная фиолетовая будка — та самая, для сбора дорожной пошлины. Конец приключениям. Мило бросил монетку в прорезь ящика и поехал дальше. А дальше — он сам не понял, как это получилось, — но только очутился он прямо посреди своей собственной комнаты.

Он взглянул на часы и разинул рот:

— Это надо же — всего шесть часов!

И тут его осенило:

— Но ведь сегодня — это еще сегодня! И прошло не больше часа!

Как можно успеть переделать столько дел за такое короткое время? Это понять невозможно.

Разговаривать ему не хотелось — он был сыт разговорами по уши — и ужинать тоже — он был сыт по горло, а потому без разговоров пошел спать даже раньше времени. Укрылся одеялом, напоследок окинул взглядом свою комнату — теперь она казалась совсем иной, чем прежде, — и уснул глубоким долгожданным сном.

На следующий день Мило думал только о фиолетовой будке и о том, что находится там, за нею, поэтому время в школе для него пролетело почти незаметно, но казалось, что тащится еле-еле. Он с нетерпением дожидался последнего звонка, и когда тот прозвенел — ноги сами со скоростью мысли понесли его домой.

— Сейчас! Сейчас! Сейчас я поеду туда. Как они все обрадуются! А я...

Он застыл на пороге своей комнаты — там, где вчера стояла фиолетовая будка, теперь не было ничего. Он в отчаянии обыскал всю

квартиру, но таинственный дар исчез точно так же, как появился, а вместо него обнаружился новый ярко-синий конверт с надписью в графе кому.

«МИЛО, ЗНАЮЩЕМУ ДОРОГУ».

Он торопливо вскрыл конверт и прочел:

«Дорогой Мило,

путешествие **туда**, за фиолетовую будку, завершилось. Полагаем, что завершилось оно благополучно, и надеемся, что причина, по которой мы вынуждены снова забрать будку, вполне понятна. Слишком многим мальчишкам и девчонкам она нужна, они ждут ее. Мы знаем, есть еще множество стран, которых нет даже на карте, но в которых необходимо побывать, и множество всякого, чего никто еще не видел, но что необходимо увидеть. Однако мы совершенно уверены, что до всего этого можно дойти самому — было бы только желание.

С уважением...»

Подпись была смазана и неразборчива.

Мило забился в уголок большого кресла у окна. Он чувствовал себя таким одиноким и покинутым; мысли его были далеко — *там*, с глупым, но симпатичным Ляпсусом, с верным и надежным Тактиком, с буйным ТАРАРАМОМ, с Алле Опом, который, как надеялся Мило, когда-нибудь твердо станет ногами на землю, с Поэзией и Мудростью, без которых увядает Разум, и со всеми, всеми, всеми, кого он никогда не забудет.

Но даже с головой погрузившись в эти воспоминания, он не мог не заметить прекрасной синевы неба за окном, а в небе — облако, похожее на корабль, летящий на всех парусах. Он видел макушки деревьев; на кончиках веток — бледные почки, а молодая листва — зеленая-презеленая. Там, за окном, было столько всего, что можно увидеть, услышать и ощутить: дорожки, чтобы по ним гулять, горки, чтобы на них карабкаться, гусеницы, чтобы наблюдать, как они странствуют по саду. Голоса — чтобы просто слушать, разговоры — чтобы слышать и удивляться, и у каждого дня — свой особенный запах.

А здесь, в комнате, где он сидит, полно книг, и каждая из них уводит

неведомо куда, полно всяких игрушек и прочих вещей — выдумывай, делай, строй, ломай, а еще полно всякого — таинственного, загадочного — чего он еще не знает и не умеет: музыка — ее нужно уметь исполнить, песня — ее нужно спеть, а еще есть миры, которые можно вообразить, а потом, когда-нибудь, претворить в реальность. Мысли закрутились у него в голове: все это было ему внове — и все это стоило попробовать.

— Хорошо бы, конечно, еще разок побывать там! — воскликнул Мило, вскакивая на ноги. — Только не знаю, найдется ли у меня свободное время? Слишком много надо сделать здесь.

